

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный технический университет»
(ТвГТУ)

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 3 (18), 2019

Тверь 2019

Вестник Тверского государственного технического университета: научный журнал. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». Тверь: Тверской государственный технический университет, 2019. № 3 (18). 120 с.

Включает научные статьи, подготовленные на основе результатов исследований по группам научных специальностей «Философия», «Психология» и «Экономика», выполненных научно-педагогическими работниками Тверского государственного технического университета и учеными других научных и образовательных учреждений.

Содержание журнала представляет интерес для преподавателей социально-гуманитарных дисциплин, научных работников, аспирантов, магистрантов и студентов.

ТЕМАТИКА ЖУРНАЛА

- *Философская мысль*
- *Психологическое знание*
- *Проблемы экономики и управления*

Информацию о журнале можно найти в сети Интернет по адресу:
http://www.tstu.tver.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=2831:2019-01-21-07-26-34&catid=41:seriyatechnauki&Itemid=292

Журнал включен в систему Российского индекса цитирования (адрес: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=52841).

© Тверской государственный
технический университет, 2019

Содержание

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ.....	5
Буланов В.В. Роль Л.Н. Толстого в становлении философского мировоззрения Л. Шестова.....	5
Соболева Н.А. Культурно-социальная среда в воззрениях Н.И. Кареева.....	11
Золотов А.А. Уроки Американской и Французской революций: анализ организации политического пространства в трудах Ханны Арендт.....	17
Торгованова О.Н., Шевченко Г.С., Гончар Н.Н., Гуменюк О.А. Власть дискурса и дискурс власти в рамках концепции Т. ван Дейка.....	23
Потамская В.П. Философия Р. Барта: текст и знак.....	30
Занегина Н.В. К истории заключения брака: о «чужом доме» на пути к супружескому счастью.....	37
Павлова Н.И. Когнитивная наука в дискурсе философии: диалог физиков и философов.....	46
Михайлова Е.Е., Верпатова О.Ю., Мартюшов В.Ф. К вопросу о поиске культурно-национальной идентичности в миграционном обществе.....	52
Морозова О.Ю. «Открытый контент»: к вопросу о понятии.....	59
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ.....	64
Чечурова Ю.Ю. Психологические особенности процесса принятия решений в ситуации неопределенности у сотрудников МЧС.....	64
Сизова В.В. Ошибки мотивирования: из практики обучения иноязычной речевой деятельности.....	71
Клинкова Д.А. Коммуникативные потребности и возможности человека в пространстве информационно-коммуникативной реальности.....	75
Верпатова О.Ю., Мартюшов В.Ф., Веселова Ю.В. Мониторинг факторов социальной адаптации иностранных студентов в вузах РФ как условие повышения эффективности их профессиональной подготовки.....	79
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ.....	85
Артемьев А.А., Кохно П.А. Глобальные тренды экономического развития.....	85
Розов Д.В., Воробьева М.В., Мальцева А.С. Управление контролем качества закупок товаров сантехнического назначения на предприятии оптовой торговли.....	95
Разиньков П.И., Разинькова О.П. Исследование сущности и проблем формирования основных производственных фондов предприятия.....	98
Крюкова О.В. Оценка финансовой безопасности фирмы (на примере ОАО «РИМ»).....	110
Правила представления статей для публикации в журнале.....	116

Contents

PHILOSOPHICAL THOUGHT.....	5
Bulanov V.V. Role of I.N. Tolstoj in development of philosophical world of L. Shestov.....	5
Soboleva N.A. Cultural-social environment in views of N.I. Kareeva	11
Zolotov A.A. Lessons of American and French revolutions: analysis of political space organization in Arendt' works.....	17
Torgovanova O.N., Shevchenko G.S., Gonchar N.N., Gumenyuk O.A. Power of discourse and discourse of power by T. Van Dyck	23
Potamskaya V.P. R. Barthes's philosophy: text and sign.....	30
Zanegina N.V. To the history of marriage: about the «alien home» on the way to marital happiness	37
Pavlova N.I. Cognitive science in the discourse of philosophy: dialog of physicists and philosophers	46
Mikhailova E.E., Verpatova O.Yu., Martyushov V.F. Searching of cultural-national identity in migration society.....	52
Morozova O.Yu. «Open content»: to the question of the concept.....	59
PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE.....	64
Chechurova Yu.Yu. Psychological peculiarities of the decision-making process in the situation of uncertainty at emercom employees	64
Sizova V.V. Second language teaching: experience-based motivation errors.....	71
Klinkova D.A. Communicative needs and possibilities of a person in the space of information and communicative reality.....	75
Verpatova O.Yu., Martyushov V.F., Veselova Yu.V. Monitoring factors of social adaptation of foreign students in higher education institutions of the Russian Federation as a condition of increasing the effectiveness of their professional training	79
PROBLEMS OF ECONOMICS AND MANAGEMENT.....	85
Artemyev A.A., Kokhno P.A. Global trends of economic development.....	85
Rozov D.V., Vorobieva M.V., Maltseva A.S. Management of quality control of procurement of sanitary goods at a wholesale enterprise	95
Razinkov P.I., Razinkova O.P. Study of the essence and problems of formation of major production funds of the enterprise	98
Kryukova O.V. Assessment of financial security of the company (in the example of «ROME»).....	110

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 1(091)

РОЛЬ Л.Н. ТОЛСТОГО В СТАНОВЛЕНИИ ФИЛОСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ Л. ШЕСТОВА

В.В. Буланов

© Буланов В.В., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

Демонстрируется, что становление философского мировоззрения Л. Шестова происходило в контексте ценностного конфликта. Автор считает, что этот процесс шел на протяжении второй половины 1890-х годов. Сделан вывод, что изменение отношения Л. Шестова к Л.Н. Толстому влияло на этот процесс.

Ключевые слова: идеал, норма, противоречие, ценность, ценностный конфликт, философское мировоззрение.

Становление философского мировоззрения Л. Шестова происходило во второй половине 1890-х годов. Этот процесс можно проследить, проанализировав три его работы – «Шекспир и его критик Брандес», «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше (Философия и проповедь)» и «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)». Этот процесс был драматичен, поэтому сложно согласиться с тем, что Л. Шестов был «однодумом». Философствование не сводится к рефлексии над беспочвенностью человеческого существования [2, с. 102] или критике рационализма [4, с. 37]. Шестов-мыслитель сформировался в результате снятия ряда ценностных конфликтов, и каждый из них так или иначе был связан с изменением отношения ко Л.Н. Толстому.

Л.Н. Толстой до рубежа 1870–1880-х годов был писателем-реалистом, а затем пережил мировоззренческий кризис, связанный с возникновением у него неортодоксального религиозного мировоззрения на базе рациональной интерпретации Евангелия. Он превратился в проповедника, обличавшего погруженность в мирские дела и лицемерие Русской православной церкви [5, с. 142–145, 290–292], критиковавшего праздность светского общества России и эксплуатацию им простого народа [8, с. 377]. Мыслитель теперь утверждал: нравственность искусства и жизнь людей определяется религиозностью [7, с. 40, 50–52, 54]. Придя к выводу об ошибочности «разумного знания», Л.Н. Толстой решил, что познание истины связано лишь с «исканием Бога» [6, с. 149]. Для него добро стало сущностью Бога, и он начал поучать и осуждать других людей, исходя из своего понимания добра. Л.Н. Толстой в 1890-х гг. сожалел о том, что ранее писал повести и романы. Он теперь считал литературу пагубным соблазном и критиковал ее за культ земной красоты [9, с. 41–42, 93, 208–209].

Сначала Л. Шестов положительно относился к творчеству Л.Н. Толстого. В 1896 г. он включил его в число писателей и литературных критиков, чьи труды обязательно нужно прочитать [1, с. 24]. Однако особого влияния этот писатель на его мировоззрение пока не оказывал (пока, то есть до знакомства Л. Шестова с биографией и философией Ф. Ницше).

По мнению Л. Шестова, «читая Ницше, не удивишься тому напряжению, до которого может дойти человек, если ему нужно оправдать и осмыслить свою жизнь» [14, с. 113]. В таком напряжении каждый человек пребывает в состоянии ценностного конфликта. В нем он периодически оказывается, потому что всегда «расщеплен в своем существовании» и не способен смириться с тем, чем он является [15, с. 378]. Тогда экзистенциальная раздвоенность заставляет его искать новые ценности для собственной деятельности [11, с. 288, 292]. Л. Шестов, несомненно, ощущал в себе такое расщепление, обнаруживал его и в Ницше, считал его причиной внимания немецкого философа к проблеме переоценки ценностей. Из-за чувства расщепленности русский философ заинтересовался феноменом ценностного конфликта. В связи с этим обратимся к теоретическим основаниям ценностного конфликта. Под ценностным конфликтом следует понимать такое противоречие между ценностями субъектов коммуникации, которое дает им «стимул к выбору и принятию решений» [10, с. 26], признанных снять это противоречие. Он происходит в человеческом сознании, так как ценность является социально значимым эталоном должного поведения, пребывающим в определенном этическом поле и взаимосвязанным со смыслами этого поля [3, с. 337]. Ценности в зависимости от своей основной функции делятся на ценности-средства, ценности-регулятивы (нормы), ценности-цели (идеалы) и фундаментальные ценности (то есть истины добра и красоты). Ценностный конфликт бывает внутриличностным, межличностным, межгрупповым. Внутриличностный ценностный конфликт в первую очередь связан с противоречием между ценностями-средствами. В данном случае субъект, ориентируясь на ту или иную ценность-регулятив, затрудняется при выборе между ценностями, ориентация на которые содействует следованию этой ценности-регулятиву. Межличностный ценностный конфликт чаще всего связан с тем, что ценности-регулятивы у двух или нескольких личностей совпадают, а вот соответствующие им идеалы понимаются ими по-разному. Для межгруппового ценностного конфликта характерно противоречие между интерпретацией фундаментальных ценностей, тогда как идеалы ими воспринимаются одинаково.

О том, что молодой Л. Шестов увлекся исследованием биографии и творчества писателей и философов через призму ценностного конфликта, свидетельствуют все три его первые работы. Причем анализ текста его первого произведения («Шекспир и его критик Брандес») дает основания выделить три ценностных конфликта, снятие которых было необходимо для формирования его философского мировоззрения: внутриличностный, межличностный, межгрупповой.

Внутриличностный ценностный конфликт связан с защитой достоинства человеческой личности. Для Л. Шестова ценностью-регулятивом являлась защита достоинства человеческой личности [14, с. 11–12], а с выбором ценности-средства он затруднялся: русский философ колебался между верой в человека как высшее творение Бога и убежденностью в том, что даже самому отъявленному преступнику можно и должно посочувствовать. Но он не был согласен с катафатическим богословием из-за присутствующего мыслителю рационализма и потому не хотел наделять Бога какими-либо однозначными свойствами [14, с. 7–10],

выводить достоинство человека из того, что человек – творение Бога. Это затруднение проявляется в том, что Л. Шестов, хотя обличает категорический императив за жестокость к убийце Макбету, но не может не признать, что защищать в Макбете человеческое достоинство могут лишь выдающиеся люди, в частности У. Шекспир [14, с. 116–117, 202–204]. Л. Шестову помогла бы в этом традиционная апелляция к милосердию Бога-судьи, но ведь он отказывается наделять Бога земными чертами.

Межличностный ценностный конфликт касается противоречия между гуманностью и жестокостью при оценке Л. Шестовым личности и философского мировоззрения Ф. Ницше. Конечно, этот конфликт можно выявить лишь в его опосредованной форме (Л. Шестов не имел возможности беседовать или переписываться с Ф. Ницше). Он заключался в том, что Л. Шестов, как и Ф. Ницше, симпатизировал такой ценности-регулятиву, как стойкость перед ударами судьбы [14, с. 113], но ориентировался на идеал гуманности [14, с. 111, 117] и потому мучительно пытался оправдать Ф. Ницше перед самим собой за его апологию жестокости [1, с. 32; 14, с. 113].

Межгрупповой ценностный конфликт происходил между Л. Шестовым как одним из религиозных новаторов и сторонниками рационализма. Этот конфликт также является опосредованным: ни с одним из философов-рационалистов Л. Шестов не полемизировал как с живым и рядом присутствующим собеседником. С философским рационализмом, как и с мировоззрением Л. Шестова, совместим ницшевский тезис, что в культуре Европы произошла «смерть» Бога и что вместо Бога нужно выбрать новый идеал. Однако «смерть» Бога, с точки зрения рационалистов, следует приветствовать как важное прогрессивное событие, для Л. Шестова это – пагубное следствие скептицизма ученых, философов-просветителей (Вольтера) и идеалистов (И. Канта) [14, с. 8]. По мнению этого мыслителя, на «смерть» Бога нужно реагировать защитой Бога от всякой рационализации путем создания нового идеала Бога как источника нравственности, защитника человека от обезличивающего влияния науки и ударов судьбы [14, с. 8, 11, 17–18]. Таким образом, можно сделать вывод, что Л. Шестов снял для себя самого данный ценностный конфликт.

В произведении «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь)» русский философ стремился снять имеющиеся ценностные конфликты. Его отношение к Л.Н. Толстому в те годы значительно изменилось. Эта перемена связана с мировоззренческими исканиями Л. Шестова.

Анализ текста «Добра в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь)» позволяет прийти к выводу, что его автор сумел снять свой внутриличностный ценностный конфликт, связанный с защитой достоинства человеческой личности. Это произошло благодаря использованию мыслителем такой ценности-средства, как противопоставление «философия – проповедь». В интерпретации Л. Шестова философия – это мышление, ориентированное на честное отношение к миру, приоритет понимания над вынесением оценки, а проповедь – это согласие на ложь ради комфортного ощущения своего благочестия и связанного с ним права судить других людей [12, с. 303–304].

Выбор в пользу философии (и, соответственно, приоритета понимания над оценкой) приводит к уяснению того, что залог человеческого достоинства – в приятии иррациональности и внеморальности бытия в целом и Бога в частности, так как Он не есть добро и перед ним грешники и праведники равны [12, с. 202–203, 207]. Л. Шестов даже заявил, что имморализм – это выстраданная Ф. Ницше «евангельская истина» [12, с. 257]. Если учесть, что Л.Н. Толстой ассоциировал Бога с добром и считал наглыми высказывания Ф. Ницше о христианской морали [9, с. 49], становится очевидным, что Л. Шестов солидарен в этом вопросе с Ф. Ницше и уже не симпатизирует Л.Н. Толстому как мыслителю-моралисту. Об этом изменении отношения Л. Шестова к Л.Н. Толстому свидетельствует его новое понимание мировоззренческой эволюции этого писателя: когда он был писателем-реалистом, длился философский ее этап, а когда он начал пропагандировать свои религиозные воззрения – этап проповеди. Проповедь Л.Н. Толстого вызвала у Л. Шестова лишь сожаление и осуждение как предательство самого себя [12, с. 303–307]. Такое новое отношение Л. Шестова к Л.Н. Толстому, несомненно, связано с ценностью-средством «противопоставление “философия – проповедь”». Ориентация на проповедь помогла Л. Шестову снять свой внутриличностный ценностный конфликт.

Стратегия снятия Л. Шестовым опосредованного межличностного ценностного конфликта между ним и Ф. Ницше как сторонником жестокости в работе «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь)» не претерпевает существенных изменений. По Л. Шестову, ницшевский апофеоз жестокости, несовместимый с гуманностью Л.Н. Толстого, достоин не осуждения, а сострадательного понимания и приятия [12, с. 297–299]. Русский философ посчитал, что гуманность лицемерна, о чем свидетельствуют, по его мнению, проповеди Л.Н. Толстого [12, с. 281, 283]. Во время создания вышеназванной работы Л. Шестов придерживался ранее принятой им стратегии снятия межгруппового ценностного конфликта между теми, кто признал «смерть» Бога как данность (рационалистами), и религиозными людьми с неортодоксальными убеждениями. Мыслитель по-прежнему убежден в том, что Бога нельзя постичь рационально. Но теперь он добавляет, что истинного Бога еще нужно найти и что этот Бог выше толстовского добра [12, с. 307]. К этой констатации он пришел не без помощи размышлений о неприемлемой для него «исключительной требовательности добра, желавшего, чтобы вопреки... разнообразию действительной жизни люди признавали его «началом и концом всего», как говорит гр. Толстой» [12, с. 307].

Содержание следующей работы Л. Шестова – «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» – свидетельствует о том, что ее автор сумел снять все те ценностные конфликты, которые тревожили его в самом начале его философствования. Этому во многом способствовало его пристальное внимание к творчеству Л.Н. Толстого.

Внутриличностный ценностный конфликт Л. Шестова ранее был снят через противопоставление философии проповеди. Теперь он еще более утвердился в избранной позиции, противопоставляя философию трагедии философии обыденности. Защиту достоинства человеческой личности для Л. Шестова не

обеспечивает мировоззрение Л.Н. Толстого. Л.Н. Толстой, по Л. Шестову, предпочел честности «твердые принципы, по которым можно жить человеку», пока еще не оказавшемуся в «области трагедии» [13, с. 316, 351].

Как и ранее, Л. Шестов заявляет, что от гуманности милосерднее перейти к жестокости. Он утверждает, что сострадание «добрых», построенное, в частности, на толстовской морали, выносит приговор человеку, попавшему в «область трагедии»: этому «человеку больше ничем нельзя помочь» [13, с. 439]. Л. Шестов утверждает, что Л.Н. Толстой, прикрываясь волей Бога и благими пожеланиями, в действительности заботится не о благе своих ближних, а о том, чтобы все «мы исполняли его собственную волю» [13, с. 449]. По Шестову, удел приверженцев гуманности – «опустошенная ... действительность» лжи другим и себе, а после отказа от гуманности начинается «новая жизнь, ... обещающая, но пугающая» любителей здравого смысла [13, с. 430, 449, 451].

Межгрупповой ценностный конфликт, рассматриваемый Шестовым, также не проявляется в тексте «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)». Мыслитель в этом произведении придерживается ранее избранной стратегии критики рационализма, критики его этических основ как неэффективных и неубедительных. Их Л. Шестов называет проявлениями лживой и поверхностной «философии обыденности», которой противостоят «философы трагедии» – одинокие, но неутомимые искатели иррационального, подлинного Бога «среди вечной тьмы и хаоса», изгой из мира праведных обывателей [13, с. 448–451]. К философам обыденности Л. Шестов относит и Л.Н. Толстого. По его мнению, этот писатель, превратившись в моралиста и проповедника, предал самого себя, решив игнорировать все проблематическое и вернуться к «положительным идеалам» [13, с. 316, 351] обывателей, в том числе к гуманности.

Учитывая, что для Л. Шестова вышеназванные ценностные конфликты в тексте работы «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» уже были сняты, можно утверждать, что однозначное и стабильное отношение к важнейшим мировоззренческим проблемам у него к концу 1890-х гг. сложилось. Тогда и завершилось становление Л. Шестова как философа. Немаловажную роль в этом становлении сыграли его размышления над биографией и идейной эволюцией Л.Н. Толстого.

Библиографический список

1. Баранова-Шестова Н.Н. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. В 2 т. Paris: YMCA-Press, 1983. Т. 1. 360 с.
2. Визгин В.П. Экзистенциальный философ под микроскопом филолога // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 97–106.
3. Губман Б.Л. Введение в философию культуры // Губман Б.Л. Современная философия культуры. М.: РОССПЭН, 2005. С. 289–523.
4. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Миф о Сизифе; Бунтарь. Минск: ООО «Попурри», 1998. С. 13–142.
5. Толстой Л.Н. Воскресение // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 13. С. 7–458.
6. Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 16. С. 106–165.

7. Толстой Л.Н. Религия и нравственность // Л.Н. Толстой: pro et contra. Личность и творчество Л.Н. Толстого в оценке современников: антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 40–54.
8. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 16. С. 166–398.
9. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22 т. М.: Художественная литература, 1983. Т. 15. С. 41–221.
10. Тращенко Е.В. Ценностный конфликт в коммуникативных ситуациях различного типа: влияние ценностных ментальных репрезентаций на стратегии общения // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2. С. 24–34.
11. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск: ООО «Попурри», 1999. 624 с.
12. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 207–306.
13. Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 307–451.
14. Шестов Л. Шекспир и его критик Брандес // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 7–206.
15. Ясперс К. Духовная ситуация времени // К. Ясперс. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 288–418.

ROLE OF L.N. TOLSTOJ IN DEVELOPMENT OF PHILOSOPHICAL WORLD OF L. SHESTOV

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

The author of article wants to prove the development of philosophical world outlook of Lev Shestov occurred in context of value conflict. The author thinks this process was being during second half of 1890th years. The author comes to conclusion change of attention of L. Shestov to L.N. Tolstoj influenced on this process.

Keywords: *ideal, norm, contradiction, value, value conflict, philosophical world outlook.*

Об авторе:

Буланов Владимир Владимирович – доктор философских наук доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Bulanov Vladimir Vladimirovich – PhD, associate professor of department of philosophy and psychology with courses of bioethics and history of the Fatherland of Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru

КУЛЬТУРНО-СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА В ВОЗЗРЕНИЯХ Н.И. КАРЕЕВА

Н.А. Соболева

© Соболева Н.А., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Рассматриваются воззрения русского философа, историка и социолога Н.И. Кареева на сущность культурно-социальной среды. Выявлено, что в этом вопросе Н.И. Кареев начинает двигаться в русле воззрений Г. Спенсера (концепция «над-органической среды») и К. Маркса (концепции конфликта как стимула общественного развития). Далее он расширяет и углубляет смысловое значение культурно-социального пространства, в котором разворачивается жизнь отдельных народов и выстраиваются новые формы и уровни их взаимодействия. В интенции Н.И. Кареева, культурно-социальная среда приобретет особое значение при изучении диалога Запада и Востока. Историко-культурный контекст влияет на зарождение и формы взаимодействия культурных миров: они возникают, объединяются, обособляются, подчиняются, заимствуют друг у друга черты, могут выступать в качестве преемника или проводника традиций.

Ключевые слова: культура, общество, история, Н.И. Кареев, личность, диалог культур.

Культурно-социальная среда является важным фактором формирования общества и личности. Под ее влиянием формируются представления человека об окружающем мире и его месте в нем, создаются модели поведения на основе ценностно-нравственных ориентиров. Изменение основных составляющих культурно-социальной среды может являться как следствием, так и причиной общественных трансформаций.

Вопросы эволюции общественной жизни в своих многочисленных трудах рассматривает один из первых русских философов истории Николай Иванович Кареев (1850–1931). Основными его работами, в которых поднимаются проблемы культурно-социальной среды, являются «Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох» (1903), «Основные вопросы философии истории» (1883) и «Историология. Теория исторического процесса» (1915).

Проблема культурно-социальной среды в контексте воззрений Н.И. Кареева, разумеется, уже получила свое освещение в трудах российских философов, социологов, культурологов, историков. Так, усилиями А.В. Малинова, Е.Е. Михайловой, Л.А. Никонова и других исследователей выявлено, что Н.И. Кареев рассматривал указанную среду как важный фактор социальной эволюции в целом и как определяющее условие вызревания самостоятельных начал отдельной личности [4; 5; 6]. В данной статье анализируется идея Н.И. Кареева о том, что следует рассматривать культурно-социальную среду как особый фактор, определяющий интенсивность, форму и содержание диалога различных культур. В ракурсе многофакторного анализа тема значимости культурно-социальной среды присутствует практически во всех его работах.

Для своих теоретических построений Н.И. Кареев берет у Г. Спенсера понятие «над-органическая среда», означающее у английского социолога высшую стадию эволюции. Далее он творчески развивает спенсеровский тезис об обществе как социальном организме и использует термин «над-органический» применительно к понятию социокультурной среды. Сущность исторического процесса мыслитель усматривает не только во взаимодействии человека с природой, как это делал Г. Спенсер, но и непосредственно с культурно-социальной средой [6, с. 115]. В применении терминов Н.И. Кареев проявляет заметное дискурсивное разнообразие: «над-органическая», «культурная», «культурно-социальная», «культурно-историческая» употребляются как синонимы, делающие акцент на различных сторонах одного и того же явления [4, с. 26].

Культурно-социальная среда, по Н.И. Карееву, является единством культурных ценностей и социальных образований: «Все, что мы у каждого народа относим к понятиям его религии, искусства, нравов, техники, права, государства, все то, что мы обобщаем под понятием культуры в широком смысле, т. е. как культуры в более тесном смысле духовных ценностей, так и социальной организации, все это по отношению к каждому отдельному члену общества является особого рода средою, которую можно назвать средою культурно-социальною, или, говоря короче, вообще культурною» [1, с. 83–84]. Культурная составляющая истории у Н.И. Кареева укоренена в основных видах человеческой деятельности – хозяйственной и духовной. «Кареев выделяет пять главных элементов культуры, каждый из которых характеризуется собственной эволюцией: мирозерцание, этика, политическое устройство, право и экономическая кооперация», – отмечает Е.Е. Михайлова [5, с. 192]. Социальная составляющая среды обитания представлена разными способами общественной организации, которые складывается из многократного повторения известных фактов и отношений, и приобретает со временем постоянные формы [6, с. 116–117].

Структурная характеристика культурно-социальной среды, по Н.И. Карееву, включает экономический, политический, правовой, мировоззренческий, этический и лингвистический компоненты [1, с. 113–119]. Об этом можно судить из следующих его рассуждений: «В этой культурно-социальной среде, в которой живут отдельные человеческие личности и целые их совокупности, мы имеем право различать разные стороны, или, говоря иначе, разнородные составные части, своего рода специальные среды» [1, с. 111]. Заметно, что автор не ставит себе задачу перечислять их все; он расставляет приоритеты. Так, в работе «Историология» Н.И. Кареев выделяет ядро культурно-социальной среды, состоящее из трех компонентов (экономического, юридического и государственно-политического), стянутых воедино лингвистическим фактором [1, с. 120]. Исследователи справедливо отмечают, что для Н.И. Кареева язык – это своего рода особое бытие, лингвистическая атмосфера, в которой живет и действует целый народ [6, с. 118]. В его работах анализируются также техническая, эстетическая, моральная, религиозная и этнографическая [«фольклористическая» в терминологии автора. – *Н.С.*] среды, каждая из которых является самостоятельной системой и по-своему обогащает общее полотно

культуры [1, с. 115]. Автор отмечает, что поколения сменяют друг друга, а компоненты культурно-социальной среды продолжают существовать; если они и меняются, то по своим собственным законам [1, с. 112].

Вопрос о том, как осуществляется преемственность и развитие культурно-социальной среды, особенно интересует Н.И. Кареева. Он считает, что компоненты среды усваиваются новыми поколениями путем подражания старшим: «Постоянная повторяемость, притом и по подражанию другим, и в силу усвоенной привычки, – вот что лежит в основе самого существования определенной культуры» [1, с. 114]. Привычка помогает закреплять уважение к существующим культурным формам в хозяйственной деятельности, в пространстве религии, в сфере воспитания и обучения подрастающего поколения [1, с. 123]. Таким образом, знания, определенное психическое состояние индивидуума, обычаи и традиции во многом формируются под воздействием внешних факторов, оказываются, по выражению Н.И. Кареева, «приходящими к нему извне» [1, с. 113]. Что же касается развития культурно-социальной среды и появления в ней новых форм, то здесь Н.И. Кареев солидарен с К. Марксом. Он видит причину развития в конфликте, в появлении общественных противоречий: «Если бы в обществе не было бы противоборствующих сил, над-органическая среда навсегда кристаллизовалась бы в виде неподвижных правил, догматов, заповедей, уставов, не допускающих никаких отступлений, и исторический процесс застыл бы, как замерзает струя воды под действием сильного холода» [1, с. 124]. О динамике изменений исследователь пишет так: «В жизни общества все постепенно меняется, начиная с лингвистических форм и кончая формами политическими. Иногда эти перемены являются медленно и едва заметно происходящими результатами накопления мелких изменений, иногда получают характер внезапных и крупных катастроф» [1, с. 126]. Н.И. Кареева волнует вопрос развития культурно-исторической среды. Новизна взгляда Н.И. Кареева состоит в том, что он представил исторический процесс не только как взаимодействие природы и культурно-социальной среды, но и как процесс становления человека, постепенно раскрывающего себя как личность [2, с. 184].

Особое внимание Н.И. Кареев уделяет различиям культурно-социальных сред Запада и Востока. Взаимоотношение между столь разными культурными мирами он рассматривает сначала на примере своеобразия коммуникаций Западной и Восточной Римской империи, а затем – христианской Европы и мусульманского Востока. Часто цитируются его слова: «На Востоке, говоря словами Гегеля, дух не сознавал своей сущности, каковая заключается в свободе, т. е. личность легко подчинялась всему внешнему, целям, для нее посторонним, в своей деятельности, и понятиям, пришедшим к ней извне, – в своем мышлении. Раз бессознательною, коллективною, с традиционными приемами деятельностью народа выработаны были известные формы мысли и жизни, известные понятия и порядки, отдельная личность подчинялась им в силу того, что находила все это уже готовым, являясь на свет Божий, а такое подчинение всех установившемуся укладу неминуемо влекло за собою застой, коснение» [2, с. 26–27]. Здесь автор высказывает интересную мысль о том, как неэффективно простое копирование. Усвоение уже готовых социально-культурных образцов приводит к замедлению

исторического прогресса, свидетельствует об отсутствии внутренних осознанных интересов и потребностей, что русский философ ярко иллюстрирует на примере дряхления древних восточных обществ.

Для того чтобы понять истоки различий между культурой восточных и западных народов, Н.И. Кареев обращается к проблеме появления рас, этносов и наций. Он считает, что в основе различий этих больших социальных групп лежат многочисленные комплексные процессы взаимодействия физической и культурно-социальной среды: «Чем ниже стоит народ, тем большее влияние на него имеют физические и органические агенты разнообразия; чем выше, тем сильнее начинают действовать агенты над-органические, и воспитание в известной традиции, жизнь в известных социальных формах не только придают известный характер индивидууму, но переделывает и самую расу» [3, с. 305]. К «физическим условиям» автор относит климат, пищу, общий характер окружающей природы, условия расположения страны. Все это влияет на физическую организацию человека, а вместе с ней и на психику, а также формирует целостный образ жизни народа, от которого, в свою очередь, зависит формирование личности и социального строя общества [3, с. 305].

В культурно-социальной среде формируется «характер» народа. Здесь Н.И. Кареев выделяет несколько факторов, формирующих психический склад народа. Первыми условиями являются происхождение, место жительства, климат. Подвергая критике популярную в его время климатическую теорию, обосновывающую первостепенное влияние фактора климата на характер народа, Н.И. Кареев тем не менее не отрицает полностью влияние этого фактора: «Климат, конечно, имеет влияние на человека и на его культурные и социальные формы, но не один климат, и не на всего человека, и не на все элементы его культуры» [3, с. 307]. Так, автор отмечает, что даже в случае неизменности климата во время существования первых цивилизаций все равно менялся ход их общественного развития.

Еще одним важным фактором формирования культурно-социальной среды Н.И. Кареев считает принадлежность к определенной расе. Он выделяет антропологические и лингвистические расы, различия между которыми обусловлены «действием» важного продукта «над-органической среды» – языка. Солидаризируясь с немецким философом Э. Геккелем, Н.И. Кареев говорит, что в антропологическом отношении большая часть исторических народов принадлежит к одной расе под названием «средиземный человек» (*homo mediterraneus*)» [3, с. 300]. В свою очередь, эта раса по своему культурно-социальному основанию делится на две большие лингвистические среды: семиотическую (евреи, финикийцы, арабы, сирийцы и т. д.) и индоевропейскую (индусы, иранцы, греки, римляне, кельты, германцы, славяне, литовцы и т. д.). «Для того, чтобы раса сохраняла свое единство, необходимо, чтобы все ее члены находились в постоянном психическом взаимодействии», – пишет Н.И. Кареев. Однако это становится невозможным на больших территориях, и раса начинает распадаться на отдельные части [3, с. 301]. Полемичные по своему характеру рассуждения Н.И. Кареева для нас важны тем, как он типологизирует исторические ситуации процесса взаимовлияния культур: «...В одной и той же

стране, смотря по тому, какая раса ее населяет, характер жителей будет различный; с другой стороны, характер народов одной и той же расы изменяется вместе со странами, которые тот или другой народ этой расы населяет, наконец, в одной и той же стране характер одной и той же расы изменяется с историей, под влиянием судьбы самого народа» [3, с. 308].

Существенным условием формирования культурно-социальной среды является «дух народа». Н.И. Кареев считает неотъемлемыми частями этого духа историю мирозерцания, этику, религию. К духовным факторам он причисляет также деятельность политических, правовых и экономических учреждений. Н.И. Кареев считает, что «каждый народ по-своему проходит фазисы культурно-социальной эволюции и ни одно развитие в этом отношении не может быть названо более или менее нормальным, нежели все остальные. Так, древнегреческая и древнеримская цивилизации эволюционировали в особых условиях, если сравнивать их с древним Востоком или с народами современной Европы. Именно этими условиями, в числе которых – теплый климат, греческая образованность, греческий космополитизм, римская гражданственность и другие факторы, определяется своеобразность их развития» [2, с. 10, 43]. Н.И. Кареев справедливо отмечает, что классический мир необходимо рассматривать в тесной связи с Древним Востоком, «с которым он был связан и культурно, и политически, и чтобы, рассматривая его в нем самом, мы относились к нему совершенно так же, как относимся к другим отделам истории без идеализации античного человека и всего быта классических народов и без предвзятой мысли, будто общие законы культурного и политического развития выразились в наибольшей чистоте и с наибольшею ясностью именно в истории только этих народов. С другой стороны, знакомясь с историей античного мира, не следует никогда упускать из виду и того наследия, которое он оставил средневековой Европе, и того влияния, которое он, скажем так, и из-за гроба продолжал оказывать на ту же Европу в новое время. В этом и заключается правильное отношение к античному миру с всемирно-исторической точки зрения: нужно именно включать его в общий процесс истории как совершенно равноправное звено наряду с древним Востоком и средневековой и новой Европой и постоянно при этом помнить о том, что в одних отношениях классические народы лишь продолжали дело, начатое народами Древнего Востока, как, в свою очередь, средневековая и новая Европа лишь продолжала работу самого античного мира, тогда как в других отношениях в истории Греции и Рима мы имеем частные примеры полного цикла исторического существования двух наций от первых зачатков культурной жизни чрез эпоху полного процветания до периода совершенного упадка прежней жизнедеятельности» [2, с. 31]. В связи с этим одним из качеств культурно-социальной среды Н.И. Кареев считает возможность трансляции ее форм на другие общества [2, с. 168].

Таким образом, анализ воззрений русского философа, историка и социолога Н.И. Кареева на сущность культурно-социальной среды выявил, что в этом вопросе он начинает двигаться в русле воззрений Г. Спенсера (создавая концепцию «над-органической среды») и К. Маркса (при разработке концепции конфликта как стимула общественного развития). Далее Н.И. Кареев расширяет и

углубляет смысловое значение культурно-социального пространства, в котором разворачивается жизнь отдельных народов и выстраиваются новые формы и уровни их взаимодействия. Культурно-социальная среда как единство культурных ценностей и социальных образований, в интенции Н.И. Кареева, приобретет особое значение, особенно когда речь заходит о диалоге романизованного Запада и эллинизованного Востока [2, с. 129]. Средовой контекст влияет на зарождение и формы взаимодействия культурных миров: они возникают, объединяются, обособляются, подчиняются, заимствуют друг у друга черты, могут выступать в качестве преемника или проводника традиций. В кареевской перспективе многофакторного анализа всемирная история видится как процесс поступательного объединения Запада и Востока. Разными способами (через конфликты, трудности взаимопонимания, путем заимствования и взаимообогащения) культурно-социальная среда «работает» как особый фактор, определяющий интенсивность, форму и содержание диалога различных цивилизаций, служит почвой для многочисленных исторических ситуаций процесса взаимовлияния культур христианского Запада и мусульманского Востока.

Библиографический список

1. Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса). Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
2. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. М.: Либроком, 2011. 304 с.
3. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Обе части в одном томе. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 447 с.
4. Малинов А.В. Очерки по философии истории в России. В 2 т. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2013. 448 с.
5. Михайлова Е.Е. Проблема социокультурного развития в российской позитивистской философии истории второй половины XIX – начала XX века: дис. д-ра филос. наук. Тверь, 2004. 335 с.
6. Никонов Л.А. Проблема взаимосвязи государства и общества в философии русского позитивизма: дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2010. 181 с.

CULTURAL-SOCIAL ENVIRONMENT IN VIEWS OF N.I. KAREEVA

N.A. Soboleva

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to the views of the Russian philosopher, historian and sociologist N.I. Kareeva on the essence of the cultural-social environment. It was revealed that in this matter Kareev begins to move in line with the views of G. Spencer (the concept of a supra-organic environment) and K. Marks (the concept of conflict as an incentive for social development). Then he expands and deepens the semantic meaning of the cultural-social space in which the life of individual peoples unfolds and new forms and levels of their interaction are built. In Kareev's intention, the cultural-social environment will acquire special significance when it comes to dialogue between the West and the East. The environmental

context influences the origin and forms of interaction of cultural worlds: they arise, unite, separate, obey, borrow features from each other, and can act as a successor or conductor of traditions.

Keywords: *culture, society, history, N.I. Kareev, personality, dialogue of cultures.*

Об авторе:

Соболева Надежда Александровна – старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий, аспирант кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: n-a-soboleva@mail.ru

Soboleva Nadezhda Alexandrovna – senior lecturer of department of sociology and social technologies, postgraduate student of department of psychology and philosophy of Tver State Technical University, Tver. E-mail: n-a-soboleva@mail.ru

УДК 14

УРОКИ АМЕРИКАНСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ: АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТРУДАХ ХАННЫ АРЕНДТ

А.А. Золотов

© Золотов А.А., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

В статье рассматривается интерпретация кризиса культуры и политической жизни современности в философской концепции Х. Арендт. Массовая культура общества потребления, по ее справедливому выводу, обуславливает отказ большинства от политического творчества как высшей культурной способности личности. Ставя весьма важную теоретическую проблему, американский философ одновременно пытается найти возможный путь возрождения гражданской активности личности, утверждения ее прав. Х. Арендт попыталась обнаружить возможные перспективы гражданского обновления общества и культуры современного Запада, мирового сообщества в целом путем обращения к традиции революций в Европе и Америке в период Нового времени. Политический идеал Х. Арендт утверждает значимость федерализма и самоуправления, осуществляемого советами граждан, для демократизации жизни мирового сообщества, возрождения политического действия как высшего проявления культурной активности личности.

Ключевые слова: *массовая культура, общество потребления, конституционализм, федерализм, власть, советы граждан.*

Следуя во многом сравнительному анализу Американской и Французской революций, предложенному А. де Токвилем, Х. Арендт утверждает, что их уроком, адресованным современности, является видение задачи достижения общественного счастья как сугубо политической и автономной по отношению к счастью частной личной жизни и материальному благополучию. Антитиранический пафос роднит обе революции: «Тирания, согласно пониманию ее революциями, была формой правления, при которой правитель, хотя он и управлял сообразно законам державы, монополизировал для себя право действия, изгонял граждан из публичной сферы в область частного домашнего владения и требовал от них занятия их собственными частными делами» [3, с. 130]. Иными словами, тирания лишала общественного счастья, хотя и не уничтожала частное благосостояние, в то время как республика обеспечивала каждому гражданину права стать «участником управления делами, ... быть увиденным в действии» [3, с. 130]. Хотя обе революции изначально стремились к общественному счастью, им, по мнению Х. Арендт, это удалось отнюдь не в равной мере. Она соглашается с мнением А. де Токвиля, согласно которому Французская революция, сконцентрировавшись на освобождении масс, стала жертвой этого устремления, ибо не создала конституционно очерченного поля свободной гражданской активности, что удалось сделать в ходе Американской революции [3, с. 132]. Х. Арендт считает непреходящей ценностью стремление к общественному счастью, характерное для революций XVIII века. Х. Арендт считает основной задачей, сопряженной с выходом из тупика массового общества и порожденных им реалий социально-политической жизни, возвращение способности к политическому действию, которое она рассматривает как вершину культурного самосозидания личности.

Среди наиболее значимых черт Американской революции Х. Арендт называет конституционализм, родившийся в ходе политического волеизъявления народа, а не дарованный правительством свыше. «Говоря коротко словами Джона Адамса, “Конституция является стандартом, столпом и связующим звеном, когда она понимаема, одобрена и любима”?. Но без этой разумности и привязанности она также может стать змеем или шаром, парящими в небе» [3, с. 146]. После Первой мировой войны, замечает Х. Арендт, конституции европейских стран в той или иной мере копировали американскую, но нигде они не обеспечивали прав и свобод граждан в той мере, в какой это было сделано в США.

Отцы-основатели американского государства, по Арендт, четко выражали свое недоверие к власти как очень опасной силе в руках людей, ею облеченных. И это роднит их понимание природы власти с современным. «Если было что-либо роднящее создателей конституций XIX и XX столетий с американскими предшественниками XVIII века, то это – недоверие к власти как таковой, и это недоверие было, возможно, даже более явным в Новом свете, нежели в странах Старого света» [3, с. 146]. Человек, как полагали отцы-основатели американской государственности, по своей природе не должен быть наделен абсолютной властью, ибо в его руках она может стать весьма разрушительной силой. Именно конституционное основание государственности, с их точки зрения, должно обеспечить не только реализацию воли большинства, но и защитить права

меньшинства. Оно, на взгляд Х. Арендт, необходимо для создания поля свободной политической самореализации индивида.

Важным уроком сравнительного анализа правового творчества континентального и американского образца, согласно Х. Арендт, является необходимость конкретной постановки вопроса о правах личности. «Американская версия в действительности провозглашает лишь необходимость цивилизованного правления для всего человечества; французский вариант, однако, утверждает существование прав, независимых от и находящихся вне политического тела, а затем отождествляет эти так называемые права, а точнее, права человека *как* человека с правами граждан» [3, с. 149]. Подобный мыслительный демарш, характерный для Декларации прав человека и гражданина, кажется ей лишенным реального содержания, ибо, как продемонстрировала история XX века, права гражданина мыслимы лишь в границах определенного государственного образования. Поскольку огромные массы населения в XX веке лишались тоталитарными режимами гражданских прав, Х. Арендт не разделяет классического либерального подхода, акцентирующего внимание на универсальных и неотчуждаемых правах человека (постулирующего универсальность и неотчуждаемость прав человека). Потому-то ее скорее привлекает опыт американского конституционализма в решении этой проблемы. Этот опыт видится ей значимым и для современности.

Вслед за Ш. Монтескье отцы-основатели американской государственности, по Х. Арендт, в полной мере осознали важность организации политического пространства через конкретный механизм разделения властей. Комментируя суть открытия Ш. Монтескье, Х. Арендт пишет: «Открытие, содержащееся в одном предложении, выражает забытый принцип, создающий целостную основу разделения властей: что только «власть сдерживает власть, т. е. нам следует дополнять, не разрушая ее, не ставя бессилие на место власти» [3, с. 151]. Именно на построения Ш. Монтескье ссылается Д. Мэдисон, усматривая в них ту идеальную модель, которую следует воплотить в политическую жизнь американского государства [2, с. 325]. Можно согласиться с выводом Х. Арендт о том, что система сдержек-противовесов, ставшая затем примером для организации пространства политической жизни во всех демократических странах, была достаточно детально продумана людьми, стоявшими у колыбели американской государственности. Она чрезвычайно важна для реализации гражданской активности, прав и свобод личности. Поле публичной деятельности человека, по Х. Арендт, и в наши дни должно быть организовано через систему сдержек-противовесов; в данной связи опыт законодательства основоположников американской государственности не потерял своей значимости. Этот опыт базировался на убеждении в важности анализа коллективной практики, ведущей к взаимному соглашению людей и созданию правил их совместного социального бытия, которые исключают сосредоточение власти в руках одного индивида или ограниченной группы таковых. При этом творцы американской государственности, как подмечает Х. Арендт, не подверглись в такой мере влиянию руссоистских представлений о добродетельности «естественного человека», как европейские революционеры XVIII века. Вера американских политических

мыслителей «базировалась совсем не на полурелигиозном доверии к человеческой природе, а, напротив, на возможности сдерживания человеческой природы в ее единичности при помощи общих уз и взаимных обязательств» [3, с. 174–175]. Именно так понимал задачи человеческого сообщества, блокирующего эгоизм отдельных людей, например, Дж. Адамс.

Х. Арендт считает, что американским революционерам, в отличие от их французских коллег, удалось понять, что власть не тождественна насилию, и на этом основании возникает их продуктивный проект построить пространство политики таким образом, чтобы в нем могло полноценно реализоваться гражданское действие. «Представители Французской революции, не представляя, как провести различие между насилием и властью, и пребывая в убеждении, что всякая власть должна исходить от народа, открыли политическую сферу для этой дополитической, естественной силы большинства и были сметены ею, так же, как до этого были сметены король и прежние власти. Представители Американской революции, напротив, понимали под властью нечто совершенно противоположное дополитическому естественному насилию. Для них власть рождалась тогда и там, где люди собираются вместе и связывают себя обещаниями, соглашениями и взаимными обязательствами; лишь такая власть, которая базируется на взаимодействии и взаимности, являлась реальной и легитимной, в то время как так называемая власть королей, князей или аристократов, поскольку она не возникала из взаимности, но в лучшем случае опиралась на согласие, была поддельной и узурпированной» [3, с. 181]. Власть, исходящую из взаимного согласия и взаимодействия людей, основатели американской государственности желали видеть осененной традицией и потому зачастую в собственных построениях апеллировали к божественной основе таковой. Однако главное, с точки зрения Х. Арендт, то, что отцы-основатели американской государственности были чутки к задаче создания ее институционально-правовой основы, которая выросла из реальной практики жизни людей и их потребности самореализации в сфере публичной деятельности. Отсюда, как представляется ей, вытекает очевидная непреходящая ценность для современности опыта американского федерализма, гражданского самоуправления.

Федерализм, ставший основой американской государственности, видится Х. Арендт важнейшим условием демократической организации больших политических тел. Основанием для этого вывода служит аргумент о важности самоуправления различных регионов, входящих в федеративно организованное государство. Д. Мэдисон, по справедливому замечанию Х. Арендт, обосновывал свое видение, исходя из конкретного опыта американской политической жизни. «И именно этот опыт, а не какая-либо теория, придал Мэдисону смелость обдумать и подтвердить случайное замечание Монтескье, а именно, что республиканская форма правления, если она базируется на федеральном принципе, подходила для больших и увеличивающихся территорий» [3, с. 168–169]. Политическое пространство, оформляемое федерализмом республиканского толка, связано со специфической формой баланса власти, дающей возможность гражданской самореализации личности как высшей формы осуществления ее культурных потенций.

В ходе революций Нового времени и современности, согласно Х. Арендт, проявилась способность субъектов политического действия к формированию спонтанно возникающих ассоциаций – советов граждан, выражающих их непосредственные интересы. В нашем столетии многие историки увидели черты сходства между советами, независимыми средневековыми городами и швейцарскими кантонами, но, как полагает американский автор, традиция прошлого не оказала значительного влияния на людей, которые в процессе революции спонтанно организовывались в советы.

«Советы, очевидно, были пространством свободы. Как таковые они неизменно не рассматривали себя в качестве временных революционных органов и, напротив, пытались всеми силами установить себя в качестве постоянных органов государства» [3, с. 264]. Советы были всегда как органами распоряжения, так и органами действия, и это перманентно порождало их борьбу с профессиональными революционерами, которые желали преобразовать их в простые исполнительные органы революции. Советы были фактически единственным политическим органом, способным выражать волю людей, которые не состояли ни в какой партии. Поэтому они всегда находились в противоречии со старыми парламентами и ассамблеями. Они, по мысли Х. Арендт, были политическими организациями, способными придать новый облик демократической государственности, республиканизму как таковому. Практическая деятельность Парижской коммуны в 1871 году или советов в годы революции 1905–1907 годов в России видится ей прямым свидетельством значимости этих форм спонтанного гражданского волеизъявления, их способности обновить идею «подлинного республиканизма».

В спонтанно возникавших в ходе революций советах Х. Арендт видит своеобразную альтернативу партийной структуре, тяготеющей к стагнации, бюрократической косности. Советы, в отличие от партий, всегда исчезали в ходе самой революции; они складывались из самих людей в качестве спонтанных органов действия и порядка. Партии же никогда не исчезали в ходе революций, они предшествовали им в своем существовании, укрепляли свое влияние путем опоры на народные массы. Обращение Х. Арендт к истории революций, порождавших стихийные проявления гражданской активности, во многом связано с поиском ею средств преодоления кризисных явлений, специфичных для в целом высоко оцениваемой ею демократии стран Запада.

Как отмечают многие видные представители западной политической философии наших дней, Х. Арендт в целом не может быть названа ни сторонницей рафинированного варианта либерализма, ни представительницей коммунистического типа теоретизирования [1, с. 264]. Ее творчеству скорее свойственна тенденция синтеза этих полярных установок, которая в финале нашего столетия выглядит как достаточно авторитетная и поддерживаемая многими крупными представителями политической философии США. Одновременно нельзя не заметить близость способа теоретизирования Арендт с философией Франкфуртской школы, в особенности на нынешнем этапе ее эволюции.

В философской концепции Х. Арендт содержится достаточно развитая и интересная интерпретация кризиса культуры и политической жизни

современности. В равной мере критически относясь к сложившейся в ее эпоху ситуации в странах Запада и в державах социалистического лагеря, понимая всю сложность положения в «третьем мире», она обосновывает собственные взгляды в свете созданной ею концепции Нового времени. Массовая культура общества потребления, по ее справедливому выводу, обуславливает отказ большинства от политического творчества как наивысшей культурной способности личности. Это происходит на фоне бюрократизации государственных институтов и неэффективности деятельности политических партий. Специфический тип массовой культуры является и предпосылкой стагнации политической жизни в социалистических странах. Подобное единство судеб современного капитализма и социализма видится Х. Арндт как итог их одинаковой принадлежности к новоевропейскому проекту, так или иначе приведшему к экспроприации и лишению личности ее автономии и возможности творческой самореализации. Ставя весьма важную теоретическую проблему, американский философ одновременно пытается найти возможный путь возрождения гражданской активности личности, утверждения ее прав.

В воззрениях Х. Арндт присутствует специфический вариант синтеза либеральной и коммунитаристской установки. Они в значительной степени созвучны теоретическим построениям Ю. Хабермаса с точки зрения герменевтического поиска воспроизведения конституирования политического пространства в коммуникации и действии индивидов. Х. Арндт попыталась обнаружить возможные перспективы гражданского обновления общества и культуры современного Запада, мирового сообщества в целом путем обращения к традиции революций в Европе и Америке в период Нового времени. Вслед за А. де Токвилем она особенно высоко оценивает опыт Американской революции, создавшей действенные политические институты и законодательство, обеспечивающее федеральное устройство государства, систему разделения властей и возможность эффективного местного самоуправления. На этой основе становится достижимой реализация конкретных прав и свобод личности. В перспективе либеральной интерпретации Х. Арндт предлагает проект демократизации политической жизни мирового сообщества и отдельных государств. В данной связи ею справедливо позитивно оцениваются результаты движений, отстаивающих гражданские права на Западе в 1960 – начале 1970-х годов. Политический идеал Х. Арндт характеризуется значимостью федерализма и самоуправления, осуществляемого советами граждан, для демократизации жизни мирового сообщества, возрождения политического действия как высшего проявления культурной активности личности.

Библиографический список

1. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 592 с.
2. Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. / под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева, коммент. О.Л. Степановой. М.: Прогресс – Литера, 1994. С. 325.
3. Arendt H. On Revolution. New York: Penguin Books, 1990. 350 p.

LESSONS OF AMERICAN AND FRENCH REVOLUTIONS: ANALYSIS OF POLITICAL SPACE ORGANIZATION IN ARENDT' WORKS

A.A. Zolotov

Tver State Technical University, Tver

The article discusses the interpretation of culture crisis and present political life in Arendt's philosophical concept. Consumer society mass culture, according to her fair conclusion, causes the majority to refuse from political creativity as the highest cultural ability of a person. By posing a very important theoretical problem, american philosopher simultaneously tries to find a possible way of reviving person's civil activity, asserting its rights. H. Arendt attempted to discover possible prospects for civil renewal of society and culture of modern West, the world community as a whole, by addressing the tradition of revolutions in Europe and America in the New Age period. Arendt's political ideal affirms the importance of federalism and self-government carried out by councils of citizens for democratizing the life of the world community, reviving political action as the highest manifestation of person's cultural activity.

Keywords: mass culture, consumer society, constitutionalism, federalism, power, councils of citizens.

Об авторе:

Золотов Алексей Алексеевич – кандидат философских наук доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: zlat76@yahoo.com

Zolotov Alexey Alexeyevich – PhD, associate professor of department of psychology and philosophy of Tver State Technical University, Tver. E-mail: zlat76@yahoo.com

УДК [101.1:316.27]:32.019.5

ВЛАСТЬ ДИСКУРСА И ДИСКУРС ВЛАСТИ В РАМКАХ КОЦЕПЦИИ Т. ВАН ДЕЙКА

О.Н. Торгованова, Г.С. Шевченко, Н.Н. Гончар, О.А. Гуменюк

© Торгованова О.Н., Шевченко Г.С., Гончар Н.Н.,
Гуменюк О.А., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Рассмотрена теория политического дискурса, разработанная известным исследователем Т. ван Дейком. Проанализированы сущность понятий «ментальная модель», «контекстуальная модель», «общественная почва», которые он вводит для анализа общественно-политической действительности. Исследованы механизмы функционирования дискурсного властного круга и место идеологии в формировании общественных отношений.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ, политический дискурс, дискурсно-властный круг, идеология, ментальная модель, контекстуальная модель, дискурс власти.

Критический дискурс-анализ как метод исследования социальной действительности, предложенный Т.А. ван Дейком, создает, как и каждый специфический метод исследования, определенную форму и структуру понимания социальной действительности, на основе которой выделяется человеческое действие, что позволяет лучше понять предмет исследования. В теории критического дискурса анализа таким действием выступает дискурс. Применение такого подхода позволяет описывать политические процессы, происходящие, в частности в России, в современных условиях развития социально-экономической системы человека.

Исследователь Е.А. Селинова отмечает, что Т. ван Дейк разработал собственный подход к анализу дискурса как особой составляющей социокультурной действительности [1, с. 38].

Мы попытаемся проанализировать сущность политического дискурса, его власти в теории Т. ван Дейка.

Основной задачей критического дискурса анализа является исследование особенностей восприятия и формирования определенных социальных проблем (любая дискурсная теория, согласно Т. ван Дейку, должна быть проблемно направлена [3]). Подход Т. ван Дейка, по определению самого автора, базируется на анализе корреляции дискурса в рамках конкретного домена и социального знания в этом домене: «Социальное знание о власти производит (репродуцирует) дискурс власти, и в то же время установленные дискурсивные структуры силы определяют общественное знание» [6]. Чтобы понять сущность взаимодополняемости этой системы, необходимо проанализировать авторское понимание этих явлений. Т. ван Дейк разделяет явления дискурса и общественного знания.

Дискурс – это совокупность лингвистических значений, которые несет в себе речь. Общественное знание – это совокупность существующей информации об определенной сфере общественного знания (доменах, если использовать терминологию Т. ван Дейка). Структура домена определяет способ восприятия и влияния на создание дискурса [3, с. 71].

Как сторонник постструктурализма Т. ван Дейк пытается разложить социальную действительность на определенные составляющие элементы, воздействующие на элементарные неделимые части, которые создают ее структуру, и максимально показать всю совокупность имеющихся и возможных связей между ними. В рамках теории Т. ван Дейка объединены подходы к исследованию социальных явлений, предложенных Франкфуртской школой, Ю. Хабермасом и М. Фуко, в частности исследования власти и доминирования, а также в понимании «порядка дискурса». П. Бурдьё своей специфической формой интерпретации общественных явлений через габитус также повлиял на интерпретацию социальной общности и ее существования.

Значительное влияние на автора оказали концепции неомарксистов, в частности А. Грамши. Понимая нестабильность и изменчивость описанных

структур, Грамши ищет объяснения изменениям, которые происходят в мире, через обращение к психологическому анализу человека и сущности самих структур, в которых уже вроде вложена идея их собственного изменения [3, с. 79]. Для анализа ван Дейк использует принцип «диссеминации» (рассеяния, дисперсии любого явления среди множества элементов, составляющих его), предложенный Ж. Деррида, т. е. соединяет психологический и лингвистический анализ, используя политические категории в рамках определенных философских подходов. Т. ван Дейк определяет дискурс с позиции субъекта творчества как некую лингвистическую структуру-модель, состоящую из определенных лингвистических приемов (риторических фигур), нарратива, лингвистического стиля, определенных эмфаз (содержательных интерпретаций), аргументации (наведение оценочных суждений), цитирования свидетелей, очевидцев, обладающих определенным доверием. Особым приемом является то, что дискурс может иметь неограниченный объем: он может быть жанром, который охватывает целые отрасли или науки, например политику, медицину, социальную жизнь (политический, медицинский, социальный домены), может включать в себя определенную общественную проблему, в частности расизм, национальную нетерпимость, или ксенофобию, проблему аборт и однополых браков, касаться отдельно взятых событий.

Несмотря на широкую сферу использования дискурсов, они имеют четкие правила своего создания и функционирования. Дискурс зависит от субъекта созидания, поэтому для его анализа необходимо понимание этого субъекта. Такие специфические дискурсы, как политический, научный, правовой или судебный, требуют непосредственного участия субъекта создания дискурса в соответствующем общественном домене. Отображение дискурса власти возможно только в системе политического домена общественных знаний. Созданные структуры не являются вечными и находятся в состоянии постоянного изменения. В то же время Т. ван Дейк показывает, что эти структуры можно найти в речи в конкретный момент. Он отмечает, что общество существует не в рамках одного дискурса, а охвачено различными дискурсами. Однако в рамках одного домена (общественной сферы) существует один дискурс. Каждое общество имеет только один политический домен, поэтому существует в рамках одного политического дискурса [1, с. 255].

Субъектом создания дискурса могут быть только люди, непосредственно связанные с политикой, т. е. политики, другими словами – люди, стоящие у власти. Политик становится политиком только в ситуации, когда непосредственно находится в домене «политического», и только при условии «непосредственного осуществления своей работы как политика и пребывании в определенном институциональном положении» (цит. по: [5]). Политический дискурс Т. ван Дейка ограничен институциональными характеристиками – конкретными институтами, где, соблюдая определенные процедуру и правила, имеют право выступать люди, которые получили такое право, выполнив определенные формальные требования и процедуры.

Основным институтом дискурса власти является парламент и (но не всегда) высшие органы государственной власти, президент. Органы исполнительной

власти творят бюрократический дискурс, который имеет совсем другие характеристики, чем политический. Дискурс власти наиболее ярко проявляет себя в институте парламента, где возможны речи, выступления и тексты, касающиеся политического домена общества. Действуя в рамках строго определенного институционального уровня, политик влияет на дискурс и формирует его своей самоидентификацией, что определяется:

критерием идентичности деятельности (выборы на политические должности);
целями (управлять страной, регионом или городом и т. п.);
нормами, ценностями (демократические ценности, правдивость и т. д.);
позицией и отношением к другим группам (избиратели) ресурсами (политическая сила) [1, с. 287].

Политики имеют возможность с помощью дискурса власти (их политических текстов и речей) влиять на социальное понимание феномена «политическое», а следовательно, и формировать. Следует отметить, что, находясь в домене «политического», политические деятели выступают субъектом восприятия власти дискурса, который они сами и творят. Это приводит к тому, что определение политического дискурса Т. ван Дейка представляет собой тавтологию: «Политический дискурс является дискурсом политиков» [5]. Это дает ему возможность взаимоограничить понятия. В его концепции субъектом восприятия дискурса выступает человек как индивид, как часть социальной группы и как общество в целом. Сочетание этих уровней и творит человека как целостную единицу.

Субъектом восприятия, как и субъектом создания дискурса, является человек, проанализированный сквозь призму его психологических особенностей. В основу анализа Т. ван Дейк положил социально-когнитивное направление в теориях личности. Основным принципом социально-когнитивного направления в теории личности является то, что человек способен осуществлять самостоятельный познавательный процесс и предвидеть появление определенных событий, создавать средства для осуществления контроля за тем, что влияет на его повседневную жизнь. Но человек не оторван от социального мира, и причины его действия можно понять, анализируя взаимно детерминированное сочетание трех компонентов: поведения, влияния окружения, личных факторов (веры, ожидания, самовосприятия) [2, с. 65]. Поведение одновременно определяется внутренними и внешними детерминантами, но они не равносильны, следовательно, наиболее сильные из них обуславливают поведение человека. В основе поведения индивида лежит опыт, который он приобретает в течение всей жизни. Опыт – это совокупность всего, что личность делала, видела, наблюдала, слышала (через вербальную передачу информации и наблюдение). Человек вербальными и образными средствами воспринимает, хранит и способен представлять опыт таким образом, что его можно использовать и развивать в других ситуациях. Совокупность опыта в памяти человека создает определенные модели поведения, согласно которым человек может поступить так или иначе в конкретной ситуации. Человек способен к саморегулированию, и, как следствие, новые формы поведения не требуют внешней поддержки. Однако использованные

хоть один раз, они создают определенные схемы, становятся как бы внешними и их изменение столь же сложно, как и изменение моделей, созданных на основе опыта [2, с. 371].

Т. ван Дейк в своей теории определяет два вида памяти – социальную и персональную. Первая из них происходит от внешней среды и является отражением более общего и абстрактного социально-культурного знания, социальных отношения и идеологии, что является главным условием существования коллективного опыта, системой убеждений для больших обществ (нации, Европейского союза, западного мира, мира в целом), потому что есть определенные принципы, которыми руководствуются все члены каждой из групп. Все это обеспечивает возможность взаимопонимания между людьми. Вторая память (персональная (эпизодическая)) – это опыт человека, благодаря которому он способен к субъективной репрезентации себя. Именно эта часть памяти подвластна персональным характеристикам человека.

Эпизодическая память – это специфические события или явления, свидетелем / участником которых стал человек, модель понимания им конкретной ситуации в определенный момент; персональная интерпретация и, что очень важно, оценка человеком того, что произошло; не чистая констатация факта на основе имеющегося опыта, а переживания, которые создают ментальные модели восприятия. Человек использует эти ментальные модели как познавательную базу для создания дискурсов. Они представляют собой совокупность опыта и субъективных интерпретаций, накопившихся в человеке на протяжении всей его жизни. Ментальная модель выступает как некий интерфейс между социальной памятью и стилем. Благодаря ей возможно создание дискурсов, которые будут понятны всем остальным благодаря установленной модели саморегулирования. Но ментальные модели находятся под контролем производителей дискурса, поскольку они основаны на социальной памяти. Каждое событие, которое происходит или в котором находится человек, это не только его видение, его ментальная модель, а и еще ментальная память других участников / слушателей, для которых предназначена информация. Эти представления Т. ван Дейк называет «контекстуальными моделями» [7]. Они являются отражением ментальных ожиданий во всех проявлениях, времени и месте происшествя, форме и структуре выражения, социального домена (политического, экономического) участников / слушателей (совокупность персональных моделей участников / слушателей). Иными словами, контекстуальная модель «осуществляет текущий контроль над производством дискурса и их пониманием» [5].

Итак, на основе принципов социально-когнитивной психологии Т. ван Дейк создает систему человеческого восприятия / поведения в мире: внешняя среда, выступая доминантной формой общих знаний через социальную память, определяет основные механизмы существования / видение человека, социальную модель. Однако человек, будучи мыслящим (способным к познанию и самопознанию), творит в рамках персональной (эпизодической) памяти ментальные модели, построенные на основе опыта и собственных внутренних характеристик (они не являются предметом анализа для Т. ван Дейка). Развитие и влияние персональных ментальных моделей ограничены контекстуальными

моделями – моделями восприятия других, основанных на их персональном опыте. Изменение контекстуальной модели является первым шагом определенной группы к изменению социальной модели памяти общества. Человек может понимать дискурс только при наличии соответствующих моделей. Если таковая отсутствует, человек не может адекватно, следовательно, правильно, понять другого. Передавая определенную информацию, он использует те же модели. Все модели – это совокупность определенных знаний. Человек верит в их объективность и испытывает потребность в них. Одной из форм такого знания является идеология – фундаментальное социальное познание, которое влияет на определение целей, интересов и ценностей групп. Она присутствует во всех моделях, как персональных, так и контекстуальных. Идеология – это «система убеждений; признается членами социальной группы» [5]. Она является социальной репрезентацией, частью социальной памяти, лежащей в основе социальной модели, ее базой. Идеология может как манифестировать различия в понимании разнообразных социальных групп, так и служить основой для «совместной почвы», выражая общие, консенсусные для всех, культурные убеждения, нормы и ценности.

Основной категорией, пронизывающей всю общественную жизнь, является категория власти (точнее – социальной власти). Социальная власть основывается на «привилегированном доступе к социально ценным ресурсам, таким как богатство, доход, положение, статус, сила, членство в группах, образование и знания» [6]. Основная сфера влияния социальной власти (она распространена везде, но это место ее основного влияния и размещения) – это контроль контекстуальных моделей разных групп. Контроль осуществляется через действие и познание: сильная группа ограничивает возможность и инвариантность действий слабой и влияет на разум (на ум каждого члена в отдельности).

Итак, основные факторы социальной власти находятся в контекстуальной и ментальной моделях и направлены на них. Поэтому основной задачей, механизмом влияния социальной власти является «изменить ум другого согласно собственным интересам» [6].

Т. ван Дейк разделяет власть на два типа в зависимости от способа ее применения (эмоционально-оценочный критерий деления): власть, находящаяся в легитимных и допустимых пределах, и власть, противоречащая закону, правилам и принципам демократии и справедливости. Второй тип власти автор называет доминированием. Если доминирование настолько сильное, что оно меняет контекстуальный и ментальный уровни, то эту власть Т. ван Дейк называет, следуя традиции неомарксиста А. Грамши, гегемонией. Гегемония – это когда люди соглашаются ввести в действие законы и нормы, которые нарушают принципы демократичности и справедливости. Власть и доминирование обычно хорошо организованы и институционализированы, что выступает стабилизирующей основой для их существования. Институционализация порождает иерархию власти: тот, кто играет ведущую роль при создании дискурса, тот и признается членами этой группы, члены группы, в свою очередь, получают право на принятие решения. Эти малые группы есть не что иное, как властная элита.

Группа, обладающая властью, получает возможность контроля над разумом через дискурс, что дает доступ к политическому домену, благодаря которому группа может стабилизировать или изменить в необходимом направлении идеологический дискурс. Это гарантирует дальнейший контроль над умом, а следовательно, привилегированное положение группы. Это свойство власти Т. ван Дейк называет дискурсивно-властным кругом.

В заключение отметим, что политический дискурс является механизмом сохранения, изменения и создания новых контекстных форм средствами текстово-речевого воздействия в политическом домене общественного знания. Понимание деятельности этих механизмов возможно с помощью анализа текстов и выступлений политиков и является основной задачей эмпирических исследований Т. ван Дейка. Власть ограничивает свободу индивида, но причины, порождающие механизмы свободы, лежат в самом человеке. К таким механизмам относятся поиск авторитета, принуждение ситуации, порожденной отсутствием другого, вызванной недостаточностью знаний. Человек и человеческое действие являются основополагающими факторами любой общественной системы, и только анализ сущности человека дает возможность понять сущность отношений внутри общества, осмыслить их и благодаря воздействию на них направить в правильное русло. Т. ван Дейк предлагает методику исследования, которая позволяет выявить новые тенденции развития общества, в частности в политическом домене.

Библиографический список

1. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие. Киев: Брама, 2004. 367 с.
2. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Ленанд, 2015. 320 с.
3. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. Основные положения, исследования и применение. СПб.: Питер, 2001. 608 с.
4. Ван Дейк Т.А. Критический анализ беседы // Идеология и анализ идеологического дискурса: семинар, Оксфорд, сентябрь 2004. URL: <http://www.hum.uva.nl/teun/cda.htm> (дата обращения: 22.04.2019).
5. van Dijk T.A. Discourse and power. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. 303 p.
6. van Dijk T.A. Political discourse and Ideology // Anàlisi del discurs politic / Clara Ubaldina Lorda & Montserrat Ribas (Eds.) Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. IULA, 2002. P. 15–34.
7. van Dijk T.A. Ideology. A Multidisciplinary Approach. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 1998. 365 p.

POWER OF DISCOURSE AND DISCOURSE OF POWER BY T. VAN DYCK

O.N. Torgovanova, G.S. Shevchenko, N.N. Gonchar, O.A. Gumenyuk

Tver State Technical University, Tver

The article considers the theory of political discourse developed by T. Van Dyck, a famous scholar. The essence of mental model, contextual model, and 'social soil' concepts introduced for the analysis of socio-political reality is examined. The article investigates the functioning mechanisms of a discourse-power circle and the place of ideology in shaping social relations.

Keywords: *critical discourse analysis, political discourse, discourse-power circle, ideology, mental model, contextual model, discourse of power.*

Об авторах:

Торгованова Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, SPIN-код: 6784-23-08. E-mail: maerz25@mail.ru

Шевченко Галина Семеновна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, SPIN-код: 8129-7610. E-mail: galina.schew@gmail.com

Гончар Наталия Николаевна – кандидат филологических наук доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, SPIN-код: 1298-3832. E-mail: n_gonchar@mail.ru

Гуменюк Ольга Александровна – доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, SPIN-код: 5044-6628. E-mail: gumil@yandex.ru

Torgovanova Olga Nikolaevna – senior lecturer of department of foreign languages, a post-graduate of department of psychology and philosophy of Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 6784-23-08. E-mail: maerz25@mail.ru

Shevchenko Galina Semenovna – senior lecturer of department of foreign languages of Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 8129-7610. E-mail: galina.schew@gmail.com

Gonchar Natalia Nikolayevna – PhD (Philological sciences), assistant professor department of foreign languages of Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 1298-3832. E-mail: n_gonchar@mail.ru

Gumenyuk Olga Alexandrovna – assistant professor of department of foreign languages of Tver State Technical University, SPIN-code: 5044-6628. E-mail: gumil@yandex.ru

УДК 101.9

ФИЛОСОФИЯ Р. БАРТА: ТЕКСТ И ЗНАК*

В.П. Потамская

© Потамская В.П., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Статья посвящена исследованиям Р. Барта – французского философа и литературоведа. Продемонстрировано, что Р. Барт стремился проанализировать языковую составляющую, исследовать объективные превращения, которым подвергается язык при осуществлении акта коммуникации,

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Лингвистический поворот и историческое познание как проблема западной философии второй половины XX – начала XXI века» № 17-33-00047.

выявить пласт вторичных «коннотативных» значений языка, который является носителем социально и исторически обусловленных значений. Рассматривается поворот Р. Барта от идеи множества смыслов, реализуемых на уровне воспринимающих текст, к идее множественного смысла, существующего на уровне текста.

Ключевые слова: текст, знак, язык, постструктурализм.

Р. Барт – французский литературный критик и философ, один из лидеров французского структурализма и основателей парижского Центра по изучению массовых коммуникаций, принимавший активное участие в разработке таких исследовательских полей, как лингвистика, литературная теория, культура. Его произведения иллюстрируют формирование и развитие структуралистской парадигмы и постепенный отход от нее. Помимо «структуралистского», ориентированного на соответствующее направление в лингвистике, этапа (1960-е годы), в творчестве Р. Барта можно выделить и «постструктуралистский» (1970-е годы) период [8].

Р. Барт всегда сохранял представление о том, что письмо несет в себе определенную степень идеологии, политической и моральной ответственности, являясь инструментом для декодирования общественных отношений [9, с. 17]. Он постоянно указывал на произвольность значений, поскольку человек, действуя в рамках определенной культуры, принимает социальные и культурные установки, приписываемые объектам, как согласованную конвенцию. Следовательно, чтобы продемонстрировать, каким образом функционирует общество, необходимо определить, как создаются, распространяются, потребляются, интериоризируются и усваиваются значения, что в общем и составляет идеологию общества. Значительное влияние на формирование различных видов письма оказала история, подразумевающая под собой артикуляцию выбора между языковыми моральями. Задача исследования состоит в осмыслении возможностей применения определенных типов словесности, определяющих специфику произведений [1, с. 84].

Исследовательский интерес Р. Барта сосредотачивается на тексте как центральном объекте критики. Р. Барт, как Ж. Деррида и Ю. Кристева, разделяет следующую установку: «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение... Текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [4]. Другими словами, тексты состоят из множества других текстов (как существовавших ранее, так и более поздних), которые находятся в сознании автора и читателей. Важность интертекстуальности приводит к психоаналитическому уровню интерпретации, мотивированному удовольствием от чтения. Это удовольствие ассоциируется со способностью читателей распознавать заимствования или цитаты из книг, которые они ранее читали.

Традиционная литературная критика представляется Р. Барту несостоятельной ввиду ее преданности объективности, ясности, невнимательности к символам и представлению о целостности субъекта. Барт призывал к созданию новой науки о литературе, предметом которой будет сам язык. Следовательно, понятие текста, как и понятие автора, должно быть пересмотрено. Представление

об авторе как «вечном владельце произведения», как утверждал Р. Барт, превращает читателей в «простых пользователей» [10]. По Р. Барту, на первый план выходит читатель: «Читатель – это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст... Рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора» [6, с. 384–391]. Вместе с тем значение текста никогда не является окончательно зафиксированным и не зависит от автора и читателя. Смысл текста всегда находится в процессе становления, а текст постоянно пребывает в действии, поэтому древние тексты, например греческие трагедии, сохраняют свою актуальность и по сей день. Тем самым существуют, наряду с историческим смыслом, изменчивые смыслы, производящиеся читателями.

Р. Барт обращается к проблемам языка, рассматривая его как согласованную и организованную систему. Язык выступает как один из компонентов системы знаков, которую он стремится исследовать и расшифровать, как если бы весь материальный и нематериальный мир являлся текстом.

Знак характеризуется отношениями трех типов. Символический тип отношений выражается в соотношении знака и множества других знаков (см. крест в христианстве, красный цвет на светофоре (запрет движения)). Парадигматический тип отношений подразумевает под собой соединение знака и других знаков высказывания, которые ему предшествуют или следуют за ним, т. е. включение знака в определенную систему. К примеру, «красный цвет не подразумевает под собой запрет до тех пор, пока не включается в оппозицию зеленому» [3, с. 246].

Третий тип отношений (синтагматический) предполагает, что знак сопоставляется не своим «братьям» (виртуальным), а своим «соседям» (актуальным). Примером отношений подобного рода служат элементы костюма, соединяемые по определенным правилам: «Надеть свитер и кожаную куртку – значит создать кратковременную, но значащую связь между ними, аналогичную связи слов в предложении» [3, с. 251]. Данный тип отношений сосредотачивается на развитии знака, всех его связях, динамике образа, производящей смысл или объект.

Р. Барт указывает, что люди уже давно опутаны системой знаков и символов и управляются ей. Семиотика, таким образом, связана со всем, что может восприниматься как знак. Изображение, жест, звук и слова могут рассматриваться как знак. В обществе потребления человек окружен всеми видами знаков в пространстве всей культурной жизни и социальных взаимоотношений. Процесс коммуникации между людьми обусловлен знаковой системой. Семиотика, по словам Р. Барта, способна «прочитать» значения, порождаемые объектом в современном мире, разбивая каждый коммуникационный акт на означающее (физический или ментальный объект) и означаемое (его значение, в том числе коннотации). К примеру, красная роза может обладать целым рядом значений и коннотаций, зависящих прежде всего от контекста:

красная роза может символизировать любовь в День святого Валентина, графство Ланкашир или команду английского регби. Кроме того, существует и так называемая нулевая степень значения, понимаемая в физическом смысле как простой элемент флоры. Человек в ходе своей жизнедеятельности активно придает смыслы объектам, а также «прочитывает» их; эти смыслы, как представляется, не могут что-то значить в сложном социальном [11].

Книга «S/Z», посвященная анализу новеллы О. де Бальзака «Сарразин», является концептуальной работой, в которой Р. Барт осуществляет поворот от идеи множества смыслов, реализуемых на уровне воспринимающих текст, к идее множественного смысла, существующего на уровне текста. Идеология, коннотация, текст – таковы основные параметры, определяющие смысловую конфигурацию этой книги, посвященной теоретическому обоснованию и практической демонстрации того, что идеология безраздельно владычествует в культуре [7]. «S/Z» относится к постструктуралистскому периоду творчества, характеризующегося тем, что Р. Барт сосредотачивается на исследовании процесса означивания и создания смыслов и предсмыслов. Нивелируя постулируемую дистанцию между языком и метаязыком, он утверждал, что метаязык гуманитарных дисциплин, являясь культурным и историческим продуктом, направлен на то, чтобы слиться с языком-объектом [8, с. 15].

Уже на первых страницах книги Р. Барт создает два вида текста – читательский и писательский, при этом читатель является как потребителем знаков в тексте, так и их производителем. В «S/Z» реализуется противопоставление «текст-письмо и текст-чтение». Текст-письмо – это вечное настоящее, ускользающее из-под власти любого последующего высказывания, «это мы сами в процессе письма» [2, с. 33]. Текст-чтение – это классические тексты, из которых состоит литература. Интерпретация текста предполагает под собой понимание его как воплощенной множественности, а не наделение его конкретным смыслом.

Любое чтение подразумевает под собой выявление и именование смыслов, его суть состоит в учитывании и сопряжении множественности смыслов. В связи с этим Р. Барт предлагает отказаться от традиционного членения текстов на большие массивы, осуществить поступательный анализ текста. Он заключается в разделении текста на короткие фрагменты, от нескольких слов до нескольких предложений, которые именуются лексиями. Любая лексия является единицей значения, фрагментом, предстающим перед интерпретатором: «Такое членение будет носить сугубо произвольный характер, не предполагая никакой методологической ответственности; ведь такому членению подвергаются означающие, между тем как предметом нашего анализа послужат исключительно означаемые» [2, с. 34].

Коды – это категории, на которые подразделяются лексии. Код представляет собой перспективу цитации. Р. Барт сформулировал пять кодов. Под герменевтическим кодом он подразумевал «такую совокупность единиц, функция которых – тем или иным способом сформулировать вопрос, а затем и ответ на него, равно как и указать на различные обстоятельства, способные либо подготовить вопрос, либо отсрочить ответ; или еще так: сформулировать загадку

и дать ее разгадку» [2, с. 34]. Семный код включает в себя символы или объекты, образующие одну тематическую группу. По сути, это фиксация коннотативного означаемого, к которому отсылает лексия, при помощи какого-нибудь слова. Символический код соотносится с определенными конфигурациями выражений, которые повторяются различными способами и средствами в тексте, относятся к общеизвестным знаниям и выходят за рамки текста. Символический код используется для изучения символических шаблонов, которые отражаются в основных бинарных оппозициях, находящихся в глубинной структуре повествования. Проайретический код имеет дело с действиями, которые в их последовательности категоризируются в семантические группы. «Любая проайретическая последовательность – это всего лишь результат читательского искусства: всякий читатель объединяет те или иные единицы информации с помощью обобщающих акциональных названий (Прогулка, Убийство, Свидание), так что именно они формируют последовательность, которая возникает лишь тогда и постольку, когда и поскольку ей можно дать название» [2, с. 39]. Культурный код включает в себя обращение к науке или совокупности знаний, которые являются общими для группы людей и известны только им. Данный код выражает определенный образ жизни и образ мышления.

Пять кодов создают сеть, в которой можно объединить все текстовые обозначения и лексии [12]. Обнаружение в процессе анализа текста выделенных кодов придает ему полифоническое звучание и множественные смыслы. По сути, Р. Барт фокусируется одновременно на пяти измерениях текста, связывая текст с его социокультурным окружением и не теряя при этом звучания отдельной истории, за счет чего анализ становится гибким. «Тем не менее только три из названных кодов (семный, культурный и символический) образованы взаимозаменяемыми элементами, только три из них обратимы и не подвластны временным ограничениям; элементы же двух других кодов (герменевтического и проайретического) выстраиваются в необратимые последовательности. Это означает, что классический текст в действительности имеет матричное (а не линейное) строение» [2, с. 39–40]. Вместе с тем из пяти выделяемых кодов (герменевтического, проайретического, символического, семного, референциального) лишь первые два относятся к традиционной области сюжетосложения, а остальные имеют ярко выраженную коннотативную природу [7]. Более того, герменевтический и проайретический коды относятся к произведению как таковому, а семный, символический и культурный коды выражаются на уровне текста.

Принципиальное разграничение денотации и коннотации составляет методологическую основу «S/Z». Текст у Р. Барта также обладает свойствами субъекта коммуникации, поскольку именно текст образует денотативный и коннотативный планы. В отличие от Ф. де Соссюра, обращавшего внимание прежде всего на денотативное значение, Р. Барт подчеркивает важность коннотации, связывая ее с идеологией, пронизывающей знаковую систему. Система, использующая знаки другой системы в качестве означающих, представляет собой коннотативную систему и является символической по своему характеру [5, с. 255–256]. Буквальное изображение следует рассматривать как

денотативное. Денотат не отсылает к какой-либо сущности, так как он всегда включен в тот или иной контекст или дискурс, ориентированный на осуществление практической функции языка. Коннотация – это, по Р. Барту, «не имеющая ограничений связь, соотнесенность, анафора, метка, способная отсылать к иным – предшествующим, последующим или вовсе ей внеположным – контекстам, к другим местам того же самого (или другого) текста» [2, с. 36]. Коннотации не являются исключительно субъективными значениями: они обуславливаются кодами, доступными интерпретатору. Культурные коды обеспечивают коннотационную основу, и определенные коннотации будут широко признаваться в границах конкретной культуры. Кроме того, коннотативные означающие воплощают идеологию – область, единую для конкретного общества на определенном этапе его исторического развития [5, с. 267–271].

Денотаты в тексте являются явными и эксплицитными, коннотаты неопределенны и имплицитны, поэтому исследование коннотативного значения влечет за собой определенную степень субъективности. Более того, в «S/Z» Р. Барт приходит к выводу, что денотация, как и коннотация, является идеологической в определенной степени. Денотаты основываются на социальном контексте, характерном для исторической эпохи, и «идеология здесь ни за что не желает назваться собственным именем и всеми доступными ей средствами маскируется под «естество», под «природу»» [7, с. 15].

В работе «От произведения к тексту» он указывает на основные различия между произведением и текстом (относит первое к классической традиции, а второе – к современной эпохе постмодерна). Произведение наглядно и зримо, а текст высказывается в соответствии с определенными правилами. «Текст ощущается только в процессе работы, производства» [4, с. 415]. Произведение замкнуто, сводится к определенному означаемому, явному или тайному, и функционирует как знак. «В Тексте, напротив, означаемое бесконечно откладывается на будущее; Текст уклончив, он работает в сфере означающего» [4, с. 416], имеет дело только с языком и характеризуется множественностью. Р. Барт утверждает: «Единство текста лежит не в его происхождении, а в его предназначении» [10], что сигнализирует о смещении акцента с автора на читателя в современной литературной теории. Авторство более не может быть решающим ключом в интерпретации текста, поскольку оно представляет собой попытку «наложить ограничения» на текст. Следовательно, упорядочивание текста осуществляет читатель, которого Р. Барт характеризует как «пространство», в котором фиксируются все цитаты, формирующие письмо. Тем самым литературное произведение представляет собой некую телеологическую конструкцию, завершённый продукт, создаваемый в целях воздействия на адресата. Текст, в свою очередь, является неинтенциональным: «Хотя нет ничего существующего вне текста, не существует и текста как законченного целого» [2, с. 33–34]. По мнению Р. Барта, произведение соотносится с денотативным уровнем, а текст ассоциируется с уровнем коннотаций. Произведение – это то, что непосредственно сказано автором, а текст – то, что отразилось в произведении

независимо от воли автора, однако доступ к тексту возможен только через произведение.

Итак, Р. Барт обращается к проблемам языка, рассматривая его как согласованную и организованную систему. Язык выступает как один из компонентов системы знаков, которую он стремился исследовать и расшифровать, как если бы весь материальный и нематериальный мир являлся текстом. Он предложил новый способ анализа текста как многогранного и наделенного множественными значениями явления, в ходе процесса чтения отделенного от уз литературной традиции и освобожденного от сдерживающих соглашений. Любой текст может обладать множественными значениями, которые как зависят от различных прочтений читателями, так и реализуются на уровне самого текста. Р. Барт стремился проанализировать языковую составляющую, исследовать те объективные превращения, которым подвергается язык при осуществлении акта коммуникации, выявить пласт вторичных, «коннотативных», значений языка, который и является, по мнению французского философа, носителем социально и исторически обусловленных значений.

Библиографический список

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (Критический очерк концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977. 258 с.
2. Барт Р. S/Z / под ред. Г. К. Косикова. 2-е изд., испр. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
3. Барт Р. Воображение знака // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Тoc34617030 (дата обращения: 02.05.2019).
4. Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Тoc34617030 (дата обращения: 02.05.2019).
5. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Тoc34617030 (дата обращения: 02.05.2019).
6. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика: Поэтика. URL: http://yanko.lib.ru/books/cultur/bart-all.htm#_Тoc34617030 (дата обращения: 02.05.2019).
7. Косиков Г.К. Идеология. Коннотация. Текст (По поводу книги Р. Барта «S/Z»). URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/kosikov4-ru> (дата обращения: 02.05.2019).
8. Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед. URL: <https://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/kosikov7-ru> (дата обращения: 02.05.2019).
9. Роже Ф. Что нам делать без Ролана Барта? // Что нам делать с Роланом Бартом?: материалы Международной конференции, декабрь 2015 г. СПб.: НЛЮ, 2018. С. 7–20.
10. Clark E.A. History, Theory, Text: historian and the linguistic turn. Cambridge: Harvard University Press, 2009. Kindle edition.
11. Stafford A. Roland Barthes: A double grasp on reality. URL: <https://www.the-tls.co.uk/articles/public/roland-barthes-footnotes-to-plato/> (date of accessed: 02.05.2019).

12. Tohar V. An Alternative Approach for Personal Narrative Interpretation: The Semiotics of Roland Barthes. URL: <https://journals.library.ualberta.ca/ijqm/index.php/IJQM/article/view/634> (date of accessed: 02.05.2019).

R. BARTHES'S PHILOSOPHY: TEXT AND SIGN

V.P. Potamskaya

Tver State Technical University, Tver

The article is devoted to R. Barthes's philosophical legacy. It was demonstrated that Barthes sought to analyze the linguistic component, to identify the objective transformations that a language undergoes within the act of communication, to reveal the layer of secondary «connotative» meanings of language, which is a carrier of socially and historically determined meanings. It is considered Barthes's turn from the idea of a set of meanings realized at the level of perceiving text to the idea of multiple meaning existing at the level of text.

Keywords: text, sign, language, poststructuralism.

Об авторе:

Потамская Вера Павловна – кандидат философских наук старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связей с общественностью ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

Potamskaya Vera Pavlovna – PhD, senior lecturer of department of media technologies and public relations of Tver State Technical University, Tver. E-mail: potamskaya.v@yandex.ru

УДК 130.2:39:316.728(367)

К ИСТОРИИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА: О «ЧУЖОМ ДОМЕ» НА ПУТИ К СУПРУЖЕСКОМУ СЧАСТЬЮ

Н.В. Занегина

© Занегина Н.В., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Представленная работа является третьей статьей в серии публикаций, призванных попытаться реконструировать историю традиций заключения брака, имеющих непосредственную связь с древним обычаем «сговора» («помолвки»). Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что изначально «сговор» представлял собой первый этап длительной традиции бракосочетания. «Помолвка» позволяла жениху и невесте вступить в интимные отношения для подтверждения детородных способностей потенциальной супружеской пары. Брачные обычаи претерпели изменения вслед за развитием социальной дифференциации. «Помолвка» потеряла функцию легализации интимных отношений жениха и невесты, превратившись из этапа заключения брака в обычай, предшествующий оформлению супружеского союза. Целью данной публикации является

попытка выявить возможный путь преобразования традиций заключения брака, который проявился в результате трансформации «сговора».

Ключевые слова: брак, семья, заключение брака, обычай, помолвка, сговор.

Как отмечалось в предыдущем исследовании [22], желание представителей элитарных слоев общества обрести уверенность в том, что высокопоставленный член этого общества является не только номинальным, но и реальным отцом ребенка, рожденного молодой женщиной, приводило к возникновению необходимости в бдительном контроле за поведением юной особы как со стороны ее супруга, так и со стороны его родственников. Результатом указанных социальных перемен стал отказ от традиции, предписывавшей жениху и невесте начинать половую жизнь до переезда молодой в дом родителей первого.

Каким образом древний обычай «сговора» терял силу «легитимизации» интимных отношений будущих супругов? По древней брачной традиции для того, чтобы чужая женщина была признана женой одного из членов социума, ей следовало стать матерью. Развитие социальной стратификации потребовало от женщины, желающей занять уважаемое положение в обществе, становиться матерью ребенка, рожденного исключительно от потенциального супруга. Да еще сделать это так, чтобы в обществе не возникло ни малейшего сомнения по поводу отцовства последнего! Как совместить несовместимое? Похоже, ответ на этот вопрос можно найти, анализируя сохранившиеся вплоть до XIX столетия брачные обычаи некоторых народов России и близлежащих стран.

Пристальное внимание стоит обратить на обычаи, обнаруженный этнографами у адыгейцев, абхазов, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар, караногайцев, туркмен Ставропольской губернии, казахов, киргизов, мордвы, некоторых групп эвенков. Речь идет о традиции помещать невесту, привезенную из дома родителей, в специально приготовленный для молодоженов дом или особое брачное помещение, куда молодой муж имел право приходить лишь тайком, появляясь у своей супруги только поздно вечером. Невеста оставалась здесь до совершения обряда ввода ее в «большой дом», т. е. центральное помещение усадьбы [1, с. 236; 9, с. 65; 14, с. 196–201; 16, с. 57–58]. В прошлом перед проведением указанного обряда нередко проходил немалый промежуток времени – от одного месяца до года, а иногда и больше, если позволяли средства. Примечательно, что беременность новобрачной у адыгов часто становилась поводом закончить ее пребывание в особом помещении. Причем, по сведениям М.О. Косвена, «акт приобщения молодой к хозяйству семьи имел место нередко, когда молодая женщина находилась уже на последнем месяце беременности» [9, с. 74]. М.А. Меретуков приводит сообщение некоторых информаторов, в соответствии с которым «иногда свадьба устраивалась после родов» [14, с. 204]. Соответствующие традиции были характерны и для ногайцев, у которых изоляция новобрачной заканчивалась «по истечении года или тогда, когда одарит молодого мужа ребенком» [4, с. 288].

Указанный обычай имеет смысл рассмотреть на примере свадьбы у адыгских народов, успешно сохранивших комплекс древних традиций. Пребывание невесты в таком брачном доме было связано с очевидными ограничениями ее свободы (как передвижения, так и общения). Новобрачная не

должна была встречаться ни с родителями молодожена, ни с его старшими родственниками. Естественно, обеспечить исполнение такого запрета на усадьбе отца и матери мужа было крайне проблематично. Выход обнаружился в установлении еще одного запрета для молодой женщины, а именно запрета для невесты покидать брачное помещение. Выйти на свежий воздух девушке позволялось только на короткое время и только в случае, если во дворе не было родителей молодого или каких-либо посторонних людей. Новобрачная даже старалась меньше кушать, чтобы меньше нуждаться в выходе наружу. Причем выйти за пределы своего «местообитания» она могла лишь в сопровождении подруги или какой-либо другой девушки.

Следует сказать, что новобрачную никогда не оставляли одну. Днем при ней постоянно находилась девушка, специально приглашенная родителями новобрачного. Ночевала «подруга невесты» (по вполне понятным причинам) в доме родителей жениха. Кроме такой «подруги», которую содержали родители молодожена, за женщиной присматривал посланец ее родственников, также призванный удовлетворять нужды и потребности вступающей в брак девушки.

Существенными были ограничения в общении будущей жены. Как уже говорилось, сама она не имела права посещать кого-либо, а в брачное помещение допускалась исключительно молодежь, следовательно, из ее родственников в гости к девушке могли прийти только младшая незамужняя сестра и младший брат. Прямо скажем, положение новобрачной было не из легких, несмотря на то, что существовало обыкновение развлекать ее молодежными вечеринками, а сама она не занималась хозяйственными делами и физическим трудом [14, с. 205–208, 216–219].

Естественно, было слишком оптимистично рассчитывать на то, что женщина, пребывающая в условиях, близких к тюремному заключению, сможет выносить и родить здорового ребенка. Возможно, данные соображения привели в дальнейшем, с одной стороны, к сокращению срока «заключения» невесты, а с другой – к распространению еще одного весьма интересного обычая, а именно традиции помещать невесту, привезенную из дома родителей, в «чужой дом», т. е. в дом одного из друзей, родственников или близких знакомых семьи ее мужа. Этот обычай имел распространение среди адыгейцев, кабардинцев, балкарцев, черкесов, абхазов, осетин, карачаевцев, ингушей, кумыков, лезгин, армян, курдов [9, с. 57–64; 14, с. 314]. В «чужом доме» невеста проводила до двух лет (наибольшее время пребывания было характерно для новобрачной из княжеской семьи). Преимущество пребывания невесты в «чужом доме» заключалось в том, что там она чувствовала себя более или менее свободно. С ней также постоянно днем находилась родственница хозяина или соседская девушка. Однако молодая женщина «могла выйти из комнаты, побывать во дворе на свежем воздухе и даже выполняла кое-какие домашние дела» [14, с. 309–310].

В ходе торжества, которое проводилось после завершения «изоляции новобрачной», происходило приобщение молодой женщины к культу домашнего очага, считавшегося обиталищем семейного божества. Это событие воспринималось как главный элемент свадебной обрядности, так как только после

его проведения к женщине начинали относиться как к члену семьи ее мужа [14, с. 46–47, 251–255, 336].

Огромное значение очага в рамках свадебной обрядности было характерно для самых разных народов [8, с. 77–78]. Например, у болгар бытовал обычай, в соответствии с которым девушке было достаточно прикоснуться к очагу в доме молодого человека, размешать там угли, чтобы родители избранника признали ее своей невесткой вне зависимости от наличия или отсутствия у них такового желания [6, с. 155]. Румынка могла добиться согласия родителей молодого человека на брак и вступления в брак жениха, забравшись на печь в его доме и схватившись за дымоход [15, с. 165]. По мнению исследователей, традиционный обход новобрачных вокруг стола в ходе свадебного пира у русских являлся «редуцированной формой обхода вокруг очага» [5, с. 55]. Можно предположить, что первоначально (при формировании описанного комплекса традиций) обряд приобщения к очагу старались проводить лишь после того, как молодая подтвердит свою способность к деторождению.

Вышеизложенное заставляет обратить внимание на обычай длительного табуирования общения молодой женщины с родственниками ее мужа. Эта традиция хорошо известна по этнографическим материалам под названием «обычай избегания». Очевидно, что этот обычай вполне рационален в семьях, где муж и жена лишены возможности развестись. Вполне понятно стремление членов таких семей сделать все возможное для того, чтобы минимизировать угрозу возникновения конфликтных ситуаций. Естественно, что отсутствие контактов практически гарантированно предотвращает развитие конфликтов, переход «словесных баталий» в «активную фазу», на что указывали как А. Рэдклифф-Браун [17, с. 41], так и Л.Я. Штернберг [21, с. 187]. Разумеется, изложенное предположение никоим образом не противоречит тому, что «обычай избегания» вместе с традицией закрывания головы и лица невесты (молодухи) мог внедряться в жизнь с иной, открыто заявленной целью. Например, такими декларируемыми целями могло являться создание максимально благоприятных условий для развития детородных способностей молодой женщины, а также желание защитить последнюю от негативного влияния зловредных сверхъестественных существ [11, с. 84, 88–89; 19, с. 130–131].

Известно, что «избегание» между невесткой и старшей родней ее мужа соблюдалось особенно строго [7, с. 234, 237–238; 14, с. 209; 18, с. 63]. Между тем нередко «обычай избегания» прекращал свое действие частично или полностью. Причем строгость избегания зачастую смягчалась как раз после рождения женщиной одного или нескольких детей [2, с. 225; 3, с. 105; 7, с. 215, 217–218, 220, 227–228, 236, 238; 8, с. 33; 9, с. 75–76, 90; 12, с. 62; 20, с. 114] либо после обнаружения беременности [19, с. 54].

Складывается впечатление, что обычай строжайшего избегания между невесткой и старшими родственниками ее супруга в семьях с патрилокальным типом брачного поселения имеет непосредственную связь со стремлением семьи минимизировать контакты с женщиной, чей статус в семейно-родственной группе еще не определен. От решения именно этих людей зависело будущее женщины, чья способность к деторождению не подтвердилась. Очевидно, что семейно-

родственная группа была заинтересована в том, чтобы «ответственные лица» имели мнение, независимое от личных симпатий или антипатий, которые неминуемо возникают между людьми при непосредственном межличностном взаимодействии. «Обычай избегания» между невесткой и старшими родственникам ее мужа создавал условия, позволяющие последним при неблагоприятном исходе событий, не мучаясь сомнениями и не испытывая чрезмерных угрызений совести, вернуть девицу в родительский дом либо потребовать ей замену. Быть может, по той же причине ограничивалось общение молодых супругов. «Тайна» ночных свиданий не позволяла молодоженам хорошенько узнать свою «вторую половину» и успеть «привязаться» друг к другу в случае, если ранее они не были близко знакомы. Ограничение, которое накладывалось на общение новобрачных, позволяло старшим родственникам надеяться на лояльное отношение жениха к их отказу от брачного альянса с молодой женщиной, так и не сумевшей стать матерью.

Любопытно, что по крайней мере у некоторых народов старшие родственники при принятии итогового решения о дальнейшей судьбе новобрачной были защищены не только от воздействия ее личного обаяния, но и от всякой необходимости учитывать мнение жениха о его суженой. Так, у адыгских народов жених был обязан избегать общения со своими старшими родственниками во время пребывания невесты в особом брачном помещении или в «чужом доме». Жених обязан был покинуть родительский кров и не показываться на глаза старшим членам своей семьи. Он мог поселиться в доме друга или своего младшего родственника, но не имел права просить кров у ближайших старших родственников семьи. Жениху полагалось соблюдать «обычай избегания» также по отношению к хозяину и хозяйке дома, приютившего его, т. е. в этот период он минимизировал контакты с ними. Возвращаться в родительский дом жениху по обычаю предписывалось уже после того, как родственники забирали его невесту из «чужого дома» [9, с. 64; 14, с. 204, 209, 237, 304–308, 317–319, 321], следовательно, после того, как было принято решение благополучно завершить свадебный обряд, принять невесту в семью. Обычай ухода жениха в «чужой дом» был известен не только адыгским народам, но и абхазам, осетинам, ингушам, чеченцам, лезгинам, балкарцам, кабардинцам [9, с. 64; 14, с. 332].

Возможно, что ограничение, накладывавшееся на общение новобрачных, в дальнейшем породило стремление некоторых народов минимизировать контакты между мужем и женой, что также способствовало предотвращению развития внутрисемейных конфликтов. В семьях, где брак заключался не по обоюдному согласию новобрачных, а путем подбора подходящей кандидатуры спутника жизни старшими родственниками, «избегание» супругами друг друга позволяло рассчитывать на сохранение «мирных» взаимоотношений даже в семьях, где обнаруживалось полное несходство характеров жены и мужа. «Избегание» между супругами особенно резко было выражено у ряда народов Кавказа, например у абхазов, чеченцев, кумыков, адыгейцев, кабардинцев, черкесов [9, с. 90; 10, с. 50].

Кстати, возможно, в обществах с матриликальным или авункулокальным типом брачного поселения табу на общение брата и сестры также было вызвано к

жизни стремлением обезопасить окружающих от развития внутрисемейных проблем, порожденных несходством характеров мужчины и женщины, представлявших собой главную пару, которая обеспечивала эффективное функционирование социальной структуры с матрилинейным счетом родства. Соответствующая система организации межличностных контактов внутри семьи была характерна, например, для населения Тробрианских островов в Меланезии [13, с. 493–494].

В XIX–XX вв. пребывание невесты «в изоляции» у адыгских народов в большинстве случаев не было длительным (обычно не превышало недельного срока) [14, с. 321]. Вполне возможно, что в этом проявлялась утрата старого обычая, смысл которого был забыт, а значение потеряло былую актуальность. Однако и столетие назад молодая женщина не имела права выйти на улицу или посетить соседей раньше, чем через год после свадьбы. Некоторые информаторы указывали, что смена традиционного девичьего головного убора на платок также происходила лишь год спустя после совершения официальной свадебной церемонии [14, с. 70–71].

Примечательно, что по крайней мере у адыгов и абхазов особое помещение – «брачный домик» – создавалось в прошлом не только в усадьбе семьи жениха, но и у родителей невесты. В «брачном домике» жениху дозволялось посещать свою суженую. По мнению М.А. Меретукова, данный обычай, трансформируясь, привел к распространению традиции выделять особую комнату для девушки, достигшей брачного возраста; этот обычай сохранился у адыгов вплоть до последнего времени. В эту комнату, как и в брачное помещение, не заходили ни родители, ни старшие родственники, зато ее часто посещала молодежь [14, с. 137, 200]. Следовательно, можно предположить, что здесь речь идет о следах существования в прошлом обычая «тайных посещений» женихом невесты в доме ее родителей. Очевидно, аналогичную функцию выполняла отдельная кибитка, которую богатые ногайцы в соответствии с обычаем отводили взрослой дочери; в ней на рубеже XIX–XX столетий ногайская невеста действительно ожидала ночных визитов своего суженого [3, с. 77].

Отметим, что неправильно воспринимать родителей жениха как неких монстров, хладнокровно ожидающих подтверждения невестой ее «профпригодности» (наличия детородных способностей) в ходе «испытательного срока». Рациональность обычая, заинтересованность семейно-родственной группы в его проведении вполне очевидны. Однако подобная рациональность не означает, что конкретные индивидуумы руководствовались в своих действиях исключительно соображениями личной либо внутрисемейной выгоды. Сложный комплекс традиционных представлений включал в себя уверенность в существовании тесной зависимости благополучия родственников жениха от действий его невесты. Известно, что введение чужого человека в круг членов семьи представлялось важным и опасным мероприятием. Конечно, после проведения в ходе свадебной церемонии соответствующих ритуалов перед очагом можно было рассчитывать на то, что сверхъестественный покровитель семейства примет под свою защиту девушку и не будет держать зла на членов семьи, которые причислили ее к родственникам. Однако несложно догадаться, что такая

надежда станет значительно более обоснованной, если ко времени проведения соответствующих обрядов новобрачная будет беременна от супруга или уже окажется матерью юного создания.

Существование нешуточного страха разгневать семейное божество подтверждает прелюбопытный обряд «ухода бабки», являющийся частью ритуала адыгской свадьбы. Суть ритуала заключается в том, что при вводе невесты в «большой дом» из последнего выбегала бабка жениха с громогласными жалобами на девушку, которая ее выгнала. Инцидент выглядел чрезвычайно внушительно: невестка шла позади бабки, а вокруг последней выстраивались ее защитники-мужчины из числа родни жениха, которые были вооружены луками и делали вид, что стреляют. Естественно, инсценировка заканчивалась общественным порицанием невестки, в том числе и собственными родственниками девушки. При этом от новобрачной ожидали поведения, свидетельствующего о глубоком раскаянии в якобы содеянном ею и желании заглавить свою «вину». Финальным действием традиционного представления являлось демонстративное примирение невестки и бабки, вслед за чем последняя возвращалась домой. У абадзехов в данном обряде полагалось принимать участие и деду жениха как «пострадавшей стороне», однако зачастую тому удавалось избежать столь сомнительного удовольствия. Кстати, бабка жениха брала на себя эту утомительную роль обыкновенно не от сознания глубины загубленного в себе артистического таланта, а по причине страха перед ужасными последствиями, которые непременно должны наступить для нее, если проигнорировать исполнение древнего ритуала [14, с. 247–251]. Чем еще можно объяснить существование такого обряда, кроме желания продемонстрировать, что появление невестки в «большом доме» является событием непреодолимой силы, сопротивляться которому даже самые уважаемые члены семейства не в состоянии? Действительно, какой смысл потусторонним покровителям семейства обижаться на старших, если последние не в силах контролировать происходящее, максимум, что они могут в новых условиях, – приложить все усилия для того, чтобы сохранить свое место под крышей дома и не быть выброшенными за порог?

Отметим, что в наименьшей степени благополучие самой невесты зависело от поведения старших родственников ее мужа. В частности, во время пребывания в брачном помещении она могла кушать только в одиночестве или в присутствии девушек. Наличие в помещении посторонних исключало для нее возможность потребления пищи [14, с. 208], вероятно, в связи с опасениями повредить собственному здоровью или благополучию.

Уверенность в особых способностях новобрачной присутствовала не только у адыгов, но и других народов. Например, известно, что греки категорически запрещали женщине, недавно вступившей в брак, видеть мертвеца, поскольку это может привести к смерти кого-либо из родственников ее мужа. Присутствие молодухи на чужой свадьбе также было нежелательно, так как считалось, что появление на свадебном торжестве недавней невесты неминуемо приведет к трагическому завершению брака (разводу или смерти одного из новобрачных) [2, с. 225].

Утомительные свадебные обряды сознание наших предшественников воспринимало и как оберег для новобрачных, обеспечивающий их благополучие, и как способ защиты их старших родственников, а также иных близких людей.

Таким образом, трансформация «сговора» из начального этапа заключения брака в ему предшествующий обычай могла привести к включению в свадебную традицию целого комплекса новшеств. Необходимость обрести уверенность в том, что новобрачный является биологическим отцом первенца юной пары у некоторых народов с патрилокальным типом брачного поселения приводила к смене локализации «тайных свиданий» помолвленных. Невесту перевозили на территорию, где проживала семейно-родственная группа жениха и где, несмотря на отсутствие любых контактов со старшими родственниками потенциального супруга, за ней бдительно присматривали. Молодая женщина либо размещалась в особом домике в усадьбе родителей жениха, либо ее принимал в качестве гостя один из близких родственников или друзей семьи потенциального мужа. Полагаем, первоначально статус полноправных супругов молодые обретали только после того, как становилось очевидным наличие у пары детородных способностей.

Вышеописанный ритуал, безусловно, представляет большой интерес. Однако сомнения вызывает уникальность данного пути изменения брачных обычаев, вызванных трансформацией «сговора». Обычаи заключения брака, характерные для многих народов, среди которых и наши непосредственные предки, не сохранили никаких сведений о существовании «чужого дома» или особого помещения для молодухи. Следовательно, мы вынуждены предположить, что у других народов смена брачных обычаев происходила иначе. Публикацию, завершающую исследование истории трансформации «сговора», автор планирует посвятить поиску таких альтернативных путей изменения традиции заключения брачного альянса.

Библиографический список

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
2. Анфертьев А.Н. Греки // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред.: Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 206–228.
3. Гаджиева С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев (XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1975. 173 с.
4. Дубровин Н.Ф. Кавказ и народы, его населяющие. Кн. 1. Кавказ. М.: Кучково поле, 2016. 648 с.
5. Жирнова Г.В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1980. 152 с.
6. Иванова Р., Маркова Л.В. Болгары // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 135–159.
7. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л.: Наука, 1969. 241 с.
8. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1939. 188 с.

9. Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 260 с.
10. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
11. Лобачева Н.П. К истории паранджи // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 78–92.
12. Лобачева Н.П. Что такое свадебный обряд? (опыт изучения содержания брачно-свадебной обрядности) // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 55–64.
13. Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии // Малиновский Б. Избранное: динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004. 959 с.
14. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов (XIX – 70-е годы XX в.). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1987. 368 с.
15. Рикман Э.А. Румыны // Брак у народов Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Ю.В. Иванова, М.С. Кашуба, Н.А. Красновская. М.: Наука, 1988. С. 160–181.
16. Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. 240 с.
17. Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX–XX в.). М.: Наука, 1983. 264 с.
18. Смирнова Я.С., Першиц А.И. Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? // Советская этнография. 1978. № 6. С. 61–70.
19. Стасевич И.В. Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 202 с.
20. Цэрэнханд Г. Некоторые обычаи избегания у монголов // Советская этнография. 1991. № 5. С. 111–115.
21. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
22. Занегина Н.В. К истории заключения брака: трансформация «сговора» // Вестник Тверского государственного технического университета. Сер. Науки об обществе и гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 25–31.

TO THE HISTORY OF MARRIAGE: ABOUT THE «ALIEN HOME» ON THE WAY TO MARITAL HAPPINESS

N.V. Zanegina

Tver State Technical University, Tver

The presented work is the third article in a series of publications on the history of the «engagement». It was possible to establish that originally the «engagement» was the first stage of a long tradition of marriage. After the «engagement» the bride and groom entered into intimate relationships to confirm the ability to bear children. The marriage customs have changed as a result of the development of social differentiation. «Engagement» has lost the function of legalizing the intimate relations of the bride and groom, from the marriage stage has become a custom that precedes the design of the marital union. The purpose of this publication is to identify a possible path to changes in the traditions of marriage, which were the result of the transformation of the «engagement».

Keywords: marriage, family, marriage, custom, engagement.

Занегина Наталья Витальевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры общенаучных дисциплин факультета международного академического сотрудничества ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: nzanegina@rambler.ru

Zanegina Natalia Vitalievna – PhD (historical sciences), associate professor, associate professor of department of scientific disciplines of the faculty of International academic cooperation of Tver State Technical University, Tver. E-mail: nzanegina@rambler.ru

УДК 140:004.81

КОГНИТИВНАЯ НАУКА В ДИСКУРСЕ ФИЛОСОФИИ: ДИАЛОГ ФИЗИКОВ И ФИЛОСОФОВ

Н.И. Павлова

© Павлова Н.И., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь.

Рассматриваются основные предпосылки, тенденции и вопросы в развитии междисциплинарной когнитивной науки, сосредоточенной на сознании как главном объекте изучения. Показаны некоторые векторы в исследовании сознания и когнитивных процессов в их связи с фундаментальными гносеологическими и эпистемологическими основами. Уделено также отдельное внимание симбиозу дискурсов физики и философии, набирающему популярность среди ученых; «квантовому подходу» в философии, позволяющему интегрировать «ментальное» в квантовую картину мира. В связи с этим дается обзор некоторых наиболее известных и резонансных концепций в отечественной и зарубежной науке в этой области.

Ключевые слова: когнитивные исследования, философия, эпистемология, когнитивная наука, сознание, квантовый физикализм, квантовая когнитивная наука.

Быть может, прежде губ уже родился шепот
И в бездревесности кружились листья,
И те, кому мы посвящаем опыт,
До опыта приобрели черты.

О. Мандельштам

Область когнитивных исследований, стремительно развивающихся в современном мире, позволяет видеть будущее науки за междисциплинарным и конвергентным знанием. Его растущая популярность, в том числе среди непосвященных, позволяет сделать вывод о том, что интерес любой науки так или иначе лежит в сфере изучения вневременных вопросов – сознания, мышления, мозга, языка, т. е. гуманитарных по своей природе. Более того, тот факт, что в XXI веке на исследовательском пути когнитивистики сочетаются области, казалось бы, непересекающихся наук, таких как физика и философия, эпистемология и нейробиология, теория искусственного интеллекта и

лингвистика, подчеркивает методологическую исчерпанность, возникшую вследствие разделения наук, дробящую процесс познания на части и не позволяющую видеть целое. Возможно, это можно расценивать и как некий симптом неудовлетворенности логической картиной мира. Примечательна в этом смысле отсылка в работах известного специалиста по когнитивной науке Т.В. Черниговской к натурфилософии как науке, нивелирующей заданную научную бинарность (гуманитарные / естественные науки) в стремлении объединить естественнонаучное и гуманитарное знание в неких исходных, единых принципах познания мира, дабы достичь целостности восприятия. Действительно, если обратиться к опыту прошлого, то нетрудно заметить, что многие математики и физики являлись прежде всего философами, а художники разбирались в естественных науках не хуже ученых, достаточно вспомнить И.В. фон Гете, Леонардо да Винчи, П. Ферма, И. Ньютона, Б. Паскаля, М.В. Ломоносова, Н. Бора, В. Гейзенберга, Л. Кэрролла и др.

«Проклятые» вопросы о соотношении языка, мышления и природе иных когнитивных процессов; о структурированности мира и степени зависимости его от сознания, а сознания от мозга; связанные с вышеназванными вопросы времени и пространства, законов природы, трактовки эмпирического опыта – все они, по единодушному признанию когнитивистов, нуждаются в эпистемологической рефлексии. Лейтмотивом звучит вопрос об определении позиции вопрошаемого, выработке неких конвенциональных представлений о физическом и ментальном мире. По сути, это фундаментальные вопросы гносеологии. Сам объект исследования когнитивной науки – сознание – целиком включен в философский дискурс, из-за чего входящие в это поле дисциплины становятся релевантными философии.

Статья представляет собой рассуждение на тему продуктивности гуманитарного взгляда на современную науку и не претендует на исчерпывающую полноту в попытке каталогизировать наибольшее количество концепций. Исходные замечания позволяют сформулировать тезис о том, что взаимообусловленность естественнонаучной и гуманитарной парадигм неизбежна и задана предназначением науки, устремленной к познанию мира и человека.

Краеугольным камнем для естественнонаучных дисциплин, равно как и для гуманитарных, остается модальность восприятия, в своей основе проблематизирующая субъект-объектную дихотомию. Прежде всего это вопрос о констатации предпосланной субъективности в процессах восприятия мира и его интерпретации, заведомого отсутствия объективной картины мира, что порождает герменевтический круг самой возможности познания. Круг вопросов из разряда семиотики, формулируемых современным когнитивным дискурсом, вновь заставляет исследователей заострить внимание на гуманитарном знании. По словам академика К.В. Анохина, «не случайно многие из выдающихся физиков вновь и вновь поднимают вопрос, не отражают ли знания в современной квантовой физике в значительной степени механизмы нашего когнитивного аппарата, процессов восприятия и мышления, а само понятие информации выступает фундаментальным понятием физики» [1, с. 42].

Важным и отнюдь не парадоксальным выглядит тот факт, что, несмотря на прогресс в развитии возможностей когнитивных исследований, психофизиологическая проблема остается одной из самых горячо обсуждаемых и нерешенных. Главная причина весьма точно, на наш взгляд, сформулирована Т.В. Черниговской: «По-прежнему при описании субъективной реальности имеет место «провал в объяснении», ибо соотношения сознания – не физические, а значит, не могут быть прямо сведены к пространственно-временным координатам ... Параллельное описание нейрофизиологических процессов и ментальных состояний никак не помогает ответить на вопрос, как поведение нейронной сети порождает субъективные состояния, чувства, рефлексию и другие феномены высокого порядка. Без смены фундаментальных представлений о сознании такой провал в объяснении преодолен быть не может, и здесь решающая роль аналитической философии бесспорна» [5, с. 20].

Приведенный пассаж по мере актуализации вопросов о возможности познания окружающего мира и степени его зависимости от познающего коррелирует со строками, взятыми в качестве эпиграфа к этой статье, и включается в долгую и бурную дискуссию о формах и способах познания действительности, модификации познавательных норм, содержании разных форм познания и др. Интересен на этом фоне факт возрастающего научного интереса к эмпирическому опыту, эпифеноменам, квалиа. Пристальное внимание в связи с этим вызывает феноменология творчества, всегда находившаяся в поле философского осмысления (достаточно вспомнить труды Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, В. Соловьева, Н. Бердяева и др.). Сфера искусства все больше привлекает и специалистов по нейронаукам: «Иные, кроме классических, логики, метафорические инструменты описания ... все более активно захватывающая интеллектуальное пространство сила. История цивилизаций говорит нам, что искусство часто (и неосознанно) делает когнитивные прорывы, которые через десятилетия догоняют своими методами точные и естественные науки» [5, с. 26].

Таким образом, на фоне общей тенденции синтеза наук очевидна потребность в философских категориях и парадигмах как основах осмысления всего спектра проблем, восходящих к вопросам сознания. В то же время очевиден эпистемологический конфликт, замкнутый на познающем субъекте. Как пишет в своей работе известный физик и космолог Р. Пенроуз: «Научное мировоззрение, которое на глубинном уровне не желает иметь ничего общего с проблемой сознательного мышления, не может всерьез претендовать на абсолютную завершенность. Сознание является частью нашей Вселенной, а потому любая физическая теория, которая не отводит ему должного места, заведомо неспособна дать истинное описание мира» [4]. Закономерно поэтому, что в контексте тенденции синтеза наук переплетаются физический и философский дискурсы, делаются попытки объединения разных, несовместимых, на первый взгляд, научных методологий. Познание в качестве главной цели, находящейся в конвергентном исследовательском фокусе, также ставит ученых на позицию натурфилософов в их попытке деконструировать законы привычного научного мышления, расширив эпистемологический диапазон. На этой «объединяющей»

стратегии научного мышления хотелось бы заострить внимание еще и из-за того, что обнаруживается взаимная потребность естественнонаучных и гуманитарных наук друг в друге.

Особенно эта потребность выразилась в стремительном развитии в последние десятилетия квантового подхода в философии, называемого также «квантовый физикализм», «физицизм». Его разделяют все больше ученых (в том числе физиков, нейробиологов). Об этом позволяют судить ширящийся поток специальной литературы, тематика конференций, многих ведущих научных журналов, например *Journal of Consciousness Studies*. Распространение квантового подхода заметно и в отечественном научном дискурсе, сосредоточенном на вопросах изучения сознания. Так, в одной из своих работ Т.В. Черниговская высказывает мысль о продуктивности квантовой когнитивной науки, которая «может разорвать порочный круг редукционализма и дуализма, так как нельзя заниматься сознанием, не имея полного представления о «веществе» мира, ибо загадки сознания неразрывны с представлениями о материи и в физическую картину мира оно никак не вписывается» [5, с. 74]. В работах другого нейробиолога, академика К.В. Анохина, звучит схожая мысль: «Имея развитую теорию материй и фундаментальных взаимодействий, мы до сих пор не имеем удовлетворительной теории мозга и нервных основ сознания. Одна из главных причин состоит в том, что решение этой проблемы зависит от усилий традиционно далеких друг от друга дисциплин. Философ или психолог не может решить проблему, так как она зависит от знаний о работе мозга. Но эта теория не может быть сформулирована и на языке нейрофизиологии...» [1]. Намерение объединения ясно. Другое дело, каковы пределы научного познания и в какой степени они определяются деятельностью только лишь мозга. Это относится к репертуару «предельных» вопросов бытия, который есть в рефлексии каждого исследователя.

Таким образом, можно констатировать, что прикладные исследования характеризуются дефицитом философского подхода и наоборот.

В пользу продуктивности научного взаимодействия гуманитарных и естественнонаучных дисциплин свидетельствуют современные подходы к изучению проблем физического и метафизического. Примером может служить зарождение интересных новаторских концепций, основанных на синтезе парадигм двух наук – физики и философии, а именно на применении квантовых коллапсов к сознанию. К ним принадлежит получившая широкий резонанс концепция астрофизика и математика из Оксфордского университета Р. Пенроуза, исповедующего идеал единой науки. Она построена на эпистемологическом монизме. Р. Пенроуз обосновывает принципиальную неисчислимость всех процессов мозговой деятельности, работы сознания (равно как и математических выводов) [4].

К сходным теориям можно отнести и «науку внутри сознания», которая принадлежит пионеру новой научной парадигмы, известному американскому квантовому физическому индийского происхождения А. Госвами, автору многочисленных книг и популярного в мире учебника по квантовой механике,

которым пользуются многие университеты мира. Проблематизируя остро звучащие в физическом дискурсе вопросы о квантовой нелокальности, он бросает вызов догмам локальности классической ньютоновской физики. Этот ученый задается вопросом о поиске философии, способе объяснить парадоксы квантового мира. Стоит отметить, что и А. Госвами, и Р. Пенроуз являются сторонниками платонизма, что объясняет сходство их позиций. Попутно заметим, что диапазон современных квантовых моделей сознания достаточно широк и базируется на идеях, представленных в работах квантовых физиков: когерентности, квантовой случайности, индетерминизме, дополнительности.

В квантовый мир входит, согласно А. Госвами, сознание, интерпретируемое им как нечто трансцендентное, нелокальное, находящееся вне времени-пространства. «Если материалистический реализм не может быть адекватной философией для физики, то какая философия способна иметь дело со всеми странностями квантового поведения?» [2, с. 15]. В качестве такой философии он предлагает монистический идеализм, истоки которого можно найти в философии Платона (рассказ о пещере в «Государстве»), буддизме. Анализ большого экспериментального материала из области классической и квантовой физики, нейробиологии дает возможность автору утверждать, что не наблюдение отделяет ветвь материальной вселенной, а «каждое наблюдение создает причинный путь в ткани возможностей в трансцендентной сфере реальности. Как только совершается выбор, из мира проявления исключаются все пути, кроме одного» [2, с. 40].

Парадоксы квантовой физики волнуют представителей когнитивных и нейронаук не меньше, чем физиков. Показательно в этом плане название уже упомянутой популярной монографии Т.В. Черниговской «Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание», метафорически сталкивающее два противоположных дискурса – квантовой физики и литературы. Такой синкретизм, на наш взгляд, символичен в свете тенденций к научному синтезу в когнитивных исследованиях. Т.В. Черниговская отталкивается от известного воображаемого опыта Нобелевского лауреата Э. Шредингера для того, чтобы показать парадоксальность общепринятой в науке физической картины мира, которая вслед за «провидческим» мнением Шредингера лишь может считаться «умеренно удовлетворительной» за счет удаления из нее сознания [5, с. 11]. Упоминание имени знаменитого физика служит отправной точкой для дальнейших размышлений автора, семиотическим кодом, выстраивающим весь дальнейший исследовательский нарратив вокруг проблемы сознания. Эта реминисценция звучит как призыв к пересмотру многих научных законов и парадигм, служит сигналом для выработки общенаучного метаязыка.

Таким образом, обзор тенденций, характерных для современных когнитивных исследований позволяет видеть достаточно сильную тенденцию к сближению наук, формирование разных междисциплинарных подходов. Становится очевидным, что научный поиск очерчен гуманитарным знанием, предопределен вопросами, актуализирующими дискурс философии. Большая научная дискуссия на тему сознания в связи с интеграцией квантового подхода

продолжается. При этом важно, что именно вопросы философии осознаются как первоочередные и первостепенные. Как полагают многие ученые, наука на этом пути не может обойтись без философского инструментария [6].

Библиографический список

1. Чумаков В. Коды Вавилонской библиотеки мозга (интервью с К.В. Анохиным) // В мире науки. 2013. № 5. С. 82–89.
2. Госвами А. Самосознающая Вселенная. Как сознание создает материальный мир. URL: <https://detectivebooks.net/book/25094622/?page=15> (дата обращения: 05.06.2019).
3. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001005/st000.shtml> (дата обращения: 05.06.2019).
4. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013. 448 с.
5. Юлина Н.С. Роджер Пенроуз. Поиск локуса ментальности в квантовом микромире // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 116–131.

COGNITIVE SCIENCE IN THE DISCOURSE OF PHILOSOPHY: DIALOG OF PHYSICISTS AND PHILOSOPHERS

N.I. Pavlova

Tver State Technical University, Tver

The article discusses the main prerequisites, trends and issues in the development of interdisciplinary cognitive science, focused on consciousness as the main object of study. Some vectors in the study of consciousness and cognitive processes in their connection with the fundamental epistemological and epistemological bases are shown. Special attention is also paid to the symbiosis of discourses of physics and philosophy, which is gaining popularity among scientists «quantum approach» in philosophy, allowing to integrate «mental» in the quantum picture of the world. In this regard, we give an overview of some of the most famous and resonant concepts in domestic and foreign science in this area.

Keywords: *cognitive research, philosophy, epistemology, cognitive science, consciousness, quantum physicalism, quantum cognitive science.*

Об авторе:

Павлова Надежда Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, SPIN-код: 4354-0349. E-mail: nadija_80@mail.ru

Pavlova Nadezhda Ivanovna – PhD (philological sciences), assistant professor of department of russian language of Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 4354-0349. E-mail: nadija_80@mail.ru

УДК 314.74:316.347

К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МИГРАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Е.Е. Михайлова, О.Ю. Верпатова, В.Ф. Мартюшов

© Михайлова Е.Е., Верпатова О.Ю., Мартюшов В.Ф., 2019
ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Миграционное общество представлено как поликультурное пространство, в котором постепенно формируются новые формы общественной интеграции. Показано, что чрезвычайное усложнение социальных связей и мнений в таком обществе актуализирует вопрос поиска культурно-национальной идентичности. Современная Россия рассматривается как миграционное общество, отдающее свои человеческие ресурсы и одновременно принимающее представителей других культур. Показано, что миграционный процесс в России усилился и приобрел специфические формы после распада советской политической системы, в постперестроечный период. Выявлено, что в российской практике организации взаимодействия принимающего общества и мигрантов преобладают принципы ассимиляции и сегрегации. Авторы статьи солидаризируются с новой позицией осмысления встречи двух культур – принимающей и отдающей. Она заключается в том, чтобы рассматривать субъекта миграции не как чужого/другого, не как «младшего брата», а как того, кто дает дополнительную возможность совместного поиска новых форм культурно-национальной идентичности.

Ключевые слова: миграция, глобализация, культурно-национальная идентичность, культурные стереотипы.

Изучение миграции как социокультурного явления представляется важным для осмысления специфики миграционных процессов в условиях глобализации. В контексте современного социокультурного пространства миграция представляет процесс, связанный с пространственно-временным перемещением человека как носителя социального и культурного потенциала «родины» (системы социальных отношений, ценностей, норм, традиций, обычаев и т. д.) в новые условия жизни [2, с. 47].

Понятие «миграционное общество» используется сегодня исследователями для характеристики стран, в которых под воздействием интенсивных миграционных потоков начинают вызревать новые формы общественной интеграции [1, с. 131]. Разумеется, миграция населения была всегда, поэтому любое общество можно считать миграционным. Однако за последние полстолетия глобализационные процессы резко изменили картину мира. Развитые страны с их высоким уровнем цивилизационных благ стали привлекательным местом для мигрантов со всех мест планеты. Поэтому Германия, Великобритания, Франция, Соединенные Штаты Америки, Канада и другие благополучные государства сегодня приобретают значение миграционных обществ. Многообразные взаимные переплетения экономического, культурного, политического, военного и

экологического характера делают социокультурное пространство этих обществ поликультурным, транснациональным [10, с. 202]. В результате из-за чрезвычайного усложнения жизни и ее плюрализации эти страны столкнулись с необходимостью поиска новых форм общественной интеграции, гарантирующей в равной мере права и свободы не только населению стран, встречающих мигрантов, но и самим мигрантам.

Современная Россия выступает как поликультурное пространство, одновременно отдающее свои человеческие ресурсы и принимающее представителей других культур. Миграционные потоки в России имеют легитимационную основу. Недавно вышла подписанная Президентом новая конвенция о миграционной политике Российской Федерации, где, в частности, описано, как развиваются миграционные процессы и какие изменения произошли. По данным статистики, на сегодняшний момент у нас в стране наблюдается значительный приток мигрантов из стран Передней и Центральной Азии; на Дальнем Востоке высок процент приезжающих из Китая. По некоторым данным, отток человеческого капитала, трудовых ресурсов в России сократился, но увеличилось число так называемых «удаленных работников», участвующих в деятельности транснациональных компаний [7].

В мировой практике организации взаимодействий принимающего общества и мигрантов сформировалось несколько принципиально разных подходов: ассимиляция по праву рождения (США, Франция), сегрегация по «праву крови» (Германия, скандинавские страны), интеграция (Великобритания, Канада, Китай), дистанцирование (Швейцария, Япония). Модель России являет собой синтез подходов, реализуемых Великобританией и Германией [2, с. 155].

Миграция является важным инструментом культурно-национальной самоидентификации. Самоидентификация как осознание своей принадлежности к той или иной группе, соотнесение себя с ней, принятие на себя ее обобщенных черт, признание интересов и ценностей группы в структуре своих личностных интересов и ценностей является предметом многих социально-гуманитарных наук. Этот важнейший механизм, сопряженный с групповым поведением, способен объяснить стремление индивида «войти» в новые обстоятельства жизни, осознать свою причастность к новым социальным группам или общностям. Исследователи С.Л. Ленков и Н.Е. Рубцова раскрывают проявления данного механизма в структуре современной профессиональной деятельности [6], особенно на этапе профессионального становления, переквалификации или освоения новых видов деятельности [3].

В процессе миграции происходит соприкосновение форм культуры (языка, норм, ценностей, знаний, социальных ролей), что актуализирует вопросы самоидентификации. В результате могут наблюдаться разные процессы: взаимное понимание между коренными жителями и вновь прибывшим населением, их страх друг перед другом, трудности адаптации, социальная напряженность и даже открытый конфликт. При «встрече» культур субъект миграции испытывает состояние «культурного шока», так как устойчивые представления, сформированные на родине, вступают в противоречие с бытовыми реалиями нового общества. Практика включения мигранта в новую систему отношений

демонстрирует несколько стратегий преодоления культурного шока и достижения стадии уважения инаковости. Позитивными стратегиями являются ассимиляция (стремление усвоить культуру страны пребывания) и интеграция (стремление усвоить новую культуру и обогатить ее элементами собственной), а негативными – геттоизация (замкнутое проживание мигрантов на новом месте) и колонизация (навязывание иностранцами своих культурных ценностей) [2, с. 158].

Центрирующим звеном культурно-национальной миграции является этническое самосознание. В структуру этнического самосознания исследователи включают когнитивные компоненты, т. е. представления, составляющие образ «я», а также эмоциональные и поведенческие переживания мигрантов (образ «мы»). Образ «мы» – это представление о характерных чертах своей группы (автостереотипы) и своем народе, его культуре, территории. Автостереотипы формируются не только на основе внутренних переживаний, но и на базе сопоставления своей группы с другими социальными группами в рамках разнообразных социальных контактов. Индивидуальные представления личности зависят от включенности ее в этнический контекст жизни, уровня образования и нравственно-ценностных форм. Групповые представления более устойчивы. Поскольку они транслируются из поколения в поколение, они обладают свойством властно-нормативного воздействия на людей.

Помимо представлений, символизирующих когнитивное поле самосознания, на формирование идентичности влияют стереотипы. Стереотипы можно рассматривать как определенные упрощенные, схематичные образы, отражающие фрагменты социальной реальности [4, с. 98]. Английский психолог, автор теории социальной идентичности Г. Тэджфел выделяет четыре функции стереотипов. На индивидуальном уровне значение стереотипа обуславливается выполнением таких функций, как когнитивная (селекция социальной информации, схематизация, упрощение) и ценностно-защитная (создание и поддержание положительного «Я-образа»). На групповом уровне значение стереотипа поддерживается функцией идеологизации (формирование и поддержание групповой идеологии, объясняющей и оправдывающей поведение группы) и идентификации (создание и поддержание положительного группового «Мы-образа») [11, с. 33]. Согласно теоретическим выкладкам Г. Тэджфела, динамика социальной идентичности определяется степенью осознания человеком самого себя в контексте принадлежности к сообществу, а само межгрупповое поведение – стремлением к позитивной идентичности. В результате на фоне возвышения значимости членов, входящих в одну группу, наблюдается отторжение тех, кто не принадлежит к ней, выглядит непохожим, а следовательно, кажется враждебным.

Особый оттенок в понимание миграции как инструмента поиска культурно-национальной идентичности внес У. Эко. Говоря о социальной дистанции, восприятие которой создает для индивидов представления «свой/чужой» и формирует поле идентичности социальных групп, итальянский теоретик отмечает, что дистанцирование в современных социальных реалиях приобретает не столько географический смысл, сколько контекстуальный. Представители разных культур могут по-разному воспринимать одно и то же расстояние и так же по-разному

интерпретировать его. Изучая современную массовую миграцию, У. Эко по-новому трактует понятие «чужой». По его наблюдениям, из-за различного восприятия социальных знаков представление о «Другом», т. е. о «не мы», в большинстве культур становится той силой, за счет которой сплачивается общность. В работе «Сотвори себе врага» он отмечает, что «иметь врага нужно не только для определения собственной идентичности, но еще и для того, чтобы был повод испытать свою систему ценностей и продемонстрировать ее окружающим» [8, с. 13]. Наилучшим «Другим» в этом ракурсе является чужестранец. Как подчеркивает теоретик, «Другим» в сознании жителей принимающего общества становится не тот, кто прибыл издалека, и даже не тот, кто может нести реальную угрозу безопасности, а тот, кто значительно отличается от коренных обитателей. Добавим, что ярлыки «угроза», «криминальность» на мигрантов навешивают уже после того, как признают их инаковыми, не вписывающимися в нормы и традиции принимающего сообщества. Культурные стереотипы, формирующие идентичность, мешают коренному населению быстро воспринять другого как равного.

В рассуждениях У. Эко первоначально враждебное отношение к мигрантам возникает не из страха перед непосредственной опасностью, которую они представляют, а больше в связи с тем, что они слишком не похожи на жителей принимающего общества. Эта непохожесть, инаковость служат причинами для страха и агрессии, что закономерно приводит к формированию образа «Другого» как врага [9, с. 14–16]. Миграционная практика показывает, что первоначально враждебное отношение к приезжим со стороны местного населения постепенно сменяется признанием «Другого» как продуктивного члена твоей группы. Однако этот переход, как правило, длителен. У. Эко пишет, что «признание роли других, необходимость уважать те же их потребности, которые мы считаем неукоснительными для себя, – результат тысячелетнего развития» [8, с. 5].

Новизна взгляда У. Эко состоит в том, что он не ограничивается только отрицательной коннотацией при характеристике инаковости, а предлагает рассматривать чужого/другого как дополнительную возможность определить собственную идентичность, испытать на прочность свою систему ценностей и продемонстрировать ее окружающим.

Теоретические выкладки Г. Тэджфела и У. Эко наглядно иллюстрируются на примере миграционной волны постперестроечной России. Сотрудничество с хлынувшими в страну рабочими-мигрантами поначалу оказалось выгодным для развития российской экономики. Это привело к тому, что трудовым мигрантам было разрешено оставаться на длительный период времени. Не утраченное со временем чувство родины, длительный период пребывания на территории с иной культурой, отсутствие возможности получить гражданство – эти и другие факторы способствовали формированию в России замкнутых диаспор, разделяющих преимущественно мусульманские социально-культурные традиции жизни. Практика длительного пребывания мигрантов на территории России привела к тому, что стали появляться туркменские, киргизские, азербайджанские и другие восточные *homeland*, которые превратились в устойчивые социокультурные образования.

Мировая миграционная практика последних десятилетий отразила расхождения в восприятии трудовой миграции во взглядах субъектов принимающего общества и мигрантов. Не избежала таких расхождений и Россия. Изначально неясен был масштаб возможных проблем; российские политики и эксперты, как и руководители других стран, рассчитывали на скорейшую адаптацию мигрантов, поэтому и не учли целый ряд факторов. Во-первых, практика показала, что без диагностики и специальной программы адаптации мигрантов процесс миграции малоэффективен. Во-вторых, российские миграционные нормы столкнулись с «силой» устоев и привычек субъектов миграции, выразившейся в том, что иностранные рабочие не спешили отказываться от привычного образа жизни «по команде» принимающей стороны. В-третьих, не было учтено действие теории возвышающихся потребностей. В жизненных реалиях отразились двойственные устремления мигрантов. Одни иностранные рабочие, вкусив благ более развитого в техническом и экономическом отношении общества, захотели жить в России постоянно, другие стали рассматривать ее как плацдарм для переезда в более развитую страну.

Большое количество и высокая степень вовлеченности восточных мигрантов в социальную и экономическую жизнь России за последние полстолетия привели к целому ряду изменений (от корректировки правовых норм и регуляторов социально-экономических практик к пересмотру миграционного законодательства) [5, с. 120]. На сегодняшний момент в России, как и во всем мире, имеет место миграционный кризис, проявляющийся в изменении настроений мигрантов и жителей принимающих их стран. Эксперты прогнозируют изменение характера миграции. Главными действующими лицами в будущей России видятся три группы мигрантов: диаспоры как легитимные субъекты права; высококвалифицированные специалисты (как правило, потомки первых мигрантов); молодые люди без образования. Практика показывает, что в рамках деловых отношений многим предпринимателям и политикам (выходцам из мигрантов) комфортно пребывать на территории России, так как глобализация интересов нивелирует культурные и социальные отличия. Местные диаспоры играют противоречивую роль: с одной стороны, они как субъекты права принимают на себя ряд обязательств в вопросе интеграции новых мигрантов в Российское государство при условии сохранения этнокультурной самобытности, с другой – они нередко лоббируют свои интересы через поддержку земляков, ранее добившихся высокого статуса и политического веса. Что касается молодых мигрантов, то они хотят жить в России, но не чувствуют свою принадлежность к ее культуре. Это препятствует интеграции, предполагающей движение навстречу другой культуре, а не проявление равнодушия и потребительских настроений.

Таким образом, в современной миграционной динамике России контрастируют две культуры – принимающая и привносимая. Тот факт, что многие мигранты не только не ассимилируются, но часто отказываются жить по правилам страны, куда они приехали сами или приехали их родители, можно объяснить устойчивостью чувства «укорененности»: в новые пространственно-временные условия попадает не только физический мир человека, но и его язык, обычаи, традиции, с которыми невозможно распрощаться исключительно

«по команде» принимающей стороны. Очевидно, что встреча культур и поиск совместной культурно-национальной идентичности предполагают длительный диалог, поиск общего языка, постепенное движение навстречу друг к другу до достижения стадии уважения инаковости. Вовлеченность мигранта в новые пространственно-временные условия проходит в три этапа: «пересечение зон» – пространственное распространение и удаление от привычных контекстов взаимодействия «на родине»; «рутинизация» – временное распространение и удаление от непосредственных новых социетальных; «принятие» – добровольное, сознательное признание нормативных регулятивов принимающей культуры как «новой родины» [2, с. 33]. В этой связи открывается важнейшее поле исторического образования, дающего возможность учиться друг у друга. Чем глубже взаимопонимание, тем менее невротичными будут взаимоотношения между коренным населением и мигрантами. Если мигранты первой волны в постперестроечной России получали, по сути, психологическую травму, облаченную в расхожую формулу «понаехали тут всякие», то их дети сегодня уже чувствуют себя достаточно защищенными. Это связано с легитимационными и социально-психологическими факторами. Во-первых, наличие миграционного законодательства формально регулирует трудовую и учебную миграцию. Во-вторых, за последние сорок лет в России выросло новое поколение, уже умеющее вести культурный диалог, находить общий язык и уважать инаковость «Другого». Актуальным для коммуникации сегодня считается не прямое насилие со стороны принимающей культуры, а достижение согласия между обеими сторонами, добровольное и сознательное принятие «Другого».

Авторы данной статьи – преподаватели вуза – по своему опыту знают, как российские и иностранные студенты умеют ладить друг с другом, общаться, трудиться и проводить досуг. Мы также видим и другую модель взаимоотношений: на учебных занятиях и в общежитии студенты могут дистанцироваться друг от друга, образуют этнические группы, например индусские или таджикские. Однако со всей очевидностью можно сказать, что среди моделей взаимоотношения российских и иностранных студентов в университете отсутствуют агрессия и открытое противопоставление себя «Другому». У студентов высшей школы постепенно складывается позитивное мировоззрение, согласно которому все люди, независимо от национальной и культурно-этнической идентичности, принадлежат к единому человеческому сообществу. В положительную сторону меняется и риторика миграционной политики: речь идет не только о том, чтобы в одностороннем порядке сделать субъектов учебной миграции объектом национальной педагогики, но и о том, чтобы шире тематизировать в социальной коммуникации их опыт, обычаи, культурные стереотипы.

Библиографический список

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: НЛЮ, 2016. 232 с.
2. Верпатова О.Ю. Миграция в контексте глобализирующегося социокультурного пространства: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. М., 2018. 181 с.

3. Леньков С.Л., Рубцова Н.Е. Модель психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения: интегративно-типологический подход // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2014. № 4. С. 7–24.
4. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
5. Мартюшов В.Ф., Верпатова О.Ю. Роль «культурного» шока в процессе адаптации иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Образование в пространстве культуры: сборник научных трудов / под ред. Э.Ю. Майковой. Тверь: ТвГТУ, 2018. С. 115–120.
6. Рубцова Н.Е. Интегративно-типологический подход к психологической классификации профессиональной деятельности: автореф. на соиск. ученой степ. д-ра психол. наук. Ярославль, 2014. 59 с.
7. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения: 10.05.2019).
8. Эко У. Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю. М.: АСТ; CORPUS, 2014. 352 с.
9. Эко У. Когда на сцену приходит другой // Пять эссе на тему этики. СПб.: Symposium, 2003. 40 с.
10. Фащенко А.Н. К вопросу о глобальной взаимосвязи культур: версия У. Бека // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 4. С. 202–208.
11. Tajfel H. Social Psychology of Intergroup Relations // Annual Review of Psychology. 2003. № 33 (1). P. 1–39.

SEARCHING OF CULTURAL-NATIONAL IDENTITY IN MIGRATION SOCIETY

E.E. Mikhailova, O.Yu. Verpatova, V.F. Martyushov

Tver State Technical University, Tver

Migration society is presented as a multicultural space, in which new forms of social integration appear. The article shows that the extreme complication of social contacts and opinions in this society actualizes the search of cultural-national identity. Modern Russia is considered as a migration society, giving away its human resources and accepting new cultures at the same time. It is shown that the migration process in Russia increased and acquired specific forms after the collapse of the Soviet political system in the post-perestroika period. It is revealed that in Russian practice of organizing interactions between the host society and migrants the principle of assimilation and segregation prevails. The authors of the article are in solidarity with the new position of understanding the meeting of two cultures - receiving and giving. It consists in viewing the subject of migration not as a stranger / other, not as a “younger” brother, but as an additional opportunity for a joint search for new forms of cultural-national identity.

Keywords: migration, globalization, cultural-national identity, cultural stereotypes.

Об авторах:

Михайлова Елена Евгеньевна – доктор философских наук профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Верпатова Оксана Юрьевна – кандидат философских наук доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Мартюшов Владимир Филиппович – кандидат философских наук доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь. E-mail: vmartushov@mail.ru

Mikhailova Elena Yevgenyevna – PhD professor of department of psychology and philosophy of Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Verpatova Oksana Yuryevna – PhD of philosophy associate professor of department of sociology and social technologies of Tver State Technical University, Tver. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Martyushov Vladimir Filippovich – PhD of philosophy associate professor of department of psychology and philosophy of Tver State Technical University, Tver. E-mail: vmartushov@mail.ru

УДК 001.18

«ОТКРЫТЫЙ КОНТЕНТ»: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ

О.Ю. Морозова

© Морозова О.Ю., 2019

ФКУ «Научно-исследовательский институт информационных технологий
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Тверь
ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

В статье поднимается вопрос открытого контента, который стал актуальным в контексте изучения проблемы информационного общества. Рассматриваются причины возникновения методологии открытого контента в рамках информационного общества. Анализируются достоинства данной методологии. Через рассмотрение использования открытого контента в современном мире делаются прогнозы насчет будущего данной методологии и предлагаются пути ее внедрения в Российской Федерации.

Ключевые слова: *открытый контент, информационное общество, информационные технологии, информация, контент, знания, образование, Интернет.*

Эффект, который оказывают новые технологии в области информатики на образы и главные составляющие жизни общества, долгое время рассматривался только с точки зрения информационных технологий и некоторых аспектов права [1]. Это положение дел полностью обусловлено заинтересованностью

финансовой и технократической элиты. В то же время пользователи сети смогли придумать новые способы для объединения людей со всего мира и их интеллектуального потенциала, чтобы решать возникающие проблемы как в теоретических исследованиях, так и на практике, а также в области культуры и образования [4].

Таким образом, интернет-сообщество начало формировать социум, основанный на знаниях. Формирующееся общество знания опирается на исследования в области информационных технологий.

Рассмотрим методологию, получившую название «открытый контент». Данная совокупность методов отражает стремление к формированию и дальнейшему распространению продуктов интеллекта. Продукты интеллекта – это прежде всего знания, идеи и различная информация. Результатом работы людей в данном направлении являются интернет-проекты, существующие только в виртуальном мире. К таким проектам относятся электронные библиотеки и энциклопедии, сетевая литература и многое другое. Конечно же, все проекты являются открытыми [2].

Открытый контент – это, с одной стороны, методы создания и продвижения информации, а также знаний как некоего достояния общества (продвижение происходит в Интернете), а с другой – это вид социальной компании в обществе, основанном на знаниях.

Таким образом, открытый контент можно трактовать:

как методы создания продуктов интеллекта и совместную работу различных представителей общества, объединенных ценностями, которые выходят за рамки экономики;

непосредственно продукты, которые создаются определенными методами (причем данные продукты выкладываются в открытом доступе, так что любой может их использовать и распространять);

аспекты культуры, которые объединяют индивидов, применяющих методы создания продуктов интеллекта, потребляющих / оценивающих продукты, созданные с помощью этих методов.

Понятие «открытый контент» используется в некоторых сферах общественного производства:

- 1) созданию интеллектуально емких продуктов;
- 2) охране культурной составляющей;
- 3) образовании;
- 4) создании сетевой литературы.

К особенностям методов открытого контента можно отнести стратегический характер, использование новейших технологий, полезность для социума, эффективность, технологичность.

Стратегический характер данной методологии проявляется в том, что ее основой являются ценности, отличные от ценностей тактического характера. Иными словами, приверженцы данной модели не ищут мгновенной прибыли, а смотрят вдаль с надеждой на развитие потенциала человека и, как следствие, эволюцию всего рода человеческого.

Новейшие технологии доступны за счет глубокой интеграции открытого контента в область информационных технологий, что предопределяет технологичность метода.

Из-за того, что данные методы применяются в виртуальной сети, их отличительными чертами являются:

- 1) создание нематериальных ценностей (виртуальных);
- 2) небольшой порог вхождения с точки зрения инвестиций, но при этом очень большой с точки зрения компетентности участников проекта;
- 3) ценность продукции, напрямую связанная с количеством пользователей, которые создают географически распределенное творческое общество.

Важность методологии «открытого контента» для социума выражается в ценностях совместной работы, свободного партнерства, а это, в свою очередь, несомненно, дает толчок в развитии «общественного достояния» и т. д.

Эффективность описанных выше методов обуславливается свободой участия в проектах, отсутствием ограничений на число участников, а также полным равноправием.

С течением времени процесс развития общества, основанного на знаниях, приведет к тому, что уровень, необходимый для творчества социального актора, который работает из-за собственной внутренней мотивации, будет неизбежно повышаться. Преподаватель в данном случае уже является не просто посредником между учеником и контентом: он также должен создавать все необходимые условия для того, чтобы ученик мог сам улучшать и оттачивать свои знания и навыки.

В передовых мировых институтах одними из способов претворения данной модели в реальности являются создание и дальнейшее продвижение открытых курсов для обучения. Курсы, разумеется, размещаются в Интернете в общем доступе [5]. Стоит также отметить, что некоторые отечественные вузы также взяли этот метод на заметку и начинают его выполнять в жизни.

Если постараться заглянуть в будущее, то можно предположить, что со временем количество таких курсов будет расти, а впоследствии, изучив достаточное количество необходимых для себя курсов, студент сможет сам выбирать свою направленность с образовательной точки зрения [6]. У каждого будет полностью индивидуальная траектория обучения. Возможно, даже барьер, существующий между образованием и исследовательской работой, исчезнет и ученик сможет обучаться, одновременно исследуя что-то в рамках какого-либо проекта.

Ценность открытого контента:

освобождает от организационных, социальных и правовых барьеров развитие общественного сотрудничества в обществе, основанном на информации и информационных технологиях;

использует незаметные ресурсы общественной энергии и человеческого творчества;

формирует открытую и самоорганизующуюся модель социальной системы; использует интересы, соответствующие вектору развития человека;

создает условия для эффективного производства и распределения благ общества.

Методы открытого контента дают новые возможности для повышения эффективности в области:

- 1) управления государством и улучшения общества и его составляющих;
- 2) охраны культуры, этноса, наций и народов, восстановления уже разрушенных памятников культуры;
- 3) научного развития;
- 4) создания общих структур, которые будут объединять интеллектуальные достижения не только отдельных индивидов, но целых регионов;
- 5) доступного образования, что может вызвать увеличение его качества.

Если принять во внимание тот факт, что Российская Федерация остро нуждается в модернизации и в вовлечении молодого поколения в движение за гуманизацию глобализации посредством роста багажа знаний, необходимо уделить должное внимание методам открытого контента [3]. Поэтому среди первоочередных целей, стоящих перед нашей страной, можно выделить:

- 1) формирование независимого органа, который бы занимался изучением вопроса открытого контента и разработки методов интеграции открытого образования в передовые институты России;
- 2) помощь приверженцам идеи «открытого контента», которые стремятся формировать новые проекты и вообще как-либо проявляют инициативу в данном направлении;
- 3) помощь в росте местной и всероссийской информационной структуры, которая будет нацелена на решение проблем в различных областях путем создания программ для занятых в данных сферах;
- 4) применение методов открытого контента сотрудниками органов местного самоуправления;
- 5) разработка планов по поддержанию и продвижению проектов, основанных на идеях открытого контента в различные области (например, в науку и культуру).

Библиографический список

1. Документы по подготовке Всемирного саммита по информационному обществу, 10–12 декабря 2003 г. URL: <http://www.un.org/russian/conferen/wsis/> (дата обращения: 06.05.2019).
2. Иноземцев В. Расколота цивилизация. М.: Academia-Наука, 1999. 703 с.
3. Кулик А.Н. E-democracy и электронная демократия: западная концепция в российском контексте // Проблемы становления гражданского общества в России. 2003. Вып. 4. С. 91–116.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2003. 557 с.
5. MIT OpenCourse Ware. URL: <http://ocw.mit.edu> (дата обращения: 05.05.2019).
6. Downes St. Design and Reusability of Learning Objects in an Academic Context: A New Economy of Education // USDLA Journal. 2003. №17 (1). P. 3–22.

OPEN CONTENT: TO THE QUESTION OF THE CONCEPT

O.Yu. Morozova

Tver State Technical University, Tver

This article raises the question connected with the open content, which become actual in the context of studying the problems of information society. The reasons for appearing the open content methodology of the information Society are also considered. Analyses the advantages of this methodology. Considering the open content using in modern world, forecasts are made connected with future of this methodology and suggests ways of its realizing in Russian Federation.

Keywords: *open content, Information society, information technology, unformation, content, knowledge, education, Internet.*

Об авторе:

Морозова Ольга Юрьевна – главный специалист отдела внедрения ЦРИТ ФКУ «Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний», аспирант ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: moroz-75@mail.ru. SPIN-код 1369-0735.

Morozova Olga Yuryevna – chief specialist of the department of implementation of Research institute of information technologies of Federal penitentiary service, PhD student of Tver State Technical University, Tver. E-mail: moroz-75@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ

УДК 159.9.075

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У СОТРУДНИКОВ МЧС

Ю.Ю. Чечурова

© Чечурова Ю.Ю., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Проанализированы результаты исследования особенностей процесса принятия решений в ситуации неопределенности сотрудниками МЧС. Выявлены личностные особенности сотрудников МЧС с разными уровнями факторов принятия решений – рациональность и готовность к риску. Определено, что сотрудники с высоким уровнем рациональности при принятии решений в стрессовых ситуациях характеризуются высоким самоконтролем и обращаются за социальной поддержкой. Сотрудники с низким уровнем готовности к риску редко обращаются за социальной поддержкой и демонстрируют эмоциональную устойчивость. На основе анализа полученных данных установлено, что в процессе принятия решений в трудных и неопределенных ситуациях предпочтение сотрудниками МЧС таких стратегий преодоления стресса, как ассертивные действия и поиск социальной поддержки, обладание такими личностными качествами, как самоконтроль и эмоциональная устойчивость, способствуют рациональности и готовности к риску.

Ключевые слова: процесс принятия решения, ситуация неопределенности, рациональность, готовность к риску, стресс-стратегии, профессиональная деятельность, сотрудники МЧС.

Профессиональная деятельность сотрудников МЧС предъявляет высокие запросы не только к их индивидуальным качествам, но и к уровню их физической и психической подготовки. Сотрудник МЧС, способный действовать максимально эффективно и уверенно в разнообразных критических ситуациях, является очень ценным работником не только как отдельная личность, но и как часть коллектива. Однако стрессогенность неопределенных ситуаций оказывает негативное влияние на психическое и физическое здоровье сотрудника МЧС. Именно эмоциональное напряжение в первую очередь проявляется в выполнении профессиональной деятельности, что выражается в посттравматических стрессовых расстройствах, снижении уровня личностного благополучия и уверенности в своих силах и профессионализме в целом.

Изучение психологических особенностей принятия решений в ситуациях неопределенности играет важную роль в профилактике здоровья сотрудника МЧС и его дальнейшей успешной профессиональной деятельности.

Сам процесс принятия решений в ситуации неопределенности – это особый процесс, характеризующийся тем, что человек не владеет полной информацией

как о ситуации, так и о последствиях принятых им решений. Поэтому для принятия решения необходимы поиск новой информации, вступление в социальный контакт с целью получения поддержки и помощи [2]. Как правило, деятельность сотрудников МЧС имеет высокий стрессогенный характер, связанный с экстремальностью ситуаций, что определяет необходимость видеть ситуацию целиком, находить возможные альтернативы решения проблемы. Поэтому основными показателями профессионализма являются не готовые паттерны поведения, а адаптация и когнитивные способности [3].

Для сотрудников МЧС в экстремальной неопределенной ситуации в большей мере важен не приобретенный опыт, а умение эффективно искать и находить необходимую информацию и поддержку, в связи с чем на первый план выходит создание правильной стратегии поведения. Деструктивные и агрессивные стратегии поведения в ситуации неопределенности могут причинить вред человеку и часто приводят к усилению негативности ситуации, если она имеется изначально. В свою очередь, продуктивные стратегии поведения в ситуации неопределенности помогают человеку создать новое поведение и преодолевать трудности [4]. Поэтому можно сделать вывод, что основными в разрешении ситуации неопределенности являются не личностные факторы, а когнитивные и поведенческие.

Весьма немаловажными факторами при принятии решений являются склонность человека к рациональному поведению и готовность к риску. Само рациональное поведение, как показали многие авторы, является весьма идеализированным, при котором человек принимает предельно эффективные решения, несущие максимальную для него выгоду и минимальный, а то и нулевой, вред для окружающих. Идеальное представление о рациональном поведении включает в себя то, что человек изначально владеет набором альтернатив, из которых и выбирает. Но рациональное поведение, как правило, не идеально, главное, чтобы человек мог адекватно оперировать имеющимися знаниями о ситуации и искал альтернативные решения. Так, при актуальном рациональном поведении человек не просто выбирает из готового, а ищет и оценивает разные факторы ситуации. Из этого стоит выделить такой фактор поведения, как готовность к риску [5]. Стоит отметить, что этот фактор в психологии – это не тот стиль поведения, в котором человек рискует ради получения удовольствия и адреналина, а личностное свойство, при котором человек точно знает, какие трудности и последствия ждут его при выборе рискованного решения. Отечественные исследователи связывают готовность к риску не с импульсивностью, а с особенностями актуализации деятельности человека, находящегося в ситуации неопределенности и имеющего возможность изменить уровень этой неопределенности посредством личностных и когнитивных усилий. Следовательно, готовность к риску скорее воспринимается как готовность субъекта к деятельности в ситуации неопределенности, а не личностная черта, отвечающая за получение удовольствия от риска [1]. Человек, готовый к риску, реально оценивает сложность ситуации, свои силы и пытается спрогнозировать внешние факторы, которые могут повлиять на него и ситуацию в

целом. Поэтому рациональное поведение и готовность к риску имеют между собой связь.

Вся профессиональная деятельность сотрудников МЧС проходит, как правило, в экстремальных условиях, под которыми понимаются объективные опасности, несущие существенный вред психическому здоровью. Для сотрудников МЧС данные условия не являются выборочными, у них нет возможности избежать или уклониться от них, а значит, специфика их деятельности направлена прежде всего на преодоление экстремальной ситуации в работе, в полученных уже условиях. Для успешной деятельности в данных условиях сотрудник МЧС должен обладать психологической готовностью к преодолению сложных условий деятельности и уметь принимать решения, находясь в ситуации риска и стресса [6]. Именно сложность, противоречивость и стрессогенность профессиональной деятельности сотрудников МЧС и определили актуальность данного исследования.

В исследовании приняли участие два коллектива пожарно-спасательных частей Противопожарной службы по Тверской области в количестве 46 человек.

Психодиагностический инструментарий включил в себя следующие методики: «Личностные факторы принятия решений ЛФР-25» (Т.В. Корнилова); «Шкала оценки трудности и неопределенности ситуации (ОТНС)»; «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций (SACS)»; «Пятифакторный личностный опросник МакКрае – Коста («Большая пятерка»)».

Эмпирическое исследование психологических особенностей принятия решений в ситуации неопределенности сотрудниками МЧС показало, что большинство респондентов при принятии решений в рамках выполнения своей профессиональной деятельности руководствуются рациональностью (67,9 %), они не идут на необдуманные поступки, стараются оценить ситуацию прежде, чем действовать. Отмечен также низкий уровень склонности к риску у 75 % респондентов, что означает предпочтение рассудительного подхода к принятию решений излишнему риску в своей профессиональной деятельности.

Анализ результатов шкалы трудностей и неопределенности ситуации выявил, что при исполнении служебной деятельности большинство сотрудников МЧС (71,4 %) при оценке степени угрозы показали средний уровень оценки ситуации как опасной для них, а 28,6 % респондентов – низкий уровень оценки ситуации как опасной. 92,9 % опрошиваемых показали средний уровень оценки ситуации (не грозит им серьезными потерями и осложнениями). Степень личностной сложности ситуации неопределенности 78,6 % сотрудников оценивают как умеренную, т. е. такую, где от них потребуются определенные затраты сил, но не превышающие их возможный предел. 64,3 % респондентов также оценивают ситуацию как поддающуюся контролю и имеют возможность меняться в лучшую сторону. В оценке сложности понимания и управления ситуацией мнения разделились поровну: одна часть исследуемых сотрудников считает, что ситуации неопределенности сложны для понимания и контролирования, а вторая уверена, что такие ситуации в целом поддаются пониманию и контролю. Анализ автономности ситуации неопределенности выявил, что 75 % сотрудников считают, что ситуация частично находится в их

власти и частично нет. 17,9 % исследуемых оценивают ситуации как неконтролируемые и развивающиеся стихийно. 7,1 % сотрудников уверены в том, что могут взять ситуацию, в которой имеется фактор неопределенности, под контроль. Большая часть сотрудников (75 %) считает, что ситуации неопределенности в целом повторяются нечасто. И, наконец, больше половины опрошенных (60,7 %) уверены, что их предыдущий опыт и знания мало помогают быстро оценить ситуацию и принять решение, чтобы взять под контроль для преодоления ситуации неопределенности.

Предпочитаемые поведенческие стратегии преодоления стрессовых ситуаций у исследуемых сотрудников МЧС чаще всего носят положительный характер. В ситуации неопределенности респонденты мало склонны к использованию асоциальных стратегий поведения (32,1 %), редко применяют пассивные стратегии поведения (осторожные действия (21,4 %) и избегание (17,9 %)), более склонны использовать активные и просоциальные стратегии поведения (42,9 %) в стрессовых ситуациях. При этом малая часть сотрудников проявляет тенденцию к применению негативных и пассивных стратегий поведения, если ситуация неопределенности слишком сильно не сходится с их предыдущим жизненным и профессиональным опытом.

Следует также отметить, что часть сотрудников склонна к использованию разнообразных методов поведения, в том числе импульсивных (25 %), непрямых манипулятивных (17,9 %) действий. Кроме того, был проведен расчет индекса конструктивности стратегий поведения в одном из коллективов и был получен результат, что индекс конструктивности поведения в данном коллективе очень высокий. Скорее всего, применяемые стратегии поведения в данном коллективе позволяют ему эффективно справляться с трудностями служебной деятельности.

Анализ результатов пятифакторного личностного опросника выявил, что среди сотрудников 39,3 % имеют высокий уровень интроверсии. По шкале «привязанность-обособленность» приблизительно равное количество сотрудников, привязанных к коллективу, так и не проявляют излишней привязанности, а скорее проявляют деловые или партнерские отношения. 7,1 % исследуемых проявляют обособленность от коллектива, что, возможно, сопряжено с их служебной деятельностью, мало связанной с постоянным взаимодействием с основным составом коллектива. В целом же в коллективе царит дружеская атмосфера, наличие которой помогает сотрудникам преодолевать трудности своей профессиональной деятельности. 35,7 % респондентов имеет большую степень самоконтроля и регулирования своего поведения, что говорит о высоком уровне ответственности со стороны данных сотрудников. 60,7 % имеют средний уровень эмоциональной устойчивости, 14,3 % респондентов показали высокий уровень эмоциональной устойчивости. Это свидетельствует о том, что трудовая деятельность по-разному влияет на сотрудников. Скорее всего, эта небольшая часть довольно тяжело воспринимает происходящие в ходе профессиональной деятельности события. Показатели экспрессивности в своем большинстве находятся на среднем (89,3 %) и низком (10,7 %) уровнях, что говорит о несклонности привлекать в себе внимание, т. е.

данные сотрудники не воспринимают свою деятельность как нечто особенное и заслуживающее излишнего внимания.

В целом исследуемые нами коллективы хорошо подобраны, в них царит деловая атмосфера, при выезде на ликвидацию последствий ЧС они действуют слаженно и грамотно, что говорит о высоком уровне личного профессионализма и опыта. Во время исследования сотрудники находились в хорошем настроении, шутили, общались, но при этом не отвлекались от выполнения тестирования.

Диагностика личностных особенностей сотрудников пожарных частей при различных уровнях факторов принятия решений (рациональности и готовности к риску) выявила, что сотрудники со средним уровнем **рациональности** характеризуются более низким уровнем поиска социальной поддержки и самоконтроля по сравнению с сотрудниками, чей уровень рациональности высокий. В то же время для них характерны более частое использование импульсивных и не прямых действий, а также избегания; более высоко оценивается степень угроз и сложность понимания возможных неопределенных ситуаций (рис. 1). Сотрудники с высоким уровнем рациональности при принятии решений отличаются высоким уровнем поиска социальной поддержки и самоконтроля.

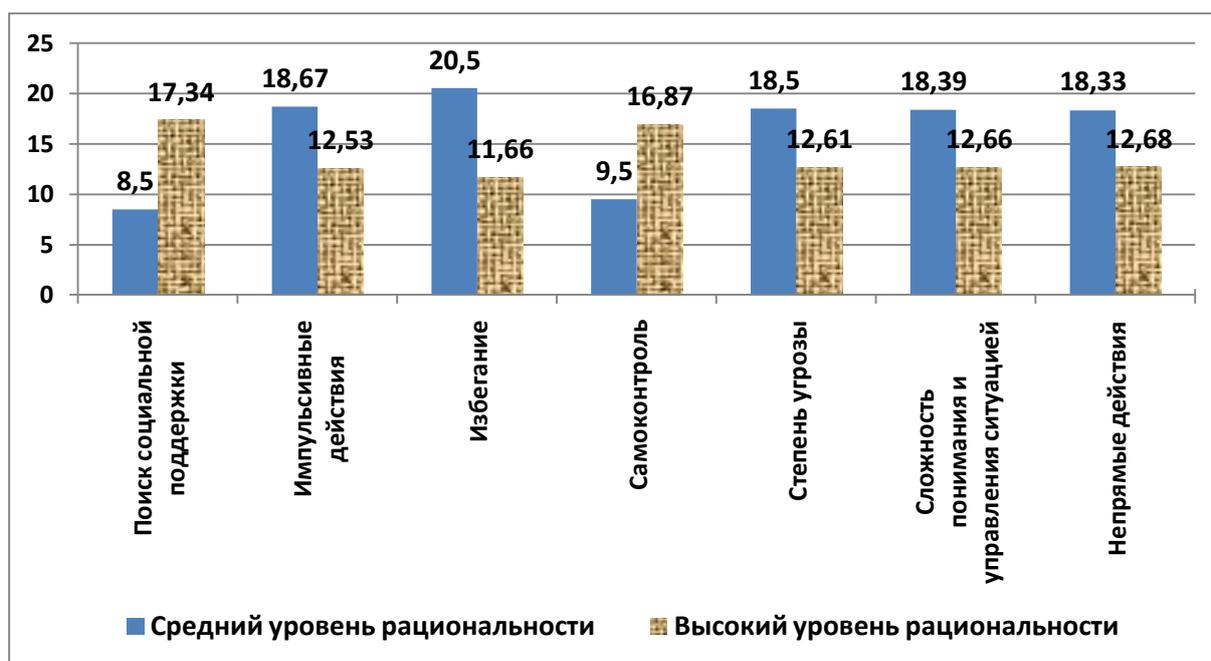

Рис. 1. Отличительные особенности сотрудников МЧС со средним и высоким уровнями рациональности

Сотрудники с низким уровнем **готовности к риску** при принятии решений в стрессовой ситуации редко обращаются за социальной поддержкой и характеризуются эмоциональной устойчивостью. При этом для них в большей степени характерен самоконтроль, что позволяет оценивать собственный опыт как достаточный для разрешения неопределенной ситуации (рис. 2).

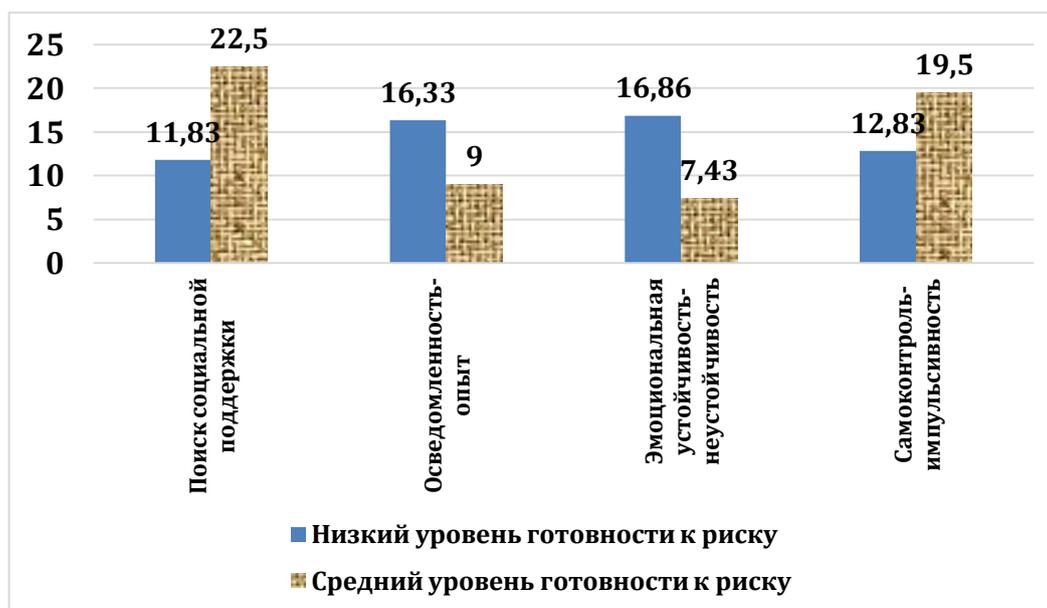

Рис. 2. Отличительные особенности сотрудников МЧС с низким и средним уровнями склонности к риску

В свою очередь, сотрудники со средним уровнем готовности к риску характеризуются высоким поиском социальной поддержки и склонностью к импульсивности; они менее эмоционально устойчивы и оценивают неопределенную ситуацию как не зависящую от их опыта и знаний о ней.

Анализ корреляционных взаимосвязей между личностными особенностями принятия решений в условиях неопределенности выявил, что рациональность как фактор принятия решения напрямую связана с поиском социальной поддержки, привязанностью к коллективу и самоконтролем. При этом высокий уровень рациональности имеет отрицательную связь с такими стратегиями поведения, как избегание и импульсивное поведение. Склонность к риску как фактор принятия решения имеет прямые взаимосвязи с поиском социальной поддержки и импульсивностью. Все просоциальные и активные стратегии поведения взаимосвязаны с рациональностью, самоконтролем и вступлением в социальный контакт, тогда как пассивные и негативные стратегии поведения больше связаны с импульсивностью, агрессией и асоциальными действиями.

Таким образом, можно говорить, что рациональному поведению при принятии решений в условиях неопределенности способствуют такие стресс-стратегии, как поиск социальной поддержки, отказ от импульсивных действий и избегания. Вместе с тем рациональности способствуют личностные качества (привязанность и самоконтроль). При этом склонность к риску как фактор принятия решения в ситуации неопределенности базируется на необходимости в социальной поддержке и зависит от такой личностной черты, как импульсивность. Это означает, что при импульсивном принятии решения необходима социальная поддержка. Если сотрудники уверены в высокой степени угрозы ситуации, то они склонны к осторожным и обдуманым действиям и испытывают при этом высокий уровень стресса.

Сотрудники, уверенные в сложности ситуации, характеризуются высоким уровнем эмоциональной устойчивости и не склонны принимать решения наобум.

При этом если респонденты уверены в том, что могут справиться с ситуацией, то, как правило, принимают импульсивные и необдуманные решения. В сложной ситуации неопределенности, которая считается хаотичной и не зависящей от действий, сотрудники с высокой эмоциональной устойчивостью скорее готовы избежать опасной ситуации, искать помощи у окружающих коллег, применить асоциальные и агрессивные действия, если не остается иного выбора при разрешении ситуации. При условии, если сотрудники уверены в повторяемости ситуации, ими не используются манипулятивные методы для ее разрешения, а применяются максимально простые и бесхитростные действия. Такие сотрудники отличаются высоким уровнем экстраверсии, эмоциональной устойчивостью и практичностью мышления. Интересен тот факт, что в ситуации неопределенности сотрудники, которые не уверены в достаточности своего опыта, не будут избегать решения ситуации, а применят доступные им отрицательные стратегии поведения. Для этого им требуются высокая эмоциональная устойчивость и обособленность от окружающих в ходе разрешения ситуации.

Таким образом, в процессе данного исследования удалось выявить факторы, являющиеся отличительными для процесса принятия решений в ситуации неопределенности у сотрудников МЧС России.

Полученные результаты позволят повысить эффективность работы силовых ведомств через профилактику стрессовых состояний и оптимизацию процесса принятия решений в ситуациях неопределенности в рамках деятельности психологических служб.

Библиографический список

1. Добряк С.Ю. Динамика психологической адаптации курсантов на первом и втором году обучения в военном вузе: автореф. дис. на соиск. ученой степ. канд. психол. наук. СПб., 2004. 25 с.
2. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 89–100.
3. Лебедев И.Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс-преодолевающего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля: дис. на соиск. ученой степ. доктора психол. наук. М., 2002. 432 с.
4. Лебедев И.Б., Чуманов Ю.В. Процесс принятия решения сотрудником уголовного розыска в ситуациях неопределенности ориентиров поиска и его психологические особенности // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 279–283.
5. Солнцева Г.Н., Смолян Г.Л. Принятие решений в ситуации неопределенности и риска (психологический аспект) // Проблемы управления риском и безопасностью. 2009. Т. 41. С. 266–280.
6. Титаренко М.С., Шклярук С.П. Влияние экстремальных ситуаций в профессиональной деятельности сотрудников ГПС МЧС России на возникновение морбидных рисков // Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. 2010. № 3. С. 84–87.

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF THE DECISION-MAKING PROCESS IN THE SITUATION OF UNCERTAINTY AT EMERCOM EMPLOYEES

Yu.Yu. Chechurova

Tver State Technical University, Tver

The article analyzes the results of a study of the features of the decision-making process in a situation of uncertainty by the EMERCOM employees. Identified personal characteristics of EMERCOM employees with different levels of decision-making factors rationality and willingness to take risks. It was determined that employees with a high level of rationality when making decisions in stressful situations are characterized by high self-control and seek social support. Employees with low level willingness to take risks preparedness rarely seek social support and demonstrate emotional resilience. Based on the analysis of the data obtained, it was found that in the decision-making process in difficult and uncertain situations, EMERCOM employees preference for such stress management strategies as assertive actions, the search for social support and qualities such as self-control and emotional stability that contribute to rationality and willingness to take risks.

Keywords: *decision making process, uncertainty situation, rationality, willingness to take risks, stress strategies, professional activities of EMERCOM employees.*

Об авторе:

Чечурова Юлия Юрьевна – кандидат психологических наук доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: y.chechurova@gmail.com

Chechurova Yuliya Yurevna – PhD, associate professor of psychology and philosophy of Tver State Technical University, Tver. E-mail: y.chechurova@gmail.com

УДК [159.9: 37.015.3]:81

ОШИБКИ МОТИВИРОВАНИЯ: ИЗ ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.В. Сизова

© Сизова В.В., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Автор на основе эмпирического исследования мотивации иноязычной речевой деятельности студентов и опыта работы коллектива кафедры иностранных языков ТвГТУ проанализировал ошибки в мотивировании к учению. Приведены несколько рекомендаций по снятию тревожности у студентов.

Ключевые слова: *мотивирование к учению, ошибки в мотивировании, лингвистическая тревожность, снятие тревожности, практические рекомендации.*

Тема влияния на мотивацию в решении задач образования, развития и формирования знаний, умений и навыков постоянно находится в центре внимания психолого-педагогического сообщества. При неправильном мотивировании проявляются такие аффективные реакции, как уныние и инертность, отказ от деятельности или агрессивное самоутверждение, которые, безусловно, не являются конечными целями обучения и не содействуют развитию личности, способной в дальнейшем к самосовершенствованию.

Среди множества преград к развитию и подкреплению мотивации иноязычной речи стоят страх и тревожность на занятиях. Подчас преподаватели сеют страх и беспокойство, устрашая последствиями и нависшей угрозой наказания за неисполнение. Как известно, чем ярче и сильнее нечто произвело на нас впечатление, тем скорее информация не просто запомнится, но зафиксирована в памяти в связи с тем, что нас окружало. Так, страх и тревожность обучаемого в учебном процессе могут быть ответной реакцией на условный стимул, которым стал преподаватель, заставивший его испытать подобный эмоциональный дискомфорт. Многократно повторяющиеся состояния, переживаемые как неприятные, нарушающие обычную деятельность, могут вызвать цепочку ассоциаций: неприязненное отношение к преподавателю – неприязненность к освоению дисциплины в целом. В организации учебного процесса необходимо создание условий, снижающих действие данного фактора.

Страх как эмоциональный результат устрашения и ущемления самооценки производит определенный краткосрочный эффект, заставляя студента выполнять действия, но в долгосрочной перспективе результат будет отрицательным. В конечном итоге такая учебная деятельность приобретает негативный характер: отсутствие позитива и ожидание неприятной ситуации, умноженные на ощущение беспомощности, порождают нежелание деятельности, т. е. снижение мотивации. Пережив опыт подобных ситуаций, некоторые студенты испытывают чувство тревожности и страха даже при дружелюбном, не представляющем угрозы поведении преподавателя. Тревожные студенты изначально упускают значительную часть учебного материала, потому что они сконцентрированы на своих личных эмоциях и волнениях. Такие обучаемые выполняют задания либо очень быстро, делая много нелепых ошибок, либо так медленно, что не успевают завершить начатую работу. В процессе опросов такие студенты тратят больше времени на выполнение заданий и совершают больше ошибок, чем их одноклассники.

Как показывает практика, лингвистическая тревожность проявляется в следующем:

1. Трансформируется моторная реализация речи, значительно увеличивается количество пауз, меняется скорость реагирования.

2. Появляются опущения слов или части слова, видоизменяется структура речи (предложения многократно не завершаются как в логическом поле, так и в синтаксическом).

3. С точки зрения семантики речь отличается большей прямолинейностью в оценках. Лексические единицы имеют резко позитивную или негативную коннотацию, т. е. в словарных формах суждений преобладает полярность. Снижается лексическое многообразие, т. е. в сравнении с речью обучаемого в обычном состоянии активный словарь эмоционально-напряженной речи в большей степени стереотипен по составу.

4. Изменения в синтаксической структуре речи сближают ее с «телеграфным стилем», а в сочетании с семантическими повторами – препятствуют ее пониманию.

В данной статье автор на основе ранее проведенного эмпирического исследования мотивации иноязычной речевой деятельности студентов [см. библиографический список] и опыта работы коллектива кафедры иностранных языков ТвГТУ анализирует ошибки в мотивировании к учению и приводит несколько рекомендаций по снятию тревожности у студентов, в том числе лингвистической.

Значимым условием развития мотивации иноязычной речевой деятельности является эмоциональная регуляция речевого поведения. Динамика модальности эмоций в положительную сторону способствует созданию условий для ограничения воздействия фактора тревожности на иноязычную речь. Не следует использовать угрозы для мотивирования (в долгосрочной перспективе это бесполезно). Позитивная атмосфера во время занятий – наилучший помощник в подкреплении мотивации.

Учебное сотрудничество усиливает рефлекссию, активизирует и развивает речь и мышление, а также инициативу студентов. Не следует огорчать слабых студентов от пугающих их действий, вовлекайте их в деятельность.

Не стоит делать сюрпризы из возможных пугающих ситуаций в обучении. Следует заранее рассказать о них, разбить их на составляющие.

Необходимо помнить, что студенты приходят в вуз с разным опытом развития мотивов достижения и уровнем познавательного интереса; следует предложить обучаемым самим выбрать для себя уровень сложности заданий.

Постоянное наблюдение внутригрупповых отношений должно иметь место. Нужно проверять, какая психологическая атмосфера складывается в группе, что проявляется в вербальном и невербальном общении субъектов (раздраженность и напряжение или удовлетворенность и интерес), появление формальных и неформальных групп. Никто из студентов не должен находиться под давлением или подвергаться насмешкам и ущемлению самооценки, каждый должен иметь шанс на успех.

Не следует заставлять тревожных студентов выступать перед всей аудиторией. Лучше задать таким обучаемым короткие общие вопросы или предоставить возможность попрактиковаться перед небольшими группами.

Не нужно ограничиваться одним текстовым учебным материалом. Следует активизировать студентов к участию в учебных блогах, сетевых конкурсах, дистанционных олимпиадах и проектах, обеспечить высокую степень дифференциации обучения иностранному языку, чему также помогает использование информационных коммуникационных технологий.

Не следует спешить начать опрос или тестирование, сначала убедитесь, что все указания и критерии оценивания понятны. Необходимо избегать бесполезного лимитирования времени.

Нужно поощрять даже малые достижения, проявления инициативы и старания.

Ошибочно считать, что любое подкрепление мотивирует. Иногда то, что мы находим позитивным подкреплением, воспринимается обучаемым как неприятное воздействие или наоборот. Высказывание типа «почему ты раньше не готовился к уроку так, как сделал это теперь?» неэффективно, поскольку содержит в себе элемент упрека и напоминает субъекту о его прежних неудачах. Такое «признание» скорее окажет негативное влияние на мотивацию деятельности (особенно, когда произносится с иронией).

Применяя различные способы воздействия при подавлении отрицательного поведения, следует помнить, что эффект будет существенным, если преобладают позитивные подкрепления, но нельзя забывать о том, что чрезмерное внешнее подкрепление не нацеливает на успех, а формирует надежду на получение чего-то взамен.

Особый вред наносят сравнение низких успехов субъекта с более высокими результатами других студентов, отношение к неуспевающему студенту как к аутсайдеру. Даже если преподаватель и не декларирует такое отношение, то оно может проявляться в процессе общения со студентом, в самом его стиле, в каких-либо невербальных проявлениях (мимике, жестах, интонации и др.). В конечном счете студент выключается из познавательного процесса и становится неспособным обсуждать любой предложенный вопрос.

Использование процедур самооценки способствует развитию студента как субъекта учебного процесса. Эти процедуры не связаны со стрессом, нервным напряжением, но с большим уровнем свободы и меньшей степенью принуждения. На основе констатирующей части самооценки развиваются самостоятельные проектировочные умения студента. Самооценка и самоконтроль студентов обеспечиваются консультационно-координирующим характером деятельности преподавателя.

Технологии развития мотивации учения базируются на развитии мотивов достижения обучаемых. Эти технологии включают как создание особой учебной программы, согласованной с интересами студентов (поскольку любознательность – это важный аспект, который стимулирует мотивацию), с большим количеством фиксируемых градаций по сложности задач, времени усвоения и тому подобному, так и психологические условия и способы взаимодействия преподавателя и обучаемого.

Библиографический список

Сизова В.В., Торочешникова Л.Т. Из опыта снятия лингвистической (иноязычной) тревожности студентов ТвГТУ при изучении раздела «Иностранный язык для специальных целей» // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2016. № 2. С. 78–82.

SECOND LANGUAGE TEACHING: EXPERIENCE-BASED MOTIVATION ERRORS

V.V. Sizova

Tver State Technical University, Tver

Based on the empirical study of students' motivation to the second language speech activity and on the teaching experience of the TvSTU Second Languages Subdepartment staff, the author analyzes errors in learning motivation and gives several recommendations to alleviate students' anxiety, including linguistic anxiety.

Keywords: *motivation for learning, motivation errors, linguistic anxiety, anxiety alleviating, practical recommendations.*

Об авторе:

Сизова Виктория Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО Тверской государственной технической университет, г. Тверь, SPIN-код: 3455-82-42. E-mail: vicas2005@yandex.ru

Sizova Victoria Valentinovna – candidate of psychological sciences, associate professor, head of Second languages subdepartment of Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 3455-82-42. E-mail: vicas2005@yandex.ru

УДК 159: 101.1:316

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Д.А. Клинкова

© Клинкова Д.А., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Анализируются коммуникативные потребности и возможности современного человека, пребывающего в условиях новой информационно-коммуникативной реальности. Делается вывод о том, что, с одной стороны, информационно-коммуникативная реальность предоставляет человеку разнообразные возможности для успешной коммуникации, с другой – в условиях ускоряющегося развития информационно-коммуникативных технологий человеку становится труднее ориентироваться и адаптироваться в новой информационной среде.

Ключевые слова: *информационно-коммуникативная реальность, коммуникативные потребности, информационные технологии, коммуникативные практики, информационная перегрузка, средства массовой информации.*

Развитие стремительными темпами процессов медиатизации, изменение условий коммуникации, возрастающая роль новых электронных медиа, активно развивающиеся информационные технологии становятся непрерывными

спутниками социально-культурной среды обитания человека. Э. Тоффлер отмечал, что «людям, которые должны жить в супериндустриальном обществе, понадобятся новые умения и навыки в трех ключевых сферах: умении учиться, умении общаться и умении выбирать» [6, с. 449].

Потребность современного человека учиться, получать информацию базируется на общей теории потребностей личности. Проходя этапы социализации, индивид усваивает определенный социально-культурный опыт, нормы, навыки, традиции, передающиеся из поколения в поколение. Информационная потребность в современном обществе становится для человека жизненно важной, поскольку растущие информационные технологии, непрерывно внедряющиеся в социальную жизнь, побуждают к приобретению все новых и новых знаний. Оказавшись во власти интенсивности информационного потока, селективность в потреблении информации становится для человека ключевым качеством в формировании его личности. Н. Винер, один из создателей классической теории информации, утверждал: «Действенно жить – это значит жить, располагая правильной информацией» [2, с. 14].

Несмотря на то, что сегодня существует доступ к различным информационным источникам и ресурсам, происходит подмена знания запросом в поисковой строке. Такая тенденция получила название «гуглизация сознания». Создается ложное впечатление, что любую информацию можно найти в Интернете, а привычные процессы получения знаний компенсируются наличием Интернета и мобильных устройств.

Под влиянием новых информационных технологий формируются и новые информационные потребности в различных сферах деятельности. Для человека в этой связи важен вопрос приспособления, адаптации к быстро меняющимся сложным информационным системам. Так, например, в экономической сфере с развитием интернет-торговли, интернет-банкинга и прочего человек испытывает трудности адаптации, поскольку приходится постоянно повышать уровень осведомленности при использовании новых информационных технологий.

Коммуникативные практики посредством современных медиа все больше входят в повседневную жизнь человека.

Человек, согласно Е.И. Наумовой, «становится частью медийного пейзажа, на него постоянно оказывают давление ускоряющиеся потоки информации, образов, проекций, которые он вынужден воспринимать, интерпретировать, передавать другим» [5, с. 251].

Индивиду становится труднее ориентироваться в существенном и несущественном, возникает информационная перегруженность. Термин «информационная перегрузка», созданный в 1964 году Б. Гроссом, получил распространение благодаря труду Э. Тоффлера «Футурошок» [6].

Т.Х. Эриксен отмечает, что с распространением информации, циркулирующей с огромной скоростью, становится сложнее сосредоточить внимание на каком-то повествовании, проследить его последовательность. Фрагментарность информации заполняет все пространство [7, с. 144]. Такое положение вещей Т.Х. Эриксен характеризует как «тиранию момента».

Исходя из утверждений П. Лазарсфельда и Р. Мертона, «все большая часть времени отводится чтению и прослушиванию и, соответственно, меньшая часть может быть уделена организованному социальному действию» [4]. Таким образом, перегруженный информацией человек все меньше времени уделяет реальному действию, а пропускная способность человеческого восприятия заметно снижается. Социальная активность, смещенная в виртуальное пространство, провоцирует социальную потребность в информации. В свою очередь, в условиях высокого темпа жизни человек вынужден постоянно отслеживать быстро меняющуюся информацию, что может привести к формированию определенных зависимостей.

Социолог Н. Постман, один из отцов-основателей медиаэкологии, утверждал, что в результате информационной перегрузки в картине мира человека происходит размывание таких понятий, как «ложь» и «истина», вследствие чего человек становится ни в чем не уверен. «Информационная иммунная система» становится неработоспособной [9].

Ю. Хабермас, рассуждая о влиянии массовой информации на формирование общественного мнения, остроумно заметил, что «искусство светской беседы превратилось в критику, а острословие – в аргументы» [8, с. 221]. Ж. Бодрийяр замечает, что «информации становится все больше, а смысла все меньше» [1, с. 109].

Современные масс-медиа используют различные инструменты для привлечения внимания аудитории: от эффекта драматизации, свойственной «инфотейнменту», до приемов «сторителлинга». Например, одним из распространенных средств привлечения аудитории к медиатексту является кликбейт (click – щелчок мыши или переход по гиперссылке; bait – «наживка»), который представляет из себя специфический заголовок с провоцирующим контентом. С помощью таких заголовков происходит стирание грани между вымышленными и реальными событиями. В сознание потребителя попадает неотфильтрованная информация, создающая информационный шум. Таким образом, достоверность информации, которая транслируется СМИ, входит в зону прежде всего нравственной ответственности личности. Умение избирательно относиться к информации становится наиболее актуальным навыком в современной медийной среде.

Д. Дин, автор теории «коммуникативного капитализма», отмечает, что для интернет-СМИ важнейшими показателями являются распространение медийного продукта и реакция аудитории (аудитория ставит «лайк», оставляет комментарий, репост, что сигнализирует: такая информация более ценна); «ценность сообщения заменена ценностью обмена сообщением» [3]. Соссюрский «план содержания» вытесняется «планом выражения». Таким образом, внимание, которое оказывает пользователь, откликнувшись на сообщение, становится тем ресурсом, за который борются производители медиапродукции. Информационное измерение коммуникативного акта наращивает коммуникативный капитал заинтересованных акторов.

Из вышесказанного очевидно, что количественные показатели активности аудитории становятся важным инструментом маркетинга.

Став неотъемлемой частью виртуальной реальности, человек создает свою виртуальную личность в социальных сетях. Социальные сети, в свою очередь, диктуют новые стандарты коммуникативного общения. Успех или коммуникативная неудача измеряются лайками, репостами, комментариями.

Сегодня доступность распространения контента влечет за собой возможность из потребителя информации стать ее создателем. Человек способен сам формировать различные коммуникации посредством различных медиаформатов, создавать для себя определенную реальность, поскольку традиционное представление о месте и времени получения информации заменилось потоком информации, доступной в любое время. Например, привычное, традиционное ожидание определенной передачи, спортивных мероприятий, концерта и тому подобного, которые ранее были упорядочены во времени, т. е. передавались в определенный час, сегодня могут быть просмотрены в записи.

Таким образом, плотность информационного взаимодействия напрямую влияет на ориентиры восприятия человеком картины мира. Для преодоления трудностей адаптации к современным условиям человеку необходимы «новые умения и навыки в трех ключевых сферах: умении учиться, умении общаться и умении выбирать» [7], которые в современном информационно-коммуникативном пространстве становятся необходимым условием не только социализации личности, но и насущной потребностью.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ, 2016. 240 с.
2. Винер Н. Человек управляющий. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
3. Дин Д. Коммуникативный Капитализм: от несогласия к разделению // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. № 2 (3). URL: <https://cmd-journal.hse.ru/article/view/7205> (дата обращения: 10.06.2019).
4. Лазрфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие / пер. с англ. М.М. Макарова. М.: Аспект-пресс, 2000. С. 12–23.
5. Наумова Е.И. Культурологическая рефлексия капитализма: концептуальные константы и дискурсивные практики: дис. на соиск. ученой степ. доктора филол. наук. СПб., 2016. С. 251.
6. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
7. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху Информации. М.: Весь мир, 2003. 208 с.
8. Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a/M, 1990 (1962). S. 7–14. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-94-6209-269-3_2 (дата обращения: 10.06.2019).
9. Postman N. Informing ourselves to death (speech at the meeting of German Informatics Society. URL: http://www.paulos.net/teaching/hcc/papers/informing_ourselves_to_death--postman.txt (дата обращения: 11.06.2019).

COMMUNICATIVE NEEDS AND POSSIBILITIES OF A PERSON IN THE SPACE OF INFORMATION AND COMMUNICATIVE REALITY

D.A. Klinkova

Tver State Technical University, Tver

The article analyzes the communicative needs and capabilities of a modern person who is in the conditions of a new informational and communicative reality. It is concluded that, on the one hand, information and communicative reality provides a person with various opportunities for successful communication, on the other hand, in the conditions of accelerated development of information and communication technologies, it becomes more difficult for a person to navigate and adapt in the new information environment.

Keywords: *information and communication reality, communication needs, information technology, communication practices, information overload, the media.*

Об авторе:

Клинкова Диана Анатольевна – кандидат философских наук доцент кафедры медиатехнологий и социальных коммуникаций ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, SPIN-код: 3013-5650. E-mail: diana_klinkova@mail.ru

Klinkova Diana Anatolyevna – PhD, associate professor of department of mediatechnologies and social communication of Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 3013-5650. E-mail: diana_klinkova@mail.ru

УДК 316.62:159.9

МОНИТОРИНГ ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ РФ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

О.Ю. Верпатова, В.Ф. Мартюшов, Ю.В. Веселова

© Верпатова О.Ю., Мартюшов В.Ф., Веселова Ю.В., 2019
ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Одной из главных сложностей развития международной образовательной миграции в современных российских вузах является проблема адаптации иностранных студентов. В статье на примере результатов прикладного социологического исследования анализируются базовые проблемы социальной адаптации, с которыми сталкиваются иностранные студенты, обучающиеся в российских вузах. Многие из представленных проблем связаны с несовершенством механизмов работы с прибывшими студентами.

Ключевые слова: *социальная адаптация, иностранные студенты, образовательная миграция.*

В последние годы в связи с развитием международного сотрудничества в области образования, интеграцией отечественной высшей школы в мировое образовательное пространство, ростом академической мобильности все более актуализируется проблема адаптации иностранных студентов в российских вузах. Вместе с тем, несмотря на определенные достигнутые успехи, приходится констатировать, что концептуальные основы социальной адаптации иностранных студентов в российских вузах находятся пока в слабо развитом состоянии: плохо упорядочены в теоретическом отношении, не представляют собой единой концептуальной структуры, состоят из блоков, опирающихся на различные научные дисциплины и, зачастую, не дающих сколь-либо определенных способов перехода от теоретического уровня к эмпирическому. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает А.И. Сурыгин: «... В этой области (исследования различных аспектов межкультурного взаимодействия и социально-психологической адаптации при обучении иностранных учащихся – В.М.) ощущается отсутствие монографии, основная масса результатов разобщена и требует обобщения» [1, с. 20].

Выделяют два основных подхода к определению завершенности процесса адаптации. Один из них получил название бихевиористского, когда в центре внимания оказываются поведенческие характеристики субъекта адаптации – его «встроенность» в новую социальную среду, степень освоения новых поведенческих стандартов. Иначе говоря, акцент делается на «внешних» поведенческих реакциях. Полная адаптация (или адаптированность) означает наличие надежного набора решений для различных проблем в тех или иных конкретных ситуациях [2, с. 137].

В основе другого подхода к определению завершенности адаптации лежат характеристики внутреннего состояния субъекта адаптации – его «социальное самочувствие» [2, с. 138].

Каждый из перечисленных подходов хотя и результативен, но односторонен. Так, например, ограниченность бихевиористского подхода заключается в игнорировании внутреннего состояния субъекта адаптации. А между тем включенность субъекта на поведенческом уровне в новые структуры далеко не всегда означает установления равновесных гармоничных отношений со средой на уровне сознания. То же самое, но с точностью до наоборот, можно сказать и о втором подходе.

Поэтому наиболее адекватные результаты социальной адаптации могут быть получены на основе синтеза этих подходов, соединения объективных и субъективных критериев адаптации. Объективные критерии фиксируют меру успешности выполнения иностранными учащимися определенных функций (видов деятельности) по основным направлениям адаптации. Показателями этих критериев являются объективные характеристики иностранных учащихся (результаты учебы, овладение языком и пр.). Субъективные критерии характеризуют оценочные отношения самих иностранных учащихся и их показателями являются степень удовлетворенности иностранными гражданами формами, содержанием и условиями учебного процесса, социокультурными, бытовыми условиями, условиями межличностного взаимодействия.

Для более адекватного понимания адаптационных проблем, с которыми приходится сталкиваться иностранным студентам в российских вузах, а значит, и более эффективного управления адаптационными процессами требуется регулярный мониторинг факторов социальной адаптации иностранцев.

Осенью 2018 года студентами Тверского государственного технического университета (ТвГТУ) под научным руководством старшего преподавателя кафедры социологии и социальных технологий ТвГТУ О.Ю. Верпатовой было проведено прикладное социологическое исследование методом глубинного полуструктурированного интервью. В исследовании приняли участие иностранные студенты, обучающиеся в различных вузах Москвы. Все ответы были расшифрованы, обобщены и проанализированы. На основании проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Возрастной состав участников от 25 до 35 лет, все проживают в Москве уже более 3 лет, получают высшее образование в различных областях, прибыли на обучение из Мексики, Китая, Испании, Колумбии. Большинство абитуриентов на момент получения образования закончили национальные эквиваленты одиннадцатилетней российской общеобразовательной школы.

Большинство студентов выбрали Россию и столичные вузы для получения (или продолжения) своего профессионального образования исходя из оценок качества данных учебных заведений и из интереса к русской культуре. Однако большинство респондентов не искали дополнительной информации об особенностях пребывания и жизни в России, кроме информации о правилах поступления и образовательных программах. В результате именно студенты, не ориентировавшиеся в реалиях современного российского общества, признались, что, приехав с позитивным настроем, они, увлеченные русской классической культурой (музыкой, литературой), были разочарованы. Напротив, абитуриенты, заранее собравшие фактическую информацию о новом месте пребывания, подготовившиеся не только к образовательному процессу, но и к решению повседневных бытовых задач, отметили, что их позитивный настрой не изменился, а главной сложностью стал эмоциональный компонент. Многие отметили, что в России на удивление мрачные и грустные люди, к чему им было сложно привыкнуть и не воспринимать негатив на свой счет.

Еще одной проблемой, с которой столкнулись иностранные студенты в процессе адаптации к обучению в российских вузах, оказался этап языковой подготовки. Подавляющее большинство респондентов отметили, что начальный (довузовский) этап обучения оказался для них малоэффективен. Даже после его окончания студенты испытывали серьезные проблемы в общении с русскоязычным населением, а ведь, согласно образовательному стандарту довузовской подготовки иностранных граждан, утвержденному Приказом Министерства общего и профессионального образования РФ № 866 от 08.05.1997, основными задачами этого этапа подготовки определяются:

овладение русским языком в объеме, обеспечивающем возможность осуществлять учебную деятельность на русском языке и необходимом для общения в учебно-профессиональной и социально-культурной сфере;

усвоение системой предметных знаний, необходимых для продолжения образования в российском вузе;

психологическая готовность к учебной деятельности в условиях новой для иностранных студентов социокультурной среды [1, с. 63–64].

В качестве ключевой проблемы неэффективности начальной довузовской подготовки опрошенные выделили отрыв образовательных программ (особенно в лингвистической части) от повседневных современных реалий. Как отметили студенты, предлагаемый им учебно-методический материал часто был устаревшим, было мало практики, а теория плохо осваивается, многие упражнения и правила просто уже не работают, так как в обычной жизни люди, которые их окружают, не говорят так. В результате иностранные учащиеся попадают в сложные, неудобные ситуации и чувствуют себя неуютно. Часто они не могут правильно понять обычные бытовые вопросы, поскольку в образовательной программе они были не рассмотрены или разбирались на старых, неактуальных примерах.

Многие отметили, что сталкиваются с языковыми барьерами при решении бытовых вопросов: при общении с полицией (распространенная практика московских сотрудников правоохранительных органов проверки документов у иностранцев), при покупках в магазинах, при посещении врачей и просьбах описать свои симптомы, в кафе при попытке сделать заказ и расплатиться. В результате многие предпочитают не пользоваться русским языком в быту, а переходить на английский, многие говорят на испанском, стараясь ограничить свой круг общения другими иностранными студентами (несмотря на то, что многие утвердительно ответили на вопрос о наличии друзей среди русскоязычных студентов).

Возможно, именно по причине наличия языкового барьера многие хотели бы участвовать в общественной жизни и внеучебных мероприятиях, но не принимают в них участия. Многие респонденты отметили, что хотели бы равно отношения к себе в работе над внеучебными проектами, возможности для участия в них. Некоторые указали, что существует некоторое противопоставление российских студентов и студентов-иностранцев (иногда это находит отражение в возможностях внеучебной активности). Например, посещение культурных мероприятий, концертов и постановок, возможности для которых предоставляются российским студентам, но не предлагаются иностранным.

Еще одним аспектом, с которым столкнулись иностранные студенты при адаптации к учебе в российских вузах, стало отсутствие консультационной, социальной и психологической помощи. Студенты отметили, что за все время пребывания получили от образовательного учреждения только минимальную помощь в подготовке документов (иногда эта помощь сводилась только к предоставлению весьма незначительной информации). В результате, оказавшись в новой стране, учащиеся столкнулись с рядом проблем, но помощи и поддержки в их решении попросить было не у кого. Респонденты высказали позицию, что помощь психолога иногда желанна и необходима, особенно в тех случаях, когда теряется мотивация к учебе и возникают проблемы во взаимоотношениях с окружающими. Кроме того, многие отметили, что российские информационные

ресурсы для иностранцев или устарели (информация давно не менялась, уже неактуальна, отсутствует или не соответствует действительности), или по некоторым вопросам не существуют вовсе. Информацию найти сложно, она не структурирована, не логична, устарела. Многие видят в этом серьезную проблему: даже при самостоятельных попытках что-то предпринять для решения своих жизненных проблем иностранные студенты сталкиваются с информационным вакуумом.

Таким образом, респонденты в ходе исследования выделили ряд существенных, с их точки зрения, проблем, которые помешали им в первые годы учебы быстрее влиться в студенческий коллектив и успешнее учиться: недостаток информации и отсутствие надежных источников ее получения; минимальная помощь со стороны официальных служб вуза; устаревшие и неэффективные программы начальной довузовской подготовки, не дающие возможности в дальнейшем пользоваться полученными знаниями и успешно осваивать образовательные программы этапа профессиональной подготовки в российском высшем учебном учреждении.

Иностранные учащиеся, приезжающие на учебу в Россию (особенно на начальном (дovuзовском) этапе обучения), испытывают состояние культурного шока от невозможности понять других людей и выразить собственные потребности и мысли. Как показывают исследования, состояние культурного шока находит свое выражение в таких симптомах, как общая тревожность, раздражительность, недостаток уверенности в себе, бессонница, чувство изнеможения, депрессия. Ощущения потери контроля над ситуацией, собственной некомпетентности и неисполнения ожиданий нередко выражаются в приступах гнева, агрессивности и враждебности к представителям страны пребывания, что, конечно, не способствует нормальным межличностным отношениям [4, с. 282]. Все это вызывает нередко у иностранных учащихся желание бросить учебу и уехать обратно к себе на родину. Соответственно, можно говорить о недостижении целей мероприятий по адаптации, поскольку как по объективным, так и по субъективным показателям такой исход образовательной миграции не является положительной стратегией поведения. Следует отметить, что решение данной проблемы должно проводиться в рамках комплексного, междисциплинарного подхода.

Библиографический список

1. Сурыгин А.И. Дидактический аспект обучения иностранных учащихся (основы теории обучения на неродном для учащихся языке). СПб.: Нестор, 1999. 391 с.
2. Корель Л.В. Социология адаптаций: этюды апологии. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997. 160 с.
3. Мартюшов В.Ф., Абу-Абед Ф.Н., Верпатова О.Ю. Социальная адаптация иностранных студентов в России: механизм и управление: монография / под ред. Е.Е. Михайловой. Тверь: ТвГТУ, 2018. 160 с.
4. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, 1999. 320 с.

**MONITORING FACTORS OF SOCIAL ADAPTATION
OF FOREIGN STUDENTS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS
OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A CONDITION
OF INCREASING THE EFFECTIVENESS
OF THEIR PROFESSIONAL TRAINING**

O.Yu. Verpatova, V.F. Martyushov, Yu.V. Veselova

Tver State Technical University, Tver

One of the main difficulties in the development of international educational migration to modern Russian Universities is the problem of adaptation of foreign students. The article analyzes the basic problems of social adaptation faced by foreign students studying in Russian Universities on the example of the results of applied sociological research. Many of the presented problems are connected with the imperfection of the mechanisms of work with the arrived students.

Keywords: social adaptation, foreign students, educational migration.

Об авторах:

Верпатова Оксана Юрьевна – кандидат философских наук доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Мартюшов Владимир Филиппович – кандидат философских наук доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: vmartushov@mail.ru

Веселова Юлия Валерьевна – студентка кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: veselova-yu@bk.ru

Verpatova Oksana Yuryevna – PhD of philosophy, associate professor of department of sociology and social technologies of State educational establishment of higher education of Tver State Technical University, Tver. E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Martyushov Vladimir Filippovich – PhD of philosophy, associate professor of department of psychology and philosophy of State educational establishment of Higher education of Tver State Technical University, Tver. E-mail: vmartushov@mail.ru

Veselova Julia Valerievna – student of department of sociology and social technologies of State educational establishment of Higher education of Tver State Technical University, Tver. E-mail: veselova-yu@bk.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.А. Артемьев*, П.А. Кохно**

© Артемьев А.А., Кохно П.А., 2019

* ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

** ФГУП «ВНИИ «ЦЕНТР»», г. Москва

В статье исследованы инфраструктурные проекты экономического развития России и Китая с учетом опыта США и Евросоюза, основной целью формирования которых является стремление привлечь иностранный капитал, овладеть опытом других стран в управлении, перенять новейшие технологии и разработки, а также подготовить национальные кадры. Инновационное развитие промышленных предприятий России, в первую очередь предприятий оборонно-промышленного комплекса, рассмотрено в рамках 34 технологических платформ: особых экономических зон, технопарков, бизнес-инкубаторов и других. Одним из основополагающих условий реализации инновационных программ в промышленном производстве России является качество интеллектуального капитала, формирующего возможность решения инновационно-промышленных задач любой сложности по любому отраслевому направлению. Рассмотрены свободные экономические зоны Китая. При этом проанализированы возможности международных инвестиционных площадок в европейско-азиатском пространстве. Китайская инвестиционная платформа особенно представляет интерес для российских проектов, нуждающихся в инвестициях.

Ключевые слова: технологические платформы, свободные экономические зоны, интеллектуальный капитал, промышленные предприятия, инвестиционные площадки.

Исследования мирового и национального опыта показывают, что переход экономики на путь инновационного развития сопряжен с трудностями как экономического, так и социального характера. Переход на новые технологические уклады (V и VI) с одновременным формированием рыночных отношений, модернизацией экономической и социальной систем – процесс чрезвычайно сложный как на микро-, так и на макроуровне. Руководство РФ избрало эволюционный путь преобразований в построении ориентированной социально рыночной экономики и тем самым не допустило резкого изменения сложившихся в обществе традиций, норм и правил и ценностей ныне живущих поколений. Это не позволило, в свою очередь, создать опережающий механизм инновационного развития экономики России [2]. Поэтому для привлечения инвестиций, включая венчурные инвестиции, созданы зоны специального развития.

В РФ на сегодняшний день сформирована определенная инфраструктура инновационного развития высокотехнологичных промышленных предприятий, в том числе оборонно-промышленного комплекса (ОПК) по выпуску приоритетных

образцов вооружения, военной и специальной техники, которая включает в себя в рамках 34 технологических платформ: особых экономических зон – 18, технопарков – 159, бизнес-инкубаторов – 196, центров кластерного развития – 11, центров коллективного пользования – 71, инжиниринговых центров – 23, центров трансфера технологий – 112, сертификационных центров и испытательных лабораторий – 16, центров научно-технической информации – 14, центров поддержки малого и среднего предпринимательства – 16 и т. д. Это принесет в обозримом будущем свои плоды и послужит усилению инновационного развития, которое имеет свои трудности.

Характерной чертой настоящего времени является беспрецедентное внимание органов государственной власти к проблемам инновационного развития страны в целом и ОПК в частности. Это придает определенный импульс в достижении соответствующих результатов (особенно в объеме финансовых средств). Вместе с тем уровень развития национальных инновационных компаний крайне далек от мирового, что не позволяет в должной мере осуществить необходимую генерацию технологий для проектов создания, выпуска и последующего обслуживания выпускаемой продукции. Считаем, что для успешной реализации этого проекта необходимо создать так называемую индустриальную карту отраслей промышленности в рамках авторской теории «Экономика управляемой гармонии» [3], которая бы описывала текущее состояние отраслей промышленности с декомпозицией до текущих производственных мощностей конкретных предприятий, перечня выпускаемой ими продукции, а также с потребляемыми объемами сырья, комплектующих и т. д. Успешным будет для решения соответствующей задачи применение в этой ситуации метода межотраслевого баланса по системе национальных счетов. Данная методика может быть применена к осуществлению мониторинга импортозависимости конкретных отраслей экономики страны на сколь угодно долгую временную перспективу. Необходимость ускоренной реализации программ импортозамещения (как одной из наиболее важных компонентов модернизации экономики РФ) требует обратить самое пристальное внимание на две важнейшие составляющие (наряду с массовым обновлением оборудования на промышленных предприятиях и внедрением новых технологий) этого процесса: научное и кадровое обеспечение. Поэтому необходимо четко сформулировать требования к указанному обеспечению проводимой программы импортозамещения, понимая, что от этого зависит успех или неуспех реализуемой программы, а также связанные с этим преобразования в жизни российского общества, затраты колоссальных финансовых средств, изменение научно-промышленного ландшафта страны и т. д. Рассмотрим каждый из этих факторов по отдельности.

Конкурентное позиционирование любой страны в мире на сегодняшний момент определяет, наряду с такими показателями, как уровень обеспечения национальной безопасности, экономического развития, состояние гражданского общества и качества услуг, предоставляемых населению, ее возможность обеспечить научное развитие всех сторон жизни, что и гарантирует успех во всех

ранее приведенных показателях. Проведение фундаментальных и прикладных исследований, возможность быстро адаптироваться к мировым инновационным процессам обеспечивают возможность реализации самых передовых научно-производственных программ, приводящихся в рамках того или иного отраслевого направления в экономике любого государства.

Одним из основополагающих условий реализации вышеуказанных инновационных программ является качество интеллектуального капитала. Качество научно-исследовательских и инженерных кадров, наряду с техническим качеством инновационно-научного инструментария, формирует возможность решения инновационно-промышленных задач любой сложности и по любому отраслевому направлению.

Отсутствие до недавнего времени четкой политики в инновационно-технологической сфере привело к значительному технологическому отставанию. Были утрачены некоторые научные школы, потеряны технологии производства значительного количества материалов (порядка 36 %), а также уничтожены целые системы научных производств. По ряду направлений стало невозможно даже копирование иностранных образцов перспективной техники из-за потери соответствующих знаний и научно-промышленных компетенций [4].

Руководство страны, осознавая критическую опасность для будущего РФ, начало предпринимать значительные шаги, чтобы переломить негативную тенденцию. Необходимо отметить, что за последние годы благодаря возможностям страны объем финансирования научной деятельности по всем без исключения направлениям увеличился. Опережающими темпами пошло восстановление объема фундаментальных исследований, которые являются основой для проведения впоследствии прикладных исследований и возможного трансфера технологий для нужд промышленного использования.

Одной из важнейших проблем является применение того научного потенциала, который накоплен на сегодняшний день. Российская наука является одной из сильнейших в мире и обеспечивает научный поиск по всем фундаментальным и прикладным направлениям. Так, в РФ на сегодня имеется следующая научно-техническая инфраструктура:

1) наукограды (в соответствии с Федеральным законом «О статусе наукограда Российской Федерации» от 07.04.1999 № 70-ФЗ) – 14 (Бийск, Обнинск, Дубна, Жуковский, Королев, Пущино, Реутов, Троицк, Фрязино, Черно-головка, Протвино, Кольцово, Петергоф, Мичуринск);

2) Российская академия наук – крупнейший в стране центр фундаментальных исследований (1 189 членов, включая 466 академиков и 723 члена-корреспондента);

3) академические научные учреждения – 550 (более 55 000 научных сотрудников);

4) общедеральные университеты – 2;

5) федеральные университеты – 10;

6) национальные исследовательские университеты – 29.

В РФ проживает 12 % ученых всего мира.

Огромный прикладной научный потенциал сосредоточен практически во всех отраслях российской экономики, где трудится большое количество инженерных кадров, которые по своей сути являются научными работниками. При этом особо стоит отметить ОПК РФ, где необычно высока концентрация высококлассных научно-исследовательских и инженерных кадров. Решение задействования всех научно-технологических и инновационных ресурсов, которыми обладает традиционная научная среда, сложившаяся в РФ, даст колоссальные возможности для усиления соответствующих отраслей национальной экономики. Необходимость создания полноценной инновационной экономики побудила органы государственной власти проводить политику на создание соответствующей инфраструктуры и институтов развития.

Вместе с тем система управления и поддержки инновационной деятельности в РФ нуждается в дальнейшем совершенствовании. Требуется создать единую плоскость трансферта технологий в промышленность, ускорить процесс проведения их коммерциализации, обеспечить привлечение финансирования и подготовку научных кадров.

Программа модернизации и реиндустриализации требует ускоренного решения этих вопросов. Для этого необходимо четкое понимание развития научно-исследовательского комплекса и инновационного сектора экономики на стратегическую перспективу.

Одним из важнейших инновационных механизмов научного обеспечения долгосрочного прогнозирования результатов научно-технического и технологического прогресса и определения соответствующих приоритетов является метод экспертных оценок (МЭО). Он крайне необходим и для реализации программы импортозамещения, так как позволяет на основе соответствующего прогноза принимать просчитанные, взвешенные решения о покупке наиболее современных технологий и оборудования, которые позволят выпускать импортозаменимую продукцию с высокими эргономическими, качественными и стоимостными характеристиками на долгосрочную перспективу.

В последнее время МЭО находит распространение и в РФ в рамках научно-технического форсайта, который, с нашей точки зрения, должен являться лишь предварительным инструментом разработки методологии на основе моделей межотраслевого баланса и других балансов.

Применение МЭО связано в первую очередь со значительным увеличением объема научно-технического производства и развития инновационной экономики, основным продуктом которой является высокотехнологичная продукция. Необходимость четкого понимания перспектив развития рынков того или иного сегмента соответствующей продукции имеет крайнюю важность для этого сегмента экономики РФ. При этом необходимо отметить, что МЭО содержит элементы активного влияния на будущее (путем определения зон исследований и появления технологий, которые могут принести наибольшие экономические и социальные выгоды, и осуществления ранней концентрации ресурсов на этих направлениях). Эти элементы крайне важны для правильного построения политики модернизации, реиндустриализации и импортозамещения.

На основании вышеизложенного необходимо четко сформировать требования к научной организации перспективных проектов создания и развития импортозамещающих производств. Она должно обеспечить:

точный прогноз научно-промышленного развития на среднесрочную (до 2022 года), долгосрочную (до 2030 года) и стратегически планируемую (до 2050 года) перспективу с реализацией соответствующей составляющей социально-экономического развития РФ;

предоставление всего спектра современных промышленных технологий, необходимых для успешной организации разработки, производства и обслуживания выпускаемой импортозамещаемой продукции для производственного комплекса РФ;

способность создавать новые технологии (в том числе за счет развития и улучшения заимствованных технологий), необходимые для выпуска продукции, равной или превосходящей по качественно-технологическим характеристикам зарубежные образцы аналогичной продукции на среднесрочную перспективу;

способность осуществить научно-промышленный прогноз (прогнозирование развития научно-производственного комплекса) на среднесрочную, долгосрочную и стратегически планируемую перспективы;

способность генерировать новейшие критические технологии, которые позволят обеспечить импортонезависимость страны на стратегически планируемую перспективу социально-экономического развития РФ, а также обеспечат их адаптацию к промышленному производству;

способность организовать трансферт генерируемых технологий для их широкого применения в промышленной деятельности и т. д.

Перейдем к рассмотрению мирового опыта по рассматриваемой проблематике.

Свободные экономические зоны Китая создавались в рамках «политики открытости». Основными целями формирования таких регионов были стремление привлечь иностранный капитал, овладеть опытом других стран в управлении, перенять новейшие технологии и разработки, подготовить национальные кадры. Среди других задач создания свободных экономических зон можно назвать следующие:

увеличение валютной выручки с экспортной продукции;
стимулирование реформы, проверка новой экономической модели;
обеспечение ускоренного уровня развития регионов, в которых находятся эти зоны Китая;

выход государства на международную арену (мировой рынок);
развитие внешнеэкономической деятельности;
активизирование развития китайской экономики в целом;
создание «буферов» после возвращения Макао (1999 год) и Гонконга (1997 год);

оптимальное использование природных ресурсов государства;
передача передовых разработок и новейших технологий во внутренние районы государства.

Быстрым темпам развития китайской экономики и удачному формированию свободных экономических зон способствовали такие факторы, как дешевизна рабочей силы, выгодное географическое положение (длинная береговая линия, наличие портов), наличие природных ресурсов, юридические гарантии для иностранных вложений, близость Тайваня, Гонконга и Макао, обеспечение притока ресурсов в эти зоны со всей страны. Ключевой особенностью свободных экономических зон в КНР является полная автономия от центральных властей в решении вопросов по учреждению и ликвидации предприятий, упрощению процедуры получения видов на жительство и виз для инвесторов, установлению льгот для иностранных бизнесменов.

Принцип опоры на иностранные финансовые вложения пока что не удалось реализовать в полной мере, так как на сегодняшний момент иностранные капиталовложения составляют около 24 %. Оставшийся бюджет обеспечивают государственные дотации, средства местных администраций, внутренние кредиты и накопления самой свободной экономической зоны.

Сравнение экономических зон Китая с аналогичными проектами в других азиатских странах показывает, что последние проигрывают, так как основными характеристиками китайских свободных экономических зон, которые позволяют достигать больших успехов, являются широкая диверсификация деятельности и охват значительных территорий. Именно благодаря созданию подобных экономических зон Китай смог выйти на международный рынок и уверенно заявить о себе, совместить социалистическую направленность экономики с рыночными механизмами и начать производство ориентированных на экспорт товаров в больших количествах.

Целесообразно отметить, что сегодня в большинстве экономически развитых стран основная доля научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) приходится на транснациональные корпорации (ТНК). В среднем по миру эта цифра составляет более 65 %. Повышение роли ТНК в развитии инновационной деятельности в Китае обусловлено усилением процесса интернационализации НИОКР, позволяющего осуществить дальнейшую разработку зарубежных технологий через тесное взаимодействие с малым и средним бизнесом, научно-исследовательскими институтами и университетами.

В Китае существует 8 крупных ТНК, которые имеют 62 центра НИОКР в 23 странах мира. Такие наиболее успешные китайские государственные высокотехнологичные ТНК, как Lenovo, Haier, ZTE, играют важную роль и в региональном развитии Китая. Центры сосредоточены в основном в крупных мегаполисах (Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, Шеньчжэнь), на которые приходится 80 % расходов на НИОКР. Здесь же базируются крупнейшие университеты страны (Синьхуа, Фудань, Цзяотун и др.), совместные и собственные центры НИОКР зарубежных ТНК (Microsoft, Intel, General Electric, Sony, Toshiba, Airbus и др.).

Одновременно в соответствии с политикой освоения центральных и западных провинций происходит пространственная децентрализация инновационной деятельности, главным образом за счет формирования новых зон экономического и технологического развития и зон развития новых и высоких техно-

логий, а также создания технопарков и бизнес-инкубаторов в центральном и западном регионах Китая [5].

В последнее время у китайских компаний появилась возможность приобретать иностранные, в том числе и американские, активы и компании. Это позволяет им осуществлять технологические, маркетинговые и организационные инновации, так как кризис ухудшил финансово-экономическое состояние американских компаний и предоставил китайским инвесторам доступ к прежде недоступным для них отраслям, например финансам, энергетике, автомобилестроению, недвижимости и даже авиастроению. В Китае также существуют инновационные компании при университетах, научные и технологические университетские парки, а также университетские городки; в стране активно используется кластерный подход, применяется грантовое финансирование, т. е. подходы, распространенные в странах с рыночной экономикой. Однако Китай остается экономикой смешанного типа, а именно плановой с рыночными элементами. Китайский научно-технологичный сектор, в отличие от США, достаточно централизован. Целесообразно отметить, что Китай не копировал слепо элементы западных национальных инновационных систем, а подготавливал почву для инновационного развития за счет организационных и управленческих инноваций, меняя принципы государственного управления и кадровую политику, а также используя общемировые тенденции. Так, в 90-е годы XX века Китай активно использовал аутсорсинг, привлекая американские и европейские компании к научно-техническому сотрудничеству, приобретая опыт, знания и технологии. Это международное научно-техническое сотрудничество позволило китайским компаниям войти в глобальные цепочки поставок и освоить для себя новые технологии.

По примеру США в последние десятилетия Китай стремится развивать малые инновационные компании (МИП) при вузах, которые также имеют свою специфику. В частности, китайские МИП пытались взять на себя роль венчурных организаций, т. е. китайские МИП, в отличие от западных университетских компаний, где принято разделять функции, пытались выполнить все операции самостоятельно.

Установлено, что в процессе поисков инвестиционных площадок в европейском пространстве было нелегко найти инвесторов и площадки, в которых был бы выявлен интерес в реальном и финансовом инвестировании, так как наибольший интерес сейчас проявляют к стартапам, в которые популярно вливание венчурных инвестиций [6]. Европейские представители бизнеса важны для привлечения прямых иностранных инвестиций. Поскольку достаточно велика доля стран Европейского союза во внешней торговле РФ, России необходима интенсификация инвестиций из Европы.

Следует выделить площадку <http://angel.co> с инвестиционной аудиторией из европейских стран. Это самый известный из сайтов, объединяющих на одной площадке стартапы и действующие проекты, ищущие финансирование и инвесторов. Данный сайт породил множество клонов во многих странах мира. С момента запуска проекта в 2010 году 3 500 пользователей, нуждающихся в

инвестициях, смогли привлечь в общей сложности 2,2 млрд дол. США. По сути, это огромная база частных лиц и компаний, связанных с рынком как венчурного, так и традиционного инвестирования. Помимо поиска инвесторов или, наоборот, проекта для инвестиций сервис позволяет набрать сотрудников в команду проекта или создать резюме в надежде, что оно кого-то заинтересует.

Сейчас в европейском сегменте AngelList представлено около 5 000 инвесторов с доступными пользователям контактами. Около 2 700 инвесторов заинтересовано в инвестировании на европейской территории. Несмотря на то, что этот ресурс делает большой акцент на стартапе, там существуют и инвесторы, которые заинтересованы не только в венчурных инвестициях. Сама площадка содержит несколько тысяч контактов частных и институциональных инвесторов.

В процессе поиска китайских инвестиционных платформ были найдены ценные для российских инвестиционных проектов интернет-ресурсы, например <http://thechinainvestors.com> – китайская инвестиционная платформа, представляющая интерес для проектов, нуждающихся в инвестициях, а также и для самих инвесторов. Примечательно, что для веб-ресурса ценным является то, что он содержит базу инвестиционных проектов из всех стран, в то время как сами инвесторы – исключительно китайского происхождения, хотя территориально все они находятся в разных местах земного шара. Сегодня на данном веб-ресурсе представлено несколько крупных инвестиционных проектов из России, которые связаны с элитной недвижимостью, а также пищевой отраслью. Целесообразно отметить, что этот ресурс достаточно прост в использовании, содержателен.

Ресурс <http://thechinainvestors.com> позволяет конкретизировать запрос при поиске инвестора по критериям: предпочитаемая отрасль; страна, в которую инвестировать; тип инвестора (частный, корпоративный, государственный); тип инвестирования; цель (инвестирование или покупка); капитал инвестора (4 раздела с разницей в 10 раз); стадия развития инвестиционно-инновационного проекта.

Название ресурса <http://china-invests.net> можно перевести на русский язык как «Китай инвестирует за рубеж». Ресурс является подразделением China Business Network (Китайской бизнес-сети). Китайская бизнес-сеть (КБС) – это консорциум организаций, ориентирующихся на инвестиции в зарубежные страны, а также на содействие развитию зарубежной торговли, импорта и экспорта. Лозунг КБС: «Принеся мир в Китай, Китай принесет его миру» (способы осуществления этого лозунга – предоставление бизнес-консультаций и оказание услуг для большого числа китайских и иностранных органов власти, предприятий, а также других организаций). Ежедневно этот сайт, согласно официальным данным КБС, посещает 1 600 пользователей, из них около 700 заходят в раздел «Рекомендуемые инвестиционные места и проекты». Следовательно, совершенствование коммуникаций компаний в российском, китайском и европейском интернет-пространствах может осуществляться следующими способами:

1. В российском интернет-пространстве: увеличение до 5 000 ежедневных пользователей, которые увидят рекламный баннер (цена его размещения – 5 000 российских рублей), до 3 000 – контактов потенциальных инвесторов для

непосредственной коммуникации с ними и высылки предложений компании (предприятия); размещение предложений компании для нахождения в долгосрочной перспективе.

2. В европейском интернет-пространстве: увеличение до 5 000 контактов потенциальных инвесторов и предложения инвестиционно-инновационных проектов; до 15 000 – ежедневных читателей, которые увидят рекламный баннер (цена его размещения – 1 700 евро); размещение предложений компаний для нахождения в долгосрочной перспективе.

3. В китайском интернет-пространстве: увеличение до 1 000 контактов потенциальных инвесторов и предложения целевых проектов; до 7 000 – ежедневных пользователей, которые смогут увидеть инвестиционно-инновационные предложения компании; до 15 000 – ежедневных читателей онлайн-журнала, которые смогут увидеть рекламный баннер на главной странице (цена его размещения – 750 дол. США); размещение предложений компаний для нахождения в долгосрочной перспективе.

Инструменты интернет-площадок, которые были представлены выше, позволяют отсеять инвесторов по различным критериям, в том числе по предпочитаемым ими отраслям для инвестирования, а также по суммам, которые они способны инвестировать в проекты. Инструментами оснащены интернет-ресурсы rb.ru/pipeline, angel.co/europe, thechinainvestors.com. Благодаря инструментам этих ресурсов из баз инвесторов на этих сайтах удалось выявить то, что производственная отрасль интересна в rb.ru/pipeline 428 инвесторам; в angel.co/Europe – 611; в thechinainvestors.com – 287.

Небольшая доля интереса инвесторов к производственной отрасли объясняется тем, что эти интернет-ресурсы созданы для продвижения стартапов в основном непромышленной отрасли. Далее, учитывая различие финансовых возможностей того или иного инвестора и проведя отсев текущих инвесторов по возможности инвестировать более 5 млн дол. США, вышло, что в rb.ru/pipeline готовы к этому 202 инвестора; в angel.co/Europe – 279; в thechinainvestors.com – 86. Итого вышло, что заинтересованными в проекте могут быть 567 инвесторов с 3 площадок. К этому количеству можно добавить потенциальных инвесторов из других ресурсов. Учитывая то, что другие площадки с контингентом инвесторов более дружелюбно относятся к инвестиционным проектам индустриального сектора, среднее значение заинтересованности среди них может быть 10 %.

Библиографический список

1. Кошно П.А., Артемьев А.А., Енин Ю.И. Технологические платформы кластерного развития: монография / отв. ред. доктор экон. наук, проф. П.А. Кошно. Тверь: ТвГТУ, 2019. 286 с.
2. Кошно П.А., Артемьев А.А. Экономика опережающей промышленности: монография / отв. ред. доктор экон. наук, проф. П.А. Кошно. Тверь: Центр научных и образовательных технологий, 2016. 343 с.
3. Кошно П.А. Финансовые основы гармоничной экономики труда // Человек и труд. 2013. № 10. С. 37–40.

4. Ситников С.Е. Информационно-коммуникационные технологии инновационного производства // Россия: тенденции и перспективы развития: сборник научных трудов. Вып. 9. Ч. 1 / отв. ред. Ю.С. Пивоваров. М., 2014. С. 613–618.
5. Селихов Д.М. КНР в мировом инновационном развитии // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11. С. 21–28.
6. Енин Ю.И., Кохно П.А. Китайско-Белорусский индустриальный парк «Великий камень» как специальная зона экономического роста страны и ее региона // Общество и экономика. 2018. № 12. С. 77–87.

GLOBAL TRENDS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

A.A. Artemyev*, P.A. Kokhno**

*Tver State Technical University, Tver

** All-Russian Research Institute CENTR, Moscow

In article infrastructure projects of economic development of Russia and China taking into account experience of the USA and the European Union which main objective of formation is the aspiration to attract the foreign capital, to seize experience of other countries in management, to adopt the latest technologies and development, and also to prepare national shots are investigated. Innovative development of the industrial enterprises of Russia, first of all the enterprises of defense industry complex, is considered within 34 technological platforms: special economic zones, science and technology parks, business of incubators and others. One of fundamental conditions of implementation of innovative programs in industrial production of Russia is quality of the intellectual capital forming possibility of the solution of innovative and industrial problems of any complexity in any branch direction. Free economic zones of China are considered. Thus possibilities of the international investment venues in European-Asian space are analysed. The Chinese investment platform especially is of interest to the Russian projects needing investments.

Keywords: *technological platforms, free economic zones, intellectual capital, industrial enterprises, investment platforms.*

Об авторах:

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: aaartemev@rambler.ru

Кохно Павел Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, профессор аспирантуры ФГУП «ВНИИ “ЦЕНТР”», г. Москва. E-mail: pavelkohno@mail.ru

Artemyev Alexey Anatolyevich – PhD (economical science), professor, the vice rector of scientific and innovative activity of Tver State Technical University, Tver. E-mail: aaartemev@rambler.ru

Kokhno Pavel Anatolyevich – PhD (economical science), professor, professor of postgraduate of All-Russian Research Institute CENTR, Moscow. E-mail: pavelkohno@mail.ru

УДК 338

УПРАВЛЕНИЕ КОНТРОЛЕМ КАЧЕСТВА ЗАКУПОК ТОВАРОВ САНТЕХНИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИИ ОПТОВОЙ ТОРГОВЛИ

Д.В. Розов, М.В. Воробьева, А.С. Мальцева

© Розов Д.В., Воробьева М.В., Мальцева А.С., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет», г. Тверь

Рассматриваются основные процессы и задачи системы закупок товаров санитарно-технического назначения оптовым торговым предприятием, процесс контроля закупок. Выявлены основные недостатки в организации закупочной деятельности и предложены пути решения проблем брака при закупке товаров и срыва поставок с помощью проведения внутреннего аудита качества закупок.

Ключевые слова: качество, закупка, оптовая торговля, аудит, контроль качества, критерии качества.

Торговля является одной из крупнейших отраслей экономики каждой страны и мира в целом как по объему деятельности, так и по численности занятого в ней населения. Деятельность торговых предприятий направлена на удовлетворение потребностей населения и подвержена влиянию большого количества факторов, требующих постоянного контроля и оказывающих непосредственное влияние на качество конечного продукта.

В настоящее время в условиях дороговизны ресурсов, необходимых для изготовления товаров санитарно-технического назначения, в разы увеличивается их закупочная стоимость. В связи с этим большую часть рынка заполняют товары низкого качества и растет число недобросовестных поставщиков, которые реализуют фальсифицированный товар по более низким ценам, намеренно выдавая его за сертифицированный.

Для экономически эффективной работы оптовой торговой организации важно правильно организовать систему качества закупок, в которой большую роль играет заключение договоров на поставку товаров с надежными поставщиками. Еще одними факторами, оказывающими влияние на качество закупки, являются транспортировка, приемка и хранение товара. Правильно организованная доставка тех или иных товаров от поставщика до оптового торгового предприятия обуславливает его целостность и сохранность потребительских свойств.

Большая часть выбраковки товаров происходит в результате нарушения норм и правил транспортировки и хранения. Однако в ходе неправильной приемки товара по количеству и качеству бракованный товар может быть реализован потребителю.

Закупочная деятельность и качество приобретаемых товаров санитарно-технического назначения очень важна для предприятий оптовой торговли. «В условиях растущей конкуренции на российском рынке важной составляющей для стабильного роста компании является контроль и сокращение издержек. На их

общий уровень существенное влияние оказывает организация закупочной деятельности» [2].

Полное обеспечение предприятия товаром требующегося ассортимента и качества является необходимым условием выполнения планов по оптовой реализации и росту прибыли компании. В связи с этим вопрос о формировании правильной системы закупок приобретает еще большее значение.

Под понятием логистики закупок в оптовой торговле понимаются планирование и контроль поступления товаров на склад организации, основными задачами которой являются закупка товаров по наиболее выгодной цене; доставка товаров на склад оптовой компании; качество приобретаемого товара у поставщика; работа только с надежными поставщиками; работа с фирмами-поставщиками, которые делают скидки на свой товар; поддержание логистической стратегии организации; снижение расходов на закупки; координация и системная взаимосвязь закупок с производством, сбытом, складированием и транспортированием, а также с поставщиками [3].

Контроль качества системы закупок в оптовой торговой организации осуществляется по трем основным показателям: времени, качества товара, надежности.

Для проведения оценки качества закупки товара санитарно-технического назначения необходимо проводить аудит системы качества закупок с целью выявления наиболее существенных недостатков в работе с поставщиками и качеством товара.

Проведение аудита качества закупок, осуществляемых на предприятии оптовой торговли, позволит не только исследовать существующую систему закупок, действующую в организации на данный момент, но и сформировать наиболее эффективную систему закупок и управления товарными запасами в организации оптовой торговли.

Проведение аудита качества системы закупок на оптовом торговом предприятии включает в себя 5 основных этапов. На первом этапе проводится анализ данных, сформированных на основании существующих запросов руководителей компании. Затем аудитор анализирует существующую ситуацию, наблюдает за ходом выполнения закупочных процессов и операций (второй этап). На третьем этапе происходят сбор данных и интервьюирование работников, внутренних клиентов фирмы, службы закупок. На четвертом этапе аудитор изучает печатный и электронный документооборот, позволяющий сформировать отчет о недостатках и нарушениях, обнаруженных в ходе проведения аудита. На последнем этапе проведения аудита качества системы закупок проводятся расчеты, на основании которых формируется подробный отчет о выявленных недостатках, их причинах и предлагаются пути решения выявленных проблем. После предоставления отчета руководству предприятия выполняется презентация результатов исследования на его территории. Результаты аудита используются для разработки программы оптимизации системы закупок.

Наиболее существенными недостатками в ходе ведения оптовой торговли являются частые поставки товара ненадлежащего количества и качества (брак

составляет более 0,2 %) и срывы поставок в результате постоянных операционных сбоях в работе отдела закупок.

В связи с тем, что приемка товаров по количеству в торговой организации предусматривает проверку соответствия фактического наличия товара данным, содержащимся в транспортных, сопроводительных или расчетных документах, необходимо осуществлять приемку товаров в строгом соответствии с Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству, а при приемке их по качеству и комплектности – с требованиями к качеству товаров, предусмотренных в договоре. В качестве регистров бухгалтерского учета могут применяться журналы ордера, используемые в торговле [1].

Учет первичных документов по приходу товаров материально ответственным лицам рекомендуется вести в журнале поступления товаров, который должен содержать название приходного документа, его дату и номер, краткую характеристику документа, дату регистрации документа, сведения о поступивших товарах.

Вся продукция, поставляемая от партнеров компании, должна проходить обязательную проверку на соответствие требованиям технических условий. В подтверждение этому организациями, поставляющими товар, должны предоставляться документы, подтверждающие соответствие продукции требованиям национальных и межгосударственных стандартов. Любой документ о соответствии качества того или иного вида поставляемой продукции подтверждается сертификатами качества.

Важно учитывать динамику спроса на ту или иную продукцию или постоянно анализировать изменение темпов роста различных видов товарных групп с целью выделения наиболее востребованных из них и наименее реализуемых, что позволит минимизировать операционные сбои в отделе закупок.

Таким образом, в процессе организации закупочной деятельности оптовая торговая организация обязана четко сформировать свою стратегию закупок для минимизации расходов, связанных с браком, обозначить для своего дальнейшего сотрудничества поставщиков, товары которых сертифицированы и имеют необходимые сертификаты качества на продукцию, вести постоянный контроль оборота товаров для обеспечения бесперебойной поставки товаров на склад с целью минимизации потерь, вызванных задержкой поставки.

Библиографический список

1. Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству, утвержденная Постановлением Госарбитража при Совете Министров СССР от 15.06.65 № П-6. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2019).
2. Бондаренко О.Д. Особенности организации закупок на торговом предприятии // Аллея науки. 2017. Т. 2. № 9. С. 639–645.
3. Корнева Е.А. Управление закупками, логистика снабжения // Вектор экономики. 2017. № 2 (8). С. 24.

MANAGEMENT OF QUALITY CONTROL OF PROCUREMENT OF SANITARY GOODS AT A WHOLESALE ENTERPRISE

D.V. Rozov, M.V. Vorobieva, A.S. Maltseva

Tver State Technical University, Tver

The article describes the main processes and tasks of the system of procurement of sanitary goods by the wholesale trade enterprise, the procurement control process. The main problems in the organization of procurement and proposed solutions to problems in the procurement of goods and procurement through internal audit of procurement quality.

Keywords: *quality, purchase, wholesale, audit, quality control, quality criteria.*

Об авторах:

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: rozov23.02@mail.ru

Воробьева Мария Владимировна – студентка 1-го курса магистратуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, направление «Управление качеством». E-mail: mashulya-vorobeva@mail.ru

Мальцева Анна Сергеевна – студентка 1-го курса магистратуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, направление «Управление качеством». E-mail: anna230396@bk.ru

Rozov Dmitry Viktorovich – PhD (economical science), professor of department of economics and production management of Tver State Technical University, Tver. E-mail: rozov23.02@mail.ru

Vorobieva Maria Vladimirovna – 1st year master's student of Tver State Technical University, Tver, direction «Quality management». E-mail: mashulya-vorobeva@mail.ru

Maltseva Anna Sergeevna – 1st year master's student of Tver State Technical University, Tver, direction «Quality management». E-mail: anna230396@bk.ru

УДК 658.3

ИССЛЕДОВАНИЕ СУЩНОСТИ И ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ФОНДОВ ПРЕДПРИЯТИЯ

П.И. Разиньков, О.П. Разинькова

© Разиньков П.И., Разинькова О.П., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь.

Описываются проблемы формирования и повышения эффективности использования основных производственных фондов предприятия. Проведен анализ эффективности формирования и использования основных производственных фондов машиностроительного предприятия и рассмотрены мероприятия по совершенствованию их формирования и использования.

Ключевые слова: *основные производственные фонды, фондоотдача, фондоемкость.*

Важная роль в реализации задачи повышения эффективности использования основных производственных фондов принадлежит исследованию понятия, сущности и формирования их состава и структуры, поскольку основные производственные фонды определяют производственную мощность предприятия, характеризуют его техническую оснащенность и уровень технологии изготовления продукции. Более того, при оптимальном формировании состава и структуры основных производственных фондов можно повысить технический уровень производства и повлиять на реализацию стратегии и тактики инновационного развития предприятия, обеспечить снижение затрат на производство продукции и повысить ее конкурентоспособность.

Важно отметить, что в прошлом столетии на предприятиях не уделялось должного внимания проблемам формирования состава и структуры основных производственных фондов. Это привело к старению и снижению эффективности их применения и обновления. Положение не улучшилось и в начале нынешнего столетия. Происшедшие в 2008 и 2014 годах кризисы привели к снижению эффективности использования основных производственных фондов, объемов промышленного производства и рентабельности предприятий.

Пока уровень развития экономики страны и многих предприятий промышленности назвать удовлетворительным нельзя, поскольку только в 2024 году возможен рост объемов производства до 4 % в год. Но для этого необходимы переход к инновационному обновлению основных производственных фондов и производственных мощностей организаций, повышение технической оснащенности перерабатывающих производств, обеспечивающих рост фондовооруженности и производительности труда на предприятиях промышленного комплекса страны.

Важно также с учетом специфики, производственного назначения и роли составляющих основных фондов в производственном процессе сформировать их структуру и, опираясь на опыт высокоразвитых стран, обеспечить более полное использование технологий V, а также внедрение технологий VI технологического уклада. Именно наличие технологий прорывного характера позволит нашей стране выйти на более высокий уровень технологического развития и гарантировать высокую эффективность производства продукции.

Реализация задачи формирования адаптивной к требованиям рынка структуры средств труда вызывает необходимость исследования понятия и сущности такой экономической категории, как «основные производственные фонды предприятия». Полагаем, что это понятие должно рассматриваться в контексте изготовления продукции путем реализации трех известных факторов производства: средств труда, предметов труда и рабочей силы. Речь идет о том, что производственное предприятие должно иметь полный набор этих факторов, способных повлиять на эффективную его деятельность и развитие средств труда. Средства труда принято называть основными производственными фондами, и они

формируются из совокупности структурных составляющих, способных обеспечить рациональное их использование.

Наиболее кратко сформулировали эту экономическую категорию Н.А. Сафронов, который считает, что основные производственные фонды – это «стоимостное выражение средств труда» [13, с. 454]; Т.А. Фролова, которая отмечает, что «основные производственные фонды – это средства труда, участвующие в процессе производства длительное время и сохраняющие при этом свою натуральную форму» [15, с. 320]. Схожее определение предложено Т.А. Иващенко. Она считает, что «основные производственные фонды – это средства труда, которые многократно учувствуют в процессе производства, постепенно изнашиваются и переносят свою стоимость на готовую продукцию по частям в течение ряда лет в виде амортизационных отчислений» [3, с. 205]. Несколько противоречиво определяет сущность основных производственных фондов М.Н. Кондратьева. Она считает, что это «материально-вещественные ценности (часть имущества предприятия), действующие в неизменной натуральной форме в течение длительного периода времени и утрачивающие свою стоимость по частям» [8, с. 104].

Более полно рассматривают понятие и сущность основных производственных фондов В.В. Ковалев и Вит.В. Ковалев. Они определяют их как «совокупность средств труда, необходимых для выполнения своих основных функций, продолжительностью использования от одного года. В процессе использования основные фонды изнашиваются, и их стоимость по мере износа частями включается в издержки обращения и затем входит в стоимость реализуемых товаров. Таким образом, при реализации товаров происходит обращение части стоимости основных фондов» [7, с. 304]. Аналогично трактует это понятие Н.Л. Зайцев. Он считает, что к основным фондам относятся «материальные активы, которыми предприятие владеет для использования их в процессе производства или снабжения товарами и услугами, а также для предоставления в аренду другим лицам или осуществления административных функций, ожидаемый срок полезного использования которых превышает один год. Основные фонды промышленных предприятий обеспечивают их материально-техническую базу, рост и совершенствование которой является важнейшим условием повышения качества и конкурентоспособности продукции» [4, с. 287].

Отождествляют понятие «основные фонды» с понятием «основные средства» В.Я. Горфинкель, В.А. Швандар, В.М. Семенов и Л.Т. Гиляровская и др. Так, по мнению В.М. Семенова, основные средства – это «та часть активов, которая рассчитана на использование их предприятием в течение длительного периода (более 1 года) и постепенно (по частям) утрачивает свою стоимость» [14, с. 54]. Аналогично трактуют это понятие В.Я. Горфинкель и В.А. Швандар. Они пишут, что основные фонды – «это материально-вещественные ценности, действующие в неизменной натуральной форме в течение длительного периода времени и утрачивающие свою стоимость по частям» [2, с. 76]. Л.Т. Гиляровская и др. считают, что основные средства – «часть имущества, используемая в

качестве средств труда в процессе производства продукции, выполнения работ и оказания услуг для управления организацией в течение периода, превышающего 12 месяцев. Основные средства должны участвовать в производстве как минимум более одного года» [1, с. 284]. Более широко формулируют эту категорию А.А. Канке и И.П. Кошева. Они к основным фондам относят «материальные активы, которыми предприятие владеет для использования их в процессе производства или снабжения товарами и услугами, а также для предоставления в аренду другим лицам или осуществления административных функций, ожидаемый срок полезного использования которых превышает один год. Так, основные фонды промышленных предприятий обеспечивают их материально-техническую базу, рост и совершенствование которой является важнейшим условием повышения качества и конкурентоспособности продукции» [5, с. 69]. Такого же мнения придерживается Н.А. Сафронов. Он считает, что «основные производственные фонды предприятия – это средства труда, участвующие во многих производственных циклах, сохраняющие свою натуральную форму и переносящие стоимость на изготавливаемый продукт частями, по мере износа» [13, с. 29].

Одним из важных можно считать определение основных фондов, приведенное А.Е. Карликом и М.Л. Шухгальтером. Они считают, что «основные фонды – это совокупность производственных, материально-вещественных ценностей, которые действуют в процессе производства в течение длительного периода времени, сохраняют при этом на протяжении всего времени натурально-вещественную форму и переносят их стоимость на продукцию по частям по мере износа в виде амортизационных отчислений» [6, с. 85].

Из приведенных выше определений понятия и сущности «основные фонды предприятия» можно сделать вывод, что речь идет об определенных категориях ресурсов, составляющих факторы производства, т. е. капитале предприятия, используемом для производственной или иной коммерческой деятельности. Поэтому мы полагаем, что, исходя из экономической теории, под основным капиталом понимается «та доля производственного капитала, которая полностью в течение длительного срока участвует в производстве, но переносит свою стоимость на готовые изделия постепенно и возвращается к его владельцу в денежной форме по частям. К капиталу относятся средства труда – заводские здания, машины, оборудование, транспортные средства и т. п. Речь идет об основных производственных фондах, которые покупаются сразу, а свою стоимость переносят на созданные продукты по мере износа» [11, с. 119]. Следовательно, «стоимость основных средств, обслуживающих производственно-хозяйственную деятельность предприятия, и составляет понятие “основные производственные фонды”» [12, с. 38].

Поскольку данные выше определения понятия «основные производственные фонды предприятия» не отражают многие их специфические особенности, нами предлагается следующим образом сформулировать эту экономическую категорию и ее сущность: основные производственные фонды предприятия – это средства труда, предназначенные для организации

производства продукции, выполнения работ, оказания услуг и реализации других необходимых мер по обслуживанию вспомогательных процессов производства, обеспечивающих эффективное функционирование предприятия в условиях воздействия факторов внешней и внутренней среды. Важной особенностью основных производственных фондов является то, что они как средства труда имеют материальную основу, сохраняют свою первоначальную форму, переносят свою стоимость на изготавливаемую продукцию постепенно и по частям по мере их износа независимо от срока их службы и номенклатуры выпускаемой продукции. По своей экономической сущности степень износа и срок службы основных производственных фондов устанавливаются в зависимости от их физического и морального износа, т. е. на период, когда дальнейшее использование основных производственных фондов экономически нецелесообразно.

Однако необходимо отметить, что на практике срок службы основных производственных фондов (и особенно технологического оборудования) рассчитывается исходя не из величины их износа, а из суммы средств, включаемых в себестоимость продукции и учитываемых по установленным нормам амортизации. Естественно, это не всегда соответствует реальному сроку их функционирования и не соответствует двум формам износа, поскольку не учитываются влияние жизненного цикла выпускаемой продукции, время применения основных фондов в производственном процессе, степень физического их износа и другие факторы [12, с. 98].

В числе важных факторов, воздействующих на эффективность управления формированием основных производственных фондов предприятия, являются их классификация по определенным группам, учет специфики производственного назначения, из которых можно получить информацию об изменениях, происходящих в структуре основных фондов предприятия, изменениях в технической оснащенности производства, внедрении инноваций, развитии специализации, концентрации и комбинировании производства. В настоящее время действующая классификация объединяет основные фонды в структурные составляющие. Так, в соответствии с экономической сущностью, назначением в производственном процессе и участием в его обслуживании основные фонды предприятия принято делить на основные производственные фонды и основные непроизводственные фонды. Основные непроизводственные фонды не участвуют в производстве продукции и выполнении каких-либо работ, но являются важным стимулом высокопроизводительного труда персонала предприятия. К ним относятся жилые дома, объекты культурно-бытового назначения, жилищные помещения и др. Основные производственные фонды формируются из средств производства, непосредственно участвующих в производственном процессе, или создают условия для организации производственного процесса.

По действующей видовой классификации основные производственные фонды подразделяются на группы:

1) здания и архитектурно-строительные объекты, создающие необходимые условия для производства продукции. Они включают в себя стоимость систем

жизнеобеспечения зданий (отопление, водопровод, электросеть, газовая сеть, вентиляция и др.);

2) сооружения – инженерно-технические объекты, создаваемые для обслуживания процесса производства (дороги, тоннели, эстакады, ведомственные железные внутризаводские дороги, мосты и т. д.).

3) передаточные устройства (служат для транспортировки всех видов энергии, воды и других жидких и газообразных веществ) и другие устройства общехозяйственного назначения.

Большую группу основных фондов составляют машины и оборудование.

Силовые машины и оборудование включают в себя имеющиеся на предприятии генераторы, электродвигатели, силовые трансформаторы, паровые машины и турбины, двигатели внутреннего сгорания, распределительные щиты и др.

На **рабочих машинах и оборудовании** осуществляется технологический процесс изготовления продукции (металлорежущие станки и оборудование, прессы, молоты, электротермическое оборудование и др.).

Измерительные и регулирующие приборы, устройства и лабораторное оборудование предназначены для измерения параметров технологических процессов, проведения лабораторных испытаний и исследований и др.

Вычислительная и электронно-вычислительная техника (базы данных, автоматизированные системы управления производством и др.) предназначена для автоматизации управления предприятием, производством и других операций.

Прочие машины и оборудование необходимы для выполнения прочих работ (противопожарное оборудование, пожарные машины, оборудование автоматических телефонных станций и др.).

Транспортные средства – принадлежащий предприятию железнодорожный, водный и автомобильный транспорт и другие внутризаводские транспортные средства, требующиеся для перемещения грузов по территории предприятия.

Инструменты и приспособления применяют для осуществления производственного процесса в качестве непосредственного формообразующего элемента со сроком службы более 1 года.

Важны также производственный и хозяйственный инвентарь, мебель, множительная техника, сейфы и др.; рабочий и продуктивный скот; многолетние насаждения и др.

Развитие техники, технологий, совершенствование организации производства и воздействие других факторов вызывают необходимость более глубокого исследования структуры основных производственных фондов предприятия и приведенной выше их классификации. Так, основные производственные фонды (и, в частности, технологическое оборудование) предлагается распределять не только по содержанию элементов, но и по степени их участия в процессе производства на активную и пассивную части основных производственных фондов.

К **активной части** основных производственных фондов относятся те из них, которые непосредственно участвуют в процессе производства продукции, обуславливают производственные и технологические процессы во времени и в пространстве и осуществляют изготовление продукции и ее контроль. Это металлообрабатывающее и другое технологическое оборудование, измерительные приборы и др.

Пассивная часть основных производственных фондов – это та часть, которая не участвует в процессе производства и не воздействует непосредственно на предмет труда. Эти фонды создают условия для функционирования технологического оборудования и других структурных составляющих основных производственных фондов.

Кроме того, различают основные производственные фонды по характеру их использования: действующие или находящиеся в эксплуатации; используемые или не используемые в производственной и хозяйственной деятельности; бездействующие; находящиеся в запасе; в резерве; предназначенные для их ликвидации; находящиеся на консервации или на реконструкции / модернизации; принадлежащие организации на праве собственности, находящиеся у организации в оперативном управлении, хозяйственном ведении; полученные предприятием в аренду или в лизинг и др.

По характеру обслуживания отдельных направлений операционной деятельности основные производственные фонды подразделяются на обслуживающие процесс: производства продукции, реализации продукции и для управления деятельностью предприятия. При этом для многих из них устанавливаются временные параметры периода их эксплуатации. Так, «в зависимости от срока полезного использования основные производственные фонды принято подразделять на 10 амортизационных групп. Это средства со сроком полезного использования включительно от 1 года до 2 лет, от 2 до 3 лет, от 3 до 5 лет, от 5 до 7 лет, от 7 до 10 лет, от 10 до 15 лет, от 15 до 20 лет, от 20 до 25 лет, от 25 до 30 лет и основные фонды со сроком полезного использования свыше 30 лет» [9, с. 804].

В последние годы происходят крупные изменения в техническом перевооружении и организации производства, смене собственников и другие явления. Это, по нашему мнению, должно найти отражение в классификации и содержании состава элементов, приведенных выше, в ныне действующей видовой структуре основных производственных фондов. Требуют также определенного уточнения и конкретизации наименования элементов и выделения их в отдельные группы. Полагаем, что возникла необходимость:

выделить в отдельные группы основные производственные фонды, на основе которых осуществляется инновационное развитие производства, устанавливаются разные сроки их эксплуатации и жизненного цикла;

обеспечить организационное разделение в отдельные группы основных производственных фондов с учетом процессов основного и перспективного производства;

выделить в отдельную группу основных фондов измерительные и испытательные лаборатории, осуществляющие прием заказов на контроль изделий, испытания их на надежность и проверку эксплуатационных параметров продукции.

Уточнение структуры основных производственных фондов необходимо для планирования их замены и восстановления, т. е. для воспроизводства основных средств, обоснования выделения технологического оборудования по производственно-технической пригодности и др. Это позволит подразделить основные фонды (и особенно технологическое оборудование) на требующее замены, капитального ремонта; подлежащее реализации, списанию и др.

Эти и другие изменения в структуре основных производственных фондов важны потому, что позволят целенаправленно планировать их функционирование; формировать средства на реструктуризацию и обновление прогрессивными технологическими составляющими элементами основных производственных фондов; расширить возможности предприятия по формированию стратегии освоения новых видов продукции, повышения ее качества и конкурентоспособности. При этом у предприятий появится возможность более целесообразно использовать средства, направляемые на изменение соотношения отдельных групп основных фондов и формирования новой структуры основных производственных фондов предприятия.

Важнейшими факторами, влияющими на совершенствование структуры основных производственных фондов, являются специализация предприятия, характер выпускаемой продукции и ее объем, уровень автоматизации и механизации, специализации и кооперирования производства, месторасположение предприятия и др.

Можно выделить четыре основные группы факторов, влияющих на эффективность формирования основных производственных фондов: экономические, технические, организационные и социальные. К экономическим факторам относят объемы производства и реализации продукции, прибыль, рентабельность и другие, способствующие формированию средств на обновление и модернизацию основных производственных фондов. Технические факторы – структура и состав основных производственных фондов, применяемые технологии, научно-технический прогресс и др. Что касается организационных и социальных факторов, их влияние является значительным и постоянно повышается, как и психологических факторов, роль которых с развитием научно-технического прогресса возрастает. Данные для анализа воздействия этих и других факторов на формирование основных производственных фондов акционерного общества (АО) «Машиностроитель» представлены в табл. 1 и 2.

Исходные данные для анализа формирования и структуры основных производственных фондов АО «Машиностроитель» (тыс. рублей)

Группа основных средств	Период		Отклонение	
	2017	2018	+; –	%
1	2	3	4	5
Среднегодовая стоимость основных производственных фондов	8 867 840	9 440 346	572 506	106,46
Среднегодовая стоимость активной части основных производственных фондов	6 947 629	7 683 895	736 266	110,60
Стоимость поступивших основных фондов	245 101	1 352 436	1 107 335	551,79
Стоимость активной части поступивших основных производственных фондов	243 032	1 314 681	1 071 649	540,95
Стоимость основных производственных фондов на конец периода	8 900 909	9 979 782	1 078 873	112,12
Стоимость активной части основных производственных фондов на конец периода	6 962 782	8 405 007	1 442 225	120,71
Стоимость основных производственных фондов на начало периода	8 834 770	8 900 909	66 139	100,75
Стоимость выбывших основных производственных фондов	178 961	273 564	94 603	152,86
Сумма износа основных производственных фондов на конец периода	6 942 372	7 214 878	272 506	103,93
Остаточная стоимость основных производственных фондов на конец периода	1 958 537	2 764 904	806 367	141,17
Стоимость произведенной продукции	27 828 311	47 245 275	19 416 964	169,77
Прибыль от основной деятельности	3 297 639	6 894 439	3 596 800	209,07
Среднесписочная численность персонала, человек	5 520	6 130	610	111,05
Среднесписочная численность рабочих предприятия, человек	3 795	4 210	415	110,94
Количество используемого оборудования, единиц	2 211	2 485	274	112,39
Количество дней работы оборудования, дней	255	262	7	102,75
Коэффициент сменности, смен	1,2	1,25	0,05	104,17
Продолжительность смены, часов	7,9	7,93	0,03	100,38
Плановый фонд времени, машино-часов	5 809 643	6 97 006	–5 112 637	12,00
Фактический фонд отработанного времени, машино-часов	5 344 871,4	6 453 731	1 108 860	120,75
Плановая среднечасовая выработка продукции, рубль/машино-час	5 500	7 500	2 000	136,36
Фактическая среднечасовая выработка продукции, рубль/машино-час	5 206,5	7 320,6	2 114,1	140,61

Из табл. 1 можно сделать вывод, что в АО «Машиностроитель» проводится значительная работа по совершенствованию структуры основных производственных фондов. Так, в 2018 году их среднегодовая стоимость увеличилась на 6,46 %. При этом более высокими темпами (10,6 %) увеличивалась среднегодовая стоимость активной части основных фондов. На 41,17 % возросла остаточная стоимость основных производственных фондов и на 40,61 % – среднегодовая выработка продукции за машино-час. Характерно, что в целом количество используемого технологического оборудования на заводе в 2018 году увеличилось на 274 единицы (или на 12,39 %). Поступление оборудования, относимого к активной части, в 2018 году в 5,4 раза превысило поступление за 2017 год. За анализируемый период стоимость произведенной продукции увеличилась на 19 416 964 тыс. рублей (или на 69,77 %), опережающими темпами (109,07 %) росла прибыль, значительно улучшились и другие показатели работы завода. Приведенные данные свидетельствуют, что формирование активной части основных производственных фондов осуществляется опережающими темпами (табл. 2).

Таблица 2

Показатели формирования и использования основных производственных фондов и технологического оборудования АО «Машиностроитель»

Наименование показателя	Период		Отклонение	
	2017	2018	+; –	%
Фондоотдача основных производственных фондов	3,14	5,01	1,87	159,55
Фондовооруженность, тыс. рублей/человек	1 606,49	1 540,02	–66,47	95,86
Механовооруженность, тыс. рублей/человек	1 830,73	1 825,15	–5,58	99,7
Коэффициент обновления основных производственных фондов	0,03	0,14	0,11	X
Коэффициент обновления активной части основных производственных фондов	0,03	0,16	0,12	X
Период обновления, лет	36,05	6,58	–29,46	X
Коэффициент интенсивности обновления	0,73	0,20	–0,53	X
Коэффициент выбытия	0,02	0,03	0,01	X
Коэффициент прироста	0,01	0,12	0,11	X
Коэффициент износа	0,78	0,72	–0,06	X
Коэффициент годности	0,22	0,28	0,06	X
Фондорентабельность, %	37,19	73,03	35,85	X
Коэффициент экстенсивного использования оборудования	0,92	9,26	8,34	X
Коэффициент интенсивного использования оборудования	0,95	0,98	0,03	X

Из табл. 2 видно, что в 2018 году по сравнению с 2017 на АО «Машиностроитель» на 59,55 % увеличилась фондоотдача. Улучшились значения таких показателей, как коэффициенты: обновления основных

производственных фондов и их активной части; использования технологического оборудования по мощности и другие, что свидетельствует о формировании более прогрессивной структуры основных производственных фондов (и особенно технологического оборудования) АО «Машиностроитель». Однако по некоторым показателям произошло снижение уровня использования основных фондов. Так, в 2018 году (по сравнению с 2017) произошло снижение фондовооруженности и механовооруженности труда; низким остается коэффициент обновления основных фондов и др.

Для совершенствования структуры основных фондов АО «Машиностроитель» необходимо:

при разработке планов обеспечения предприятия основными производственными фондами вести учет их особенностей, вытекающих из сущностной характеристики основных производственных фондов;

приобретать высокопроизводительное оборудование, технические характеристики которого дадут возможность поддержания высокой производительности на протяжении всего срока службы, проводить модернизацию оборудования и регулярно осуществлять капитальный ремонт, обеспечивать высокую надежность эксплуатации.

уменьшать срок окупаемости основных производственных фондов, их эксплуатация должна обеспечивать низкий уровень затрат на выпуск продукции;

регулировать в соответствии с действующим законодательством нормы и способы амортизации основных фондов;

подбирать наиболее приемлемые условия приобретения основных производственных фондов (лизинг, кредит, собственные источники).

Важная особенность основных производственных фондов любого предприятия состоит в том, что их наращивание может происходить экстенсивным и интенсивным способами. При экстенсивном способе происходит количественное увеличение оборудования, при интенсивном – модернизация или замена новым, более производительным. Таким образом, на успешно функционирующем предприятии главным направлением повышения эффективности его работы является формирование соответствия имеющихся производственных возможностей требованиям рынка: продукцию необходимо производить соответствующего качества, количества и в установленные сроки (вытекают из запросов потребителей). Именно на этой основе необходима оптимизация состава и структуры основных производственных фондов предприятия.

Библиографический список

1. Экономический анализ / Л.Т. Гиляровская [и др.]. М.: Юнити-Дана, 2015. 318 с.
2. Горфинкель В.Я., Швандар В.А. Экономика предприятия. М.: ЮНИТИ, 2007. 672 с.
3. Ивашенцева Т.А. Экономика предприятия. М.: Кнорус, 2016. 284 с.
4. Зайцев Н.Л. Экономика промышленного предприятия. М.: ИНФРА-М, 2008. 414 с.
5. Канке А.А., Кошечкина И.П. Анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия. М.: ИНФРА-М, 2007. 288 с.

6. Карлик А.Е., Шухгальтер М.Л. Экономика предприятия. СПб.: Питер, 2009. 464 с.
7. Ковалев В.В., Ковалев Вит.В. Финансы организаций. М.: Проспект, 2006. 352 с.
8. Кондратьева М.Н., Баландина Е.В. Экономика предприятия. Ульяновск: УлГТУ, 2011. 174 с.
9. Налоговый кодекс (с изменениями и дополнениями на 21 июня 2019 года). М.: Эксмо-Пресс, 2019. 1216 с.
10. Разиньков П.И. Анализ эффективности использования потенциала предприятия. Тверь: ТвГТУ, 2018. 256 с.
11. Разиньков П.И., Разинькова О.П. Методологические аспекты комплексной оценки ресурсного потенциала предприятия // Известия Тульского государственного университета. 2017. № 1-1. С. 174–184.
12. Разинькова О.П. Потенциал предприятия: концептуальные основы формирования и развития: монография. Тверь: ТвГТУ, 2018. 200 с.
13. Сафронов Н.А. Экономика предприятия. М.: Юрист, 1998. 584 с.
14. Семенов В.М. Экономика предприятия. СПб.: Питер, 2008. 416 с.
15. Фролова Т.А. Экономика предприятия: лекции. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2012. 184 с.

STUDY OF THE ESSENCE AND PROBLEMS OF FORMATION OF MAJOR PRODUCTION FUNDS OF THE ENTERPRISE

P.I. Razinkov, O.P. Razinkova

Tver State Technical University, Tver

The article deals with the problems of forming and increasing the efficiency of using the fixed production assets of an enterprise. The analysis of the effectiveness of the formation and use of fixed assets of a machine-building enterprise has been carried out, and measures have been reviewed to improve their formation and use.

Keywords: *fixed production assets, capital productivity, capital intensity.*

Об авторах:

Разиньков Павел Иванович – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, SPIN-код: 1876-3624. E-mail: men_756@mail.ru

Разинькова Оксана Павловна – кандидат экономических наук доцент кафедры менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь, SPIN-код: 2956-4957. E-mail: razinkovaoksana@mail.ru

Razinkov Pavel Ivanovich – PhD (Economic Sciences), professor, head of department of management of Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 1876-3624. E-mail: men756@mail.ru

Razinkova Oksana Pavlovna – PhD (economic sciences), associate professor of department of management of Tver State Technical University, Tver, SPIN-code: 2956-4957. E-mail: razinkovaoksana@mail.ru

УДК 336.6

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ФИРМЫ (НА ПРИМЕРЕ ОАО «РИМ»)

О.В. Крюкова

© Крюкова О.В., 2019

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

Рассматриваются понятия, назначение и роль финансовой безопасности и устойчивости предприятия на примере ОАО «РИМ»; показатели финансовой устойчивости субъекта хозяйствования; разработка и реализация мер по вопросу исследования, которые напрямую нацелены на рост значений финансовой устойчивости и финансовой безопасности ОАО «РИМ».

Ключевые слова: *финансовая безопасность, финансовая устойчивость, показатель финансовой зависимости, логистика запасов, анализ задолженностей, кредитная политика организации.*

В современных рыночных условиях эффективное функционирование и стабильное развитие хозяйствующих субъектов любых организационно-правовых форм основаны на финансовой безопасности.

Под системой обеспечения финансовой безопасности организаций понимается совокупность сформированного комплекса мер в интересах защиты бизнеса от внутренних и внешних финансовых угроз.

Угроза потери финансовой безопасности – это возможность проявления деструктивного воздействия разного вида факторов на финансовое развитие фирмы, приводящих к определенному экономическому ущербу.

Выделяют основные угрозы финансовой безопасности:

- потеря ликвидности и неплатежеспособности организации;
- утрата финансовой самостоятельности фирмы;
- снижение эффективности деятельности хозяйствующего субъекта, утрата его доходности и способности к самоокупаемости и развитию;
- старение объектов основных средств за счет «проедания» амортизационного фонда;
- сокращение доходности и рыночной стоимости фирмы;
- использование неэффективной кредитной политики в части дебиторской и кредиторской задолженностей;
- разрушения стоимости организации.

Финансовая безопасность хозяйствующего субъекта обеспечивает его развитие и устойчивость. Показателем развития организации выступает рост его реальной стоимости, а показателем устойчивости – финансовое равновесие организации как в долгосрочном, так и в краткосрочном периоде.

Финансовая устойчивость организации – это экономическая характеристика, констатирующая стабильное финансовое положение организации, а именно превышение доходов над расходами, свободное распоряжение имеющейся денежной массой и эффективное ее использование, бесперебойность процесса производства и продажу продукции. Практика показывает, что финансовое положение считается устойчивым, если намечается

рост прибыли и капитала организации, сохраняется его платеже- и кредитоспособность [1, с. 189].

Основой устойчивости финансового положения хозяйствующего субъекта являются взаимосвязь и соотношение между размером материальных ресурсов и источниками их формирования независимо от вида.

Финансовую устойчивость организации можно характеризовать относительными показателями, а именно показателем финансовой независимости, показателем финансовой устойчивости, показателем финансовой зависимости, показателем концентрации, показателем маневренности, показателем обеспеченности запасов собственными оборотными средствами, финансового левериджа и т. д. [5, с. 103; 2, с. 85].

Расчетные действия позволяют выявить сильные и слабые стороны субъекта хозяйствования и его возможности в будущем.

Анализ финансовой устойчивости организации проводится для оценки эффективности управления собственными и заемными средствами [3, с. 122]. Проведем указанный анализ на примере ОАО «РИМ» за период 2012–2016 годов.

В таблице представлена оценка финансовой устойчивости ОАО «РИМ».

Оценка финансовой устойчивости ОАО «РИМ» за 2012–2016 годы

Показатели	Год					Темп роста
	2012	2013	2014	2015	2016	
1	2	3	4	5	6	7
Коэффициент обеспеченности запасов и затрат, руб./руб.	0,99	0,96	0,89	0,93	1,16	0,17
Излишек (недостаток) средств для устойчивой обеспеченности запасов, тыс. рублей	245 951	234 823	131 711	165 270	283 394	37 443
Продолжительность финансовой устойчивости (неустойчивость), дней	39	40	29	44	105	66
Излишек (недостаток) источников покрытия на 1 рубль запасов и затрат	0,46	0,43	0,20	0,30	0,41	–0,05
Коэффициент автономии, руб./руб.	0,76	0,79	0,83	0,88	0,90	0,14
Коэффициент финансовой устойчивости, руб./руб.	0,77	0,80	0,84	0,89	0,92	0,15
Коэффициент финансовой зависимости, руб./руб.	0,24	0,21	0,17	0,12	0,1	–0,14
Коэффициент финансирования	3,16	3,75	4,98	7,26	9,5	6,34
Коэффициент инвестирования	1,51	1,43	1,44	1,41	1,71	0,2
Коэффициент маневренности	0,32	0,29	0,29	0,28	0,41	0,09

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Коэффициент обеспеченности оборотных средств собственными средствами	0,53	0,55	0,62	0,7	0,82	0,29
Коэффициент соотношения мобильных и иммобилизованных средств	0,96	0,79	0,71	0,59	0,89	-0,07
Коэффициент финансового рычага	0,32	0,27	0,20	0,14	0,11	-0,21
Коэффициент соотношения активов и собственного капитала	1,27	1,25	1,19	1,13	1,09	-0,18
Коэффициент соотношения кредиторской и дебиторской задолженностей	0,82	0,94	0,76	1,2	1,44	0,62
Коэффициент соотношения оборотных активов с собственным капиталом	0,63	0,55	0,49	0,42	0,51	-0,12
Коэффициент постоянного актива	0,69	0,73	0,72	0,73	0,6	-0,09
Типы финансовой устойчивости	538 330 < < 784 281	5 558 406 < < 793 229	6 444 146 < < 775 857	560 132 < < 7 255 402	695 089 < < 9 788 483	-

Расчет абсолютных показателей финансовой устойчивости ОАО «РИМ» характеризует абсолютную финансовую устойчивость организации в течение 5 анализируемых лет (неравенство в 2012 году составило 538 330 тыс. рублей < < 784 281 тыс. рублей; в 2013 – 558 406 тыс. рублей < 793 229 тыс. рублей; в 2014 – 644 146 тыс. рублей < 775 857 тыс. рублей; в 2015 – 560 132 тыс. рублей < 725 402 тыс. рублей; в 2016 – 695 089 < 978 483 тыс. рублей). Это подтверждается расчетными значениями показателей: коэффициента обеспеченности запасов и затрат соответствующей суммой оборотных средств, излишка средств для устойчивой обеспеченности запасов, продолжительности финансовой устойчивости, излишка источников покрытия на 1 рубль запасов и затрат, коэффициента обеспеченности собственными оборотными активами.

Коэффициент обеспеченности запасов и затрат соответствующей суммой оборотных средств в 2012 году составил 0,99 (это означает, что 99 копеек собственных оборотных средств приходится на 1 рубль запасов), а в 2016 – 1,16, что на 17 копеек больше, чем в 2012.

Излишек средств для устойчивой обеспеченности запасов в 2012 году был равен 245 951 тыс. руб.; в 2013 – 234 823 тыс. рублей; в 2014 – 131 711 тыс. рублей; в 2015 – 165 270 тыс. рублей; в 2016 – 283 394 тыс. рублей.

Продолжительность финансовой устойчивости в 2012 году составила 39 дней, а в 2016 – уже 105 дней (это означает, что в течение почти 3,5 месяцев ОАО «РИМ» обеспечивает себя ресурсами за счет собственных средств).

Излишек источников покрытия на 1 рубль запасов и затрат колеблется (46 копеек – в 2012 году, 41 копейка – в 2016).

Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами характеризует обеспеченность собственными оборотными активами за счет оборотных средств. В 2016 году он составил 0,82 (это на 29 копеек больше, чем в 2012).

Расчетные значения относительных показателей финансовой устойчивости организации позволяют оценить их состояние за анализируемый период. Опишем далее это состояние.

Коэффициент автономии в ОАО «РИМ» в 2012 году составил 0,76. Он характеризует размер собственного капитала в структуре капитала, необходимого для формирования активов организации. Данные показателя отражают его устойчивую динамику. В 2016 году данный коэффициент составил 0,90. Это означает, что динамика собственного капитала в структуре имущества в течение 5 лет составляла последовательно 76 – 79 – 83 – 88 – 90 %.

Противоположен показателю автономии показатель зависимости, который характеризует соотношение заемного капитала и имущества ОАО «РИМ». В 2012 году он составлял –0,24, т. е. 24 % в структуре имущества организации составляет заемный капитал (это на 14 % больше, чем в 2016 году).

Коэффициент финансовой устойчивости можно применять для расчета в качестве дополнения и развития показателя финансовой независимости (автономии) путем прибавления к собственному капиталу оценочных резервов, как дополнительные средства к собственному капиталу. В 2016 году он составил 0,92 (это на 3 копейки больше, чем в 2015, и на 15 копеек больше, чем в 2012).

Коэффициент финансирования собственным капиталом заемного капитала оказался значительным по размеру.

В 2012 году величина собственного капитала в 3 раза превышала заемный капитал; в 2016 это превышение увеличилось в 9,5 раз.

В составе заемного капитала наибольший удельный вес составляет кредиторская задолженность (в 2012 году – 48,1 %, а в 2016 – уже 83,0 %), которая при умелом использовании может быть совсем «бесплатной». А вот кредитов и займов почти нет в составе заемного капитала. Все это привело к тому, что собственный капитал значительно превышает заемные и привлеченные средства (это обеспечивает устойчивое развитие организации). В противовес коэффициенту финансирования собственным капиталом заемного капитала рассчитывается коэффициент финансового рычага. В динамике на 5 анализируемых лет его значения снижаются на 21 п.п. Это также подтверждают расчетные значения и динамика показателей инвестирования, постоянного актива, маневренности и характеризуют сложившиеся обстоятельства.

По значению показателя инвестирования можно оценить соотношение собственного капитала и внеоборотных активов. В соответствии с данными бухгалтерского баланса на 1 рубль 51 копейку собственного капитала и оце-

ночных резервов в 2012 году приходился 1 рубль внеоборотных активов (это на 20 копеек меньше, чем в 2016).

Обратным показателем коэффициента инвестирования является показатель постоянного актива. Его расчетные значения свидетельствуют, что на 1 рубль собственного капитала в 2012 году приходилось 69 копеек внеоборотных активов; в 2013 – 73 копейки; в 2014 – 72 копейки; в 2015 – 73 копейки, а в 2016 – 60 копеек.

Показатель маневренности характеризует соотношение собственных оборотных средств организации и собственного капитала. Значение данного коэффициента увеличивается в динамике за 5 лет, что связано с большим темпом роста собственного капитала над внеоборотными активами.

Показатель соотношения активов и собственного капитала характеризует полную их взаимосвязь. В течение 5 лет значение данного коэффициента сокращается, что связано со снижением темпов роста имущества организации. Аналогичная тенденция наблюдается с коэффициентом соотношения оборотных активов с собственным капиталом.

В связи с быстрым ростом кредиторской задолженности по сравнению с дебиторской коэффициент соотношения кредиторской и дебиторской задолженности в динамике за 5 лет возрастает на 76 %.

Коэффициент обеспеченности оборотных средств собственными средствами рассматривает источники пополнения запасов. Он в 2012 году составлял – 0,53, а в 2016 – 0,82. Это означает, что собственные оборотные средства пополняются за счет собственных источников.

ОАО «РИМ» располагает собственными средствами для покрытия всей потребности в оборотных активах.

По итогам анализа финансовой устойчивости ОАО «РИМ» следует отметить, что организация абсолютно устойчива во всех финансовых отношениях, во взаимосвязи состава и структуры имущества и капитала, но при этом необходимо иметь в наличии «подушку» безопасности [4, с. 40–46]. Поэтому целесообразно разработать и реализовать мероприятия по двум направлениям, которые напрямую нацелены на рост значений финансовой устойчивости ОАО «РИМ»:

внешнее:

- логистика запасов (наличие поставщиков, транспортировка грузов);
- оценка кредитоспособности организации;
- кредитная политика в части привлечения краткосрочных займов и составления графика погашения кредитов;
- рассмотрение возможности создания совместных предприятий по производственному процессу (ассоциации, холдинга);
- анализ дебиторской задолженности с подразделением на виды;
- анализ финансовых потоков организации;

внутреннее:

- анализ кредиторской задолженности с детализацией (бюджет, внебюджетные фонды, оплата труда, расчеты с поставщиками);

логистика запасов (подразумевает изменение в технологическом процессе, модернизацию и замену оборудования производства);

оценка денежных потоков организации [6, с. 62–64].

Предложенные меры позволят в текущем и стратегическом периодах осуществлять контроль за изменениями значений финансовой устойчивости организации, связанной с машиностроительной отраслью, так как оценка финансовой устойчивости является важным элементом в структуре осуществления финансового анализа компании для финансовой безопасности.

Библиографический список

1. Абрютин М.С., Грачев А.В. Анализ финансово-экономической деятельности. М.: Дело и сервис, 2013. 256 с.
2. Бочаров В.В. Финансовый анализ. СПб.: Питер, 2009. 240 с.
3. Ковалев В.В. Финансы. М.: Проспект, 2016. 928 с.
4. Крюкова О.В. Оценка финансовой устойчивости организации (на примере ОАО «Завод») // Саморазвивающаяся среда технического университета: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 8–9 февраля 2018 г., Тверь. В 2 ч. Ч. 1 / под ред. Е.А. Евстифеевой, С.В. Рассадина. Тверь: ТвГТУ, 2018. 240 с.
5. Шеремет А.Д., Негашев Е.В. Методика финансового анализа деятельности коммерческих организаций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2008. 208 с.
6. Свиридова Н.В. Рейтинговый анализ в исследовании финансового состояния организации // Финансы. 2007. № 12. С. 62–64.

ASSESSMENT OF FINANCIAL SECURITY OF THE COMPANY (IN THE EXAMPLE OF «ROME»)

O.V. Kryukova

Tver State Medical University, Tver

Concepts, purposes and importance of financial security and stability of the enterprise on the example of JSC «ROME»; indicators of financial stability of the business entity; development and implementation of measures on the issue of research which are directly aimed at growth of values of financial stability and financial security of JSC «ROME» are considered.

Keywords: *financial security, financial stability, financial dependence indicator, inventory logistics, debt analysis, credit policy of the organization.*

Об авторе:

Крюкова Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: olga140375@mail.ru

Kryukova Olga Vladimirovna – senior lecturer of department of philosophy and psychology with courses of bioethics and history of the Fatherland of Tver State Medical University, Tver. E-mail: olga140375@mail.ru

Правила представления статей для публикации в журнале

Статья должна отвечать тематике основных разделов журнала и содержать результаты исследований, ранее не публиковавшиеся. Объем статьи – от 5 до 16 полных страниц формата А4. Статья должна сопровождаться метаданными и иметь полный библиографический список. Состав авторского коллектива не должен превышать четырех человек. Публикация более двух статей одного автора (в том числе и в соавторстве) в одном номере не осуществляется.

Не допускается дословное цитирование без кавычек из чужих источников и своих источников; допускается опубликование ранее опубликованных иллюстраций и уравнений, если это требуется для понимания текста. Иллюстрации из чужих источников нежелательны, кроме случаев, когда без их дублирования статью невозможно понять; в этом случае они должны быть снабжены ссылками на эти источники. Статья должна содержать новые научные результаты и соответствовать тематике журнала.

Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований: приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются). При этом ссылки на собственные публикации не должны преобладать (желательно, чтобы их количество не превышало 25 % от общего числа ссылок).

Представление статей на бумажном носителе и сопровождающих их материалов осуществляется по адресу редакционной коллегии. К сопровождающим материалам относятся метаданные статьи и заполненная форма лицензионного договора.

Метаданные статьи необходимы для помещения статьи в российскую электронную научную библиотеку и включают тематический рубрикатор – УДК; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах (ФИО полностью, должность, место работы каждого автора, адрес электронной почты для каждого автора, SPIN-код РИНЦ), библиографический список по ГОСТ 7.1-84 на русском языке; название, аннотацию, ключевые слова, сведения об авторах на английском языке.

При подаче статьи для публикации в журнале авторы должны заключить *лицензионный договор* с Тверским государственным техническим университетом о предоставлении права использования произведения. Форма договора представлена на сайте ТвГТУ в разделе «Вестник ТвГТУ». Представление электронных версий статей и метаданных осуществляется по адресу электронной почты vestnik-tstu@mail.ru. Электронная версия должна содержать один файл, подготовленный с использованием редактора Microsoft Word.

Файл с названием ФИОавтора.doc (указывается фамилия первого автора) содержит текст и метаданные статьи.

Параметры страницы: формат А4, ориентация – книжная, поля – все по 25 мм, переплет – 0 см, отступ на колонтитулы – 1,25 см.

Параметры форматирования текста: шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12 пт; абзацный отступ – 1,25 см (не задавать пробелами); выравнивание – по ширине, междустрочный интервал – одинарный; заголовок – полужирным с выравниванием по тексту прописными буквами; перед заголовком статьи – УДК без отступа, далее пропуск одной строки, после заголовка пропуск одной строки, затем пропуск одной строки, далее инициалы и фамилии авторов – шрифт полужирный курсив, между инициалами имени и отчества после точки пробел не ставится, далее пропуск одной строки, затем текст, после текста – пропуск строки и библиографический список.

Не допускаются два и более пробела, табуляция, форматирование красной строки с использованием табуляции, автонумерация (нумерованных и маркированных списков), автоматическое проставление сносок, нумерация страниц.

Формулы: все формулы должны быть набраны с использованием редактора **Microsoft Equation**, расшифровка обозначений в формулах обязательна.

Дополнительные требования: единственная таблица, рисунок и формулы, на которые нет ссылок, не нумеруются; должны различаться тире (длинное) и дефис (короткий); между инициалами и фамилией (А.С. Пушкин), между числом и единицей измерений (96 км/ч) и перед сокращениями должен стоять неразрывный пробел (Shift + Ctrl + пробел); для расстановки переносов использовать команду автоматического переноса; ссылки на рисунки и таблицы по тексту обязательны; ссылки на библиографические источники представляются в квадратных скобках.

Нумерация рисунков сквозная по тексту статьи: Рис. 1. Название (точка в конце названия не ставится). В случае одного рисунка наименование «Рис.» перед названием не ставится. Для таблиц нумерация сквозная по тексту: Табл. 1. Название (точка в конце названия не ставится).

Все рукописи печатаются бесплатно.

Все рукописи проходят проверку системой «Антиплагиат.ВУЗ»

Редакционная коллегия:

Рассадин Сергей Валентинович – главный редактор, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Филиппченкова Светлана Игоревна – заместитель главного редактора, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Дьяченко Ярослав Олегович – ответственный секретарь, кандидат философских наук, доцент кафедры психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Члены редакции:

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой психологии и философии ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Майкова Элеонора Юрьевна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Буланов Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственной медицинской университет»

Михайлов Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет»

Сиротюк Алла Леонидовна – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой дошкольной педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета»

Рубцова Надежда Евгеньевна – доктор психологических наук, доцент, главный специалист Управления координации научных исследований Российской академии образования (г. Москва)

Артемьев Алексей Анатольевич – доктор экономических наук, профессор, декан инженерно-строительного факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Розов Дмитрий Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВО «Тверской государственной технической университет»

Беденко Надежда Николаевна – доктор экономических наук, зав. кафедрой экономики предприятия и менеджмента ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

Казак Тамара Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники (Белоруссия, г. Гомель)

Газнюк Лидия Михайловна – доктор философских наук, зав. кафедрой гуманитарных наук Харьковской государственной академии физической культуры (Украина, г. Харьков)

Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А.Никитина, д. 22, каб. 425А

Телефон (4822) 784190 доб. 1, адрес электронной почты:

vestnik-tstu@mail.ru

ВЕСТНИК
ТВЕРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»

Научный рецензируемый журнал

№ 3 (18), 2019

Редактор Ю.А. Якушева
Корректор С.В. Борисов
Технический редактор Ю.Ф. Воробьева

Редакционно-издательский центр
Тверского государственного технического университета
Адрес редакции: 170026, г. Тверь, наб. А. Никитина, д. 22